

Панасенко Оксана

Зангела и половинка.

Дейкоз

полуночи

Три ангела и половинка. Лейкоз полуночи

... Я проснулась, и начала свою жизнь сначала... Меня нашел человек, который в последствие стал для меня дорогим. Мы отправились с ним в путешествие по королевствах всего мира, чтобы вернуться снова в наш родной Гелиус. И пусть я не чистокровная данталионка, все же, Гелиус мой второй дом. Моя вторая страна. А он, мой человек, оказался тем, кто должен изменить все в ней. Поставить людей с коленей на ноги. А тем временем, я буду обнимать воздух, и про себя говорить: «Я жду и люблю вас... Квенсент, Айрон».

Ночь 1

КУКЛА

... Среди людей ходит очень давняя легенда, о том, что перед тем как родится на белый свет, Бог подзывает к себе каждую душу, и спрашивает, какие у нее есть три самых заветных желания. Душа отвечает. Но, после рождения, она забывает о тех желаниях. Но, когда они сбываются — человек умирает, снова возвращаясь в небеса к своему создателю...

Но, если не знаешь само желание, то, не знаешь и сколько понадобится на него время... Не правда ли?... Поэтому, самым ценным даром для каждого человека является отнюдь не богатство, красота, или даже здоровье, а... время... Его нельзя остановить, вернуть, прокрутить прожитый отрывок заново... Время — это подобие синей птицы счастье — оно есть, но при этом оно и не уловимо. И многие говорят, что чтобы не плакать уже над улетевшей "птицей времени" каждую минисекунду надо проживать, как в последний раз. Потому, что не знаешь, какое будущее на тебя поджидает на следующей минисекунде. А другие говорят противоположно, что нужно больше времени проводить в кругу родных, семьи, близких...

... Но, лично о своем времени я могу рассказать многое...

... Казалось, за свою ооочень долгую жизнь, я достигла всего, чего хотела. У меня была прекрасная семья, которую пришлось покинуть. Я познакомилась с чудесными тремя друзьями: Квенсентом, Айроном и Микиэлем. Я родила прекрасного сына Артура, хотя, и без права на его воспитание. Всю свою жизнь я жила вместе с Айроном и Квенсентом, и они мне никогда ни в чем не отказывали. Я была для них, словно принцесса. Хотя, ею и не являлась. А после... пришел трагический момент, и за ними пришла смерть, раньше, чем за мной. Мне пришлось похоронить их. И в буквальном смысле, с горя, собственными руками, рыть яму для каждого из них, выцарапывая все глубже и глубже пальцами и ногтями землю. Но, я не могла понять лишь одного: если они умерли от естественной смерти, состарившись, то, почему, ни на морщинку на лице не состарилась я? Почему, окружающие меня люди умирают и опустошают замок, и я остаюсь совершенно одна...

Множество лет спустя

Барбурское королевство

Король того королевства, Фредерик XVI, сидя на троне больше походил на бога, нежели на смертного, земного, короля. Длинная шелковистая и слегка волнистая борода, сияла золотом. Впрочем, как и его корона с крупными драгоценными камнями в ней. Она казалась, настолько велика на его маленькой головке, хотя, с пышными волнистыми волосами, что сразу же возникало ощущение, что только стоит ему шевельнуть головой, или даже попросту глубоко вздохнуть, и она слетит, упав точно не ему на колени. Золотое длинное одеяние. Казалось, и в этом король намеривался победить китайского императора с его традиционными драконьими и поднебесными нарядами.

Несмотря на это, убранство в тронном зале было тусклым, и все огромные окна зашторены тяжелыми плотными темно-оранжевыми шторами.

Король был строг. Об этом говорили черты его лица. Еще на них выражался эгоизм и какой-то шарм азарта.

При этом, он точно знал, как лучше всего управлять своими владениями, которые расстилались за границей его замка, имеющие неописуемые красоты местного населения: маленькие поселки и большие города, с рынками и площадями, с жителями, которые верили в мир во всем мире, скорее так процентов на восемьдесят пять, а еще леса, поля, и многие другие территории, которым положено быть во всяком уважающем себя королевстве, чтобы иные королевства могли позавидовать королю.

Между этих пейзажей, направляясь исключительно к замку, ехал всадник на бурой лошади с густой черной гривой, крепкими подкованными копытами, мощным телосложением, полным силы бежать за дыханием ветра. На всаднике был накинута серый плащ с плотной ткани, чтобы ветер не смог и прикоснуться к нему. А капюшон на голове, пряча умело лицо до не узнаваемости, защищал глаза, лицо и волосы, от того же злодея-ветра, пыли, поднимающейся под копытами, плохой погоды, и недобрых взглядов людей, оборачивающихся в его сторону.

Подъехав к замку, всадник умело соскочил с лошади, чуть ли не на ходу. Передал уздечку с лошастью подбежавшему слуге, и, не замедляя темп движения, отправился по направлению к тронному залу короля.

Дверь перед всадником открылась от рук двух слуг. И его встретила темнота, словно он попал в подземелье. Понимая, что он окажется не перед кем-то из простолюдинов, а перед самим королем, снял капюшон, и открыл свое лицо. И всадником оказался молодой человек, не больше двадцати четырех лет. Большие выразительные темно-синие глаза. Волосы цвета вороньего крыла, рваные, пышные, и торчащие в прическе. Всадник раскрыл плащ и показал и свой наряд: на шее черный кожаный ошейник, белая рубашка с расстегнутыми первыми пуговицами и манжетами, которые были широки, как и воротник, черные штаны и жилетка-фрак, черные сапоги. Еще на нем был надет кожаный коричневый пояс, к которому пристегались по правую сторону ножны меча. А к левому бедру ноги пристегнулся пистолет в кожаном чехле на трех перекрещенных ремнях. Красота его лица, тела, была изумительна. Он напоминал расцветшей цветок фруктового дерева в самом соку, в самой красоте. В нем было что-то таинственное, манящее и темное. А его черная тень, тянущаяся за ним, казалась, длиннее и чернее, нежели, у всех остальных.

Он прошелся по напольной каменной плитке, звонко отбивая каблуками сапогов шаги,

разлетевшиеся эхом на весь тронный зал. Реагируя на это, но молча, стоящие по обе стороны от трона короля слуги в шеренге, словно живые статуи, низко склонившие головы, не поднимая их, покосились взглядом в его сторону. Они были одеты, по единому образцу, в голубые рубашки, серебряные шелковые жилетки, синие кюлоты, белые чулки, черные туфли, а подстрижены в прическу — каре.

Король молчал и не реагировал. Всадник был не первой шумной «мухой», стоящей перед его глазами.

Всадник дошел до положенного ему предела около трона. Резко остановился и с шумом, более походящий на щелчок, как это умеют делать лишь люди военного высшего чина, опустил на колено. Склонив голову.

— Вам вечное уважение, Ваше величество, — произнес всадник, звонким и в тоже время бархатистым приятным голосом.

— Это ты самый лучший сыскатель на Западных и Восточных землях? — спросил Фредерик XVI.

— Не говорите такого, Ваше величество, до того не узнав моей силы.

— А ты мне нравишься, — эгоистично улыбнулся, — Не каждому зазнайке будет это задание по плечу.

— Вы разыскали меня, лишь чтобы предложить мне дело? И какое? Знайте, я не берусь просто за раскопки могил, кражу чужих кошельков в подворотнях или точно уж за киллерское дело.

— Не волнуйся. По этих вопросах у меня есть другие люди... У меня для тебя более интересное задание. В стоимость два миллиона золотых.

— Такая роскошь, — поднял бровь, хотя в голосе отобразил незаинтересованность, — И за что же, ваша милость, раздает такие гроши?

— Ну что, примешься за дело?

— Сначала, скажите за что? Я не из левых, чтобы подкупаться за цену.

— Тебе нужно будет съездить в королевство Гелиус. В замок Распятъя.

— В то проклятое, запущенное, и разрушенное до обоснования место? Да его обходят десятой столицей. И каждое привидение отплевывается. После смерти короля Алексия.

— И забрать оттуда одну вещь.

— И это все, что нужно сделать? Хорошо. Я согласен, — засунул руки в карманы штанов, — И что за вещь? Камень? Корона? Картина?

— Кукла, — спокойно.

— Кукла? — удивился.

— Фарфоровая кукла размером с человека. В черном наряде. Темными волосами. И, как помню, — мягко улыбнулся, — Черными глазами.

Всадник взял часть денег за работу, рассчитав на нужды и дорогу, пока будет выполнять задание, а остальную сумму, по договоренности, должен будет забрать после выполнения задания.

Он отправился в путь на своей верной лошади Конни, которую спас еще маленьким жеребенком от рук разбойников, схватившие ее в поле. Она принадлежала к роду спиритов, вольных, диких лошадей, а разбойники хотели сдать ее за пару медняков на живодерню. Тогда вот они и пересеклись. Всадник проходил мимо. На голову накинул капюшон плаща. Нес на плече палку с узелком с пожитками. Пожалел бедняжку. Накинулся на разбойников. Ловко разделался с ними на раз и два с помощью палки. Оглушил негодяев. Всадник уже

намеривался продолжить путь, накинул палку на плечо, но, жеребенок последовал за ним, заплетаясь в веревках, между копыт и задыхаясь в самодельном ошейнике-наморднике. Так и стала она, Конни, его лошадью. В будущем став ему настолько верной и заботливой, служивой, что, словно боялась, каждого момента их расставания, чтобы за ней снова ни пришли те злодеи, а сам всадник не обиделся на нее и ни отдал ее в живодерню.

Расстояние между Барбурским королевством и королевством Гелиус пересекалось с преградами еще четырех королевств: Карск, Алоес, Витъен и Генатр. И если спешить очень-очень, то можно было его проскакать в полгода.

Королевство Гелиус

Всадник въехал в его земли и проелся холодом. Доныне разлетающиеся волосы, под порывами свежего вольного ветра, спрятались под капюшоном. Всадник поднял глаза на грустное тучное небо и опустил вниз, на бесчисленное количество черных мертвых деревьев. По их изящных стволам можно было еще угадать, что это были фруктовые деревья, вишни. И что в прошлом это был вечноцветущий райский вишневый сад. Деревни опустели, оставив по себе лишь домики, которые последовали бы с охотой за своими хозяевами, если бы у них были ноги. Немалое количество жителей еще осталось, доживая остатки дней в полной нищете. Держась крепко друг-за-друга, отдавая верность королевству, называя себя гордо «данталионцами». Многие умерли. Большинство жителей эмигрировали в другие королевства, прося защиты. Парадная столица королевства — Данталион, в ней лишь только начинали появляться силуэты людей. А сам замок стоял опечаленный трагической картинной. Он был покрыт ужасной маской крови и жестокости.

... Прошло уже семьдесят лет. А ничего не изменилось. Я не из тех, кто будет садиться на лавку и под свет свечки вспоминать события прошлого. Они все вырисованы во мне. В крови. На теле. В мозгу. В глазах. Сотнями шрамами. Их просто невозможно забыть.

С огромным трудом, начиная от убедительных слов Айрона, королевству Гелиус удалось добиться благополучия и доверия между другими странами. Постепенно название страны Гелиус перестали ассоциировать с проклятиями, демонами. Хотя, Айрон так и не поведал всем подлинной легенды создания страны. И не раскрыл свое происхождение, что является настоящим данталионом, полуангелом, и, не «покорил» поданных своим даром крыльев, в которых я влюбилась до бесконечности.

Хотя, не все в жизни можно добиться словами. Большинство глупых мужчин берутся за оружие и лезут в бой. Потирают руки перед, причем невинными людьми, вместо того, чтобы у себя дома построить дуэльный зал, как это сделал Айрон, и сражаться пока не свалишься с ног. Вот и не хватило некоторым людям этой выдержки. И решил один подобный «глупец» бросится в бой, как подумал он, «на наивную страну». Руку поднял Фредерик XV, где продолжателем и окончателем войны стал его сын Фредерик XVI. Люди кричали, умирали, плакали, убегали, сражались. Все рушилось, все горело. А я была в замке, своей комнате, и за всем с печалью наблюдала. Я помню, даже в те моменты меня оберегали. Помню Алексея, так храбро защищающего замок. Командующего солдатами. Несмотря, что он был в излишках добрым королем, в делах, бою, был всегда строг, справедлив, организован, самостоятелен. Ему не было и тридцати пяти, но для жизненного опыта и царствования королевством выглядел значительно старше. Я помню его беременную супругу, которая

должна была родить на днях, в эти тяжелые минуты, и как ее под сопровождением служанок выводили с замка тайным проходом. Почему я тогда была так безэмоциональна? Почему не беспокоилась о том, что будет со мной? И почему, когда в мою комнату резко ворвался солдат вражеской армии, наступал в мою сторону и махал мечом, угрожая, даже тогда я была полноценно спокойна? Кто знает... Видно, была очень глупа, или, очень уставшая, от наблюдения за подобными поступками, или, потому что чувствовала, что чтобы со мной не произошло, мне будет не больно. А если умру, со мною будет все хорошо (вспомнила образы своих любимых друзей, за которыми ужасно соскучилась, захотела их увидеть, крепко обнять. Даже размышлялась, что если моя жизнь оборвется в этом мире, в сею секунду, то продлится уже на небесах. И моя мечта осуществится, что я, наконец-то, встречу с моими любимыми друзьями, и мы с ними будем жить вечно вместе)...

Всадник похлопал несколько раз лошадь по шее, чтобы она успокоилась, почувствовав, что Конни ведет себя тревожно, и спустился. Поднявшаяся черная пыль с земли тучкой, мгновенно осела ему на сапоги. Пройдясь несколько метров, всадник привязал за уздечку к столбу Кони. Он посчитал, что сейчас она будет ему только мешать.

За время своего странствия по разным странам, местам, занимаясь разными делами, всаднику удавалось не только рыться в «райских облаках». Он раскапывал усыпальницы, попадал во множество неприятностей, застревал и чуть ли не потопал по шее в грязи-засмокталке, ходил под проливным дождем, плавал до глубины океана, доставая сокровища. Засовывал руку по плечу в логово пауков. Надыхивался грибков в закупоренной комнате подполья. Бродил в горах и лабиринтах. Преодолевал пустыни. Пил на завтрак кокосовое молоко, воду с оазиса, а на обед ел мякоть кактуса. Пробирался по тропических джунглях с непокрытой головой, размахивал мечом, отбиваясь от змей и прочищая путь от лиан и крупно-листных растений. Поднимался на жертвенные пирамиды майя. Доставал зеленый топаз среди вечно-снежных земель севера. Но, пейзажность замка, стоящая сейчас перед ним, его усомнила и расстроила: на половину разрушенный, с черной аурой, с пропитанными кровью стенами, даже черным небом над ним. Все прекрасное было давно искоренено и позабыто: бесчисленное количество клумб с цветущими цветами, истощающими сладостные ароматы, веселые жизни людей, убранство до идеальности комнат, каждая по нраву своего хозяина. Здесь была жизнь. Здесь были балы и танцы. Здесь обитала любовь. Здесь обитало блаженство сердец. Это было настолько волшебное место, что если лишь испеченный хлеб выносили за границы кухни, неся в королевскую столовую на стол, его превосходный аромат разносился вокруг. И все восхищались им. Все косвенно его ели. И пусть я не могла ничего ни есть и ни пить, и я им восхищалась тоже. Улавливала манящие ароматы кончиком носа и вдыхала. Восхищалась виноделами, привозящие каждой осени бочками и в бутылках свое самое лучшее вино. Я восхищалась и радовалась всему, что окружало меня. Лишь иногда, с наступлением очередного бала, стоя молча возле колонны, ожидала, что ко мне вот-вот подойдут Квенсент и Айрон, как делали они неожиданно и чуть ли не сорясь, кто первый пригласит меня на танец. Но, отрезвенев в мозгах, понимала, что их давно уже нет. Они покинули меня. И с каждым годом между нами расстояние лишь увеличивается. А я так хочу, до слез, снова увидеть их. Их улыбки. Их лица. Их глаза. Почувствовать их ладони, когда подадут мне руки. Взять их за руку. Почувствовать их тепло. И отречься, что они мертвы. Я за ними скучала, скучаю, и буду скучать. Потому, что я их любила, и буду любить. Они мои самых два родных человека. Я часто думаю, почему, смерть

пришла за ними раньше, нежели за мной. Мне горько вспоминать картину с их могилами, памятниками. Нет. Лучше, вспомню их живыми. Наши совместные деяния, наши прикосновения, а не цветы, темно-красные розы, которые положила им в гробы и на могилы. Мне страшно, мне больно. Хочется упасть на колени, закрыв ладонями глаза, и зарыдать с криком: «ВЕРНИТЕСЬ!..КО МНЕ!».

Всадник принялся искать предмет задания во внутреннем здании замка. Все помещение были развалины. Казалось, прошелся хороший ураган... Но, некоторым деталям в комнатах удалось уберечь свою превосходность, целостность. Всадник содрогнулся, выхватил пистолет, и прострелил идущие настенные деревянные часы, лежащие в вещах на полу, среагировав на ход их часовой стрелки, находящиеся от него на расстояние не меньше двадцати пяти метров. Меткости и зрению всаднику было не занимать.

Он изучил первый этаж. Поднялся на второй. Но, кроме что разрухи, мусора и кучи пыли с паутиной не обнаружил. Добрался к моей комнате. Открыл висевшую на одной петле дверь. Пусто. Беглым взглядом изучил комнату. Собирался уходить, как увидел чью-то руку по запястье. Быстро среагировал. Подошел к окну и убрал кучу навалившихся тряпок. Отодвинул стоящую перевернутую боком кровать, одновременно стянул простынь, зацепившуюся об стенку замка. И увидел запрятанную под ней лежащую свернутую меня. Я лежала на боку. Поджала ноги к себе. Руку локтем к груди, а кистей к носу. Вторую руку откинула вперед, что и дало возможность увидеть всаднику мою руку. С распушенными пышными волосами длинной до плеча рваные в прическе с косой рванной челкой, украшенные обручем с черных роз. На мне было одето черное платье — пышное и легкое, и как казалось мне, словно у феи. Длинной спереди по колено, плавно уходя шлейфом вниз, до середины икр. От центра юбки платья тянулись рваные нашивные складочки-складочки с шифона с неровными концами, что походило взглядом в целом на то, что платье было сшито с легких длинных перьев. С рукавами до локтя, к которым до третины дошивались «перья». Как мне часто казалось, не хватало лишь пары черных крыльев за спиной, хотя бы маленьких, не таких, как у Айрона, и я бы смогла взлететь на небо к Айрону и Квенсенту. С круглым вырезом, где вокруг него и по две стороны от груди вниз, от которых шли «перья» на юбке, нашивались черные розы, точно же такие, как и на голове. Обута была в черные туфли-балетки, а на ногах — белые колготки. И все же, несмотря на мой человеческий наряд, кожа оставалась фарфоровой и холодной. Хрупкой и беззащитной. И чудом уцелевшей под завалинами.

Поразившись находкой, всадник затаил дыхание. Путешествуя по миру, он видел множество видов и размеров кукол, но, никогда не видел настолько человеческой.

— Это она?...Кукла, — более в желание назвать меня девушкой, нежели куклой.

Всадник потянул руку к моему лицу и прикоснулся к щеке. Холодной, гладкой. Убрал тем же пальцем с глаз волосинку.

— Такая работа, — постучал подушечкой пальца по щеке, — Одежда, внешность. Все на высшем уровне. Хороший материал, — попробовал ткань платья, — Даже волосы, как настоящие. Хороший мастер попался. Интересно, что за красавица позировала? Или это его фантазия мозга? Такая кукла на ранге больше трех миллионов золотых стоит будет. Если ее продать на аукционе «черных» персон. Ладно, на подъем, милочка. Давай-ка на ручки, — тяня ко мне руки и подымая, — А ты тяжеловата-то. Бетон в состав наглоталась? — поднявшись на ноги, пошатываясь.

Всадник вынес меня с замка во внешний двор и положив у фонтана. Оставил одну. Тем

временем побрел по конюшням, отыскал подходящий транспорт — уцелевшую телегу. Ведь, везти меня на лошади — это в глупость. Также, чтобы уберечь мою целостность, с древесины построил длинный ящик с крышкой, выглядя идентичным подобием непокрашенного в черный цвет гроба. Аккуратно положил меня в него, скрестив руки на груди, и закрыл крышку, а поверх, набросал еще и тряпки. Присоединил телегу к лошади и тронулся в путь. Шаг тихий, спокойный, чтобы не заставить «гроб» и содержимое его, меня, соваться и прыгать.

Так мы и преодолели королевство Витъен. Всадник натягивал на лицо капюшон посылнее, сгибал спину, и все думали, что он просто старик, в которого и грабить-то нечего.

Преодолелась и середина пути королевства Генатр. Всадник решил подъехать к продуктовому магазинчику, закупить продукты на несколько дней вперед. Магазином заправляла дружная семейка Сэтткисс: муженек, женушка и их чудо маленькая дочурка с удивительно пронырным характером. Любила все знать, везде лезть. Не удивительно, что и было ей-то только пять с половиной лет. И вот, пока всадник отлучился за покупками, войдя в магазин, дочурка-пронька, заинтересовалась, что же у него в телеге. Нет ли там случайно конфет или слоенного торта с кремовой надписью «Укради и съешь меня скорей», и проникла в телегу. Откинула тряпки и отсунула часть крышки. На лице нарисовалась маска страха и испуга. Выпрыгнула с телеги и закричала во весь голос:

— Мамочка! Труп! Труп!

Среагировав на слово «труп», всадник схватил с прилавки мешок с продуктами. Бросил продавцу на прилавок несколько золотых монет, и выбежал на улицу. На крик уже собрались люди. Выбежали с магазина и продавец вместе со своей женушкой.

— Он убийца! — ткнув во всадника пальцем, закричала девочка, — У него в телеге труп.

Не объясняя, что я кукла, а не труп, всадник заскочил ловко на телегу и закрыл быстро крышку ящика.

— Вызывайте рыцарей! — закричал кто-то с толпы, — А вы что все остальные стоите? Окружайте его. Не дайте ему улизнуть, — крикнул кто-то с толпы.

— Прекратите! — крикнул всадник, — Ни какой я не убийца. Я везу на кладбище тело своей умершей сестры. Если вы не верите мне, прошу проследовать за мной к кладбищу. Сопроводите ее в последний путь.

Все поверили и извинились своим поведением: замолчали, склонили головы, выдавая уважение усопшей, и расступились, давая путь.

Всадник быстрее взялся за уздечки лошади и тронулся в путь.

Заехал к ближайшему тесле и заплатил ему две золотых монеты, чтобы он сделал большой чемодан с ручками, в который и положил меня, аккуратно сложив. Всадник прекрасно догадался, что в гробу будет теперь опасно меня перевозить, а в чемодане, не столь заметно и комфортно. И теперь я ему казалась маленьким существом, садовым гномиком, а не высокой куклой с размер человека.

Барбурское королевство

Всадник, уверенно шагая, звонко отбивая каждый шаг каблуком сапога, направлялся по тронному залу к трону короля.

— Ты принес? — спросил Фредерик XVI.

— Да, — ответил кратко всадник.

— И где же она?

— Здесь, — приподнял чемодан, указал.

— Что-то маленькая, — подозрительно, — Она не по частях?

— Нет. Обижаете. В полной ценности и сохранности.

Всадник положил чемодан аккуратно на пол и открыл.

Фредерик XVI спустился с трона. Подошел к чемодану и довольно улыбнулся.

— Я так и думал. Это она, — сказал он, и щелкнул пальцами.

К нему подошел слуга. Аккуратно вынул меня с чемодана. Взял на руки и отнес на королевский трон, бережно посадил.

Фредерик XVI последовал за слугой. Подошел к трону и следующим щелчком пальца подозвал второго слугу. Он вынес с соседней комнаты, прикрытой фиолетовой занавеской, на темно-синей шелковой подушке черный ларец. Фредерик XVI его открыл и аккуратно вынул с него до черноты фиолетовый крупный камень на шелковой широкой черной ленте. Мой бранометр, который был похищен во время войны, ворвавшимся в мою комнату солдатом и доставленным по приказу королю, тем самым, тогда, и превратив меня в фарфоровую куклу. Фредерик XVI поднес бранометр к моей шее и с бережностью надел.

Спустя мимолетности минут, моя фарфоровая кожа омякла. Глаза, пробуждаясь, часто заморгали веками.

Наблюдая за моим пробуждением, Фредерик XVI довольно улыбнулся, оскаливая всем свои белоснежные зубы. Всадник удивленно округлил глаза и приоткрыл рот. Отступил шаг назад, про себя думая с сомнениями, кукла ли я. И что здесь все происходит на его собственных глазах.

Моргание остановилось. Губы налились краснотой. Щеки румянцем. Рука медленно с плавным движением приподнялась до рта, и, прикрывая тыльной стороной ладони, протяжно зевнула. Медленно открыла глаза и опустила руку.

Взгляд сосредоточился на испуганном всаднике. Изучил тронный зал, смотрящую на меня прислугу, и остановился на короле.

— Где я? — положила руки на подлокотники трона, и, выпрямившись, спросила сонно я.

— В Барбурском королевстве, — ответил, улыбаясь Фредерик XVI.

— Кто ты?

— Я король этого королевства, — стараясь в нотках слов похвастаться, — Фредерик XVI.

— Неужели, ты тот самый мальчуган, не стоящий и серебряника? Любящий лишь завоевывать чужие земли с помощью холодного оружия в руках чужих людей, несущего его, а сам лишь и умеешь тыкать пальцем, сидя на троне предков.

— Но, это мне не помещало завоевать ваше королевство...А ты совсем не изменилась, — взял прядь моих волос у лица и потрепал.

— А ты постарел...И душа стала гнилее прежнего, — отвернула голову, тем освободила волосы.

Понятная речь, я не могла вести мирное распивание чая с уничтожителем королевского рода Данталиона, завоевателем моей страны Гелиус, погубившим и изуродовавшим невинные человеческие судьбы и души людей. Это непростительный поступок! Как для

аристократа, так и бедняка.

— Постоите-ка, — вмешался всадник, — Так она кукла или человек? — не понял, в какую историю угодил.

— Человек, — ответил вместо меня Фредерик XVI.

— Человек?! — удивился всадник, пропутешествовав со мной полгода, держа в чемодане, в подобие куклы, и со всем об этом не зная.

— С проклятой душой, — добавил Фредерик XVI, — Я не поверил сам сначала, словам подчиненного, рассказавшего, что лишь стоило сорвать с одной женщины украшение с шеи, как она мгновенно превратилась в куклу. А после, я вспомнил Гелиускую легенду о самом ценном черном сокровище, и подумал, не ты ли ле ты? — покосился на меня, — Хотел проверить догадку. Но попытки отыскать твое хрупкое тельце оказалось невозможным. Понадобилось, видишь, столько времени. А, знаешь, я тебя помню, и очень тебя ждал. Ты мне понравилась еще с нашей первой встречи. На балу. Но, ты отказалась со мной танцевать. Помню, сказала на отрез, что не танцуешь вообще. Ожидаешь двух своих любимых партнеров. Но, сейчас ты в моем плену. И уж никуда не убежишь на карете Золушки.

Фредерик XVI склонился надо мной в желаниях поцеловать в губы, но я отказала. Дернула головой и отклонилась. Вместо того чтобы на меня разозлиться, это, наоборот, его повеселило, что я так легко не отдалась ему, как каждая вторая женщина отдается ему, ему богатству.

Затем, Фредерик XVI обратился к окружающим, намереваясь похвастаться добычей:

— Уважаемые присутствующие, разрешите вам представить одну из «тройки верных».

— «Тройки верных»? — переспросил всадник, ранее о таких ничего не слышав.

— Какие же все молодые и глупы. Из вас никто не интересовался, ни легендами, ни историей. Тройка верных — это основатели истории королевства Гелиус: король Айрон Справедливый, которого до этого призывали Жестоким Ангелом, адъютант его величества короля Квенсент Аутвер и королевская советчица Немфея Роузт. Они нашли согласие с враждующими против них королевствами, повернули историю вспять, в мирную сторону.

— Я слышал о них, — сказал всадник, — Но это было больше трех тысяч лет назад. Эта девушка не может быть Немфеей Роузт. Тогда бы ей было больше трех тысяч лет.

— А если я скажу, может, — протянул ехидную улыбку Фредерик XVI.

— Тогда она бы овладела бессмертием или она ведьма.

Присутствующие перекрестились.

— Она ни ведьма, — рассмеялся, — Она сокровище всего Гелиуса, передаваемое из поколения в поколение, с короля к королю, с единственными словами короля Айрона: «Оберегать нежнее и крепче, как держать нимфею на воде. Не прикасаться без разрешения. При ней не говорить дурных слов. Любоваться лишь издалека. Оберегать от всякого врага. Днем давать возможность отдыхать, а ночью цветку по желанию расцветать. Ни подносить, ни пищи, ни питья. И желания всякие осуществлять всегда». Правильно же я говорю, Миледи?

— Закрой рот! — крикнула я, чуть ли не набросившись на Фредерик XVI, — Лишь одному человеку в мире позволительно меня так называть.

— Знаю-знаю. Любовнику-королю, Айрону.

Это меня оскорбило еще больше. И я со всей силы ударила Фредерика XVI по щеке, что хлопок разлетелся по тронному залу эхом.

— Заткнись и извинись, перед его памятью! Он был моим другом.

— И все же, это не помешало тебе родить от него ребенка и стать матерью-прародительницей дальнейшего королевского рода, ухмыльнулся Фредерик XVI.

Всадник был ошарашен. Теперь перед ним сидела не просто кукла-человек, с безграничным сроком жизни, а и прародительница королевского рода. С виду молоденькая девушка лет не больше двадцати, а не женщина-мать, которых он видел постоянно путешествуя. По мне совершенно не было заметно, что я рожала.

— А ты не путай дела политического характера с личными, — ответила я, — Если ты разбудил меня по каком-то делу, то, говори, скорее. А то, мне надоело уже твое лицо, — отвернувшись, положила ногу на ногу, а руки держа на подлокотниках трона, словно, уж, как настоящая королева.

Фредерик XVI выдавил улыбку довольного кота. Склонился надо мной и сказал:

— Помимо твоих поисков, я всю свою жизнь еще лелеял мечту отыскать монохромный изумруд. И как по удивлению, изучая древние записи Гелиуса, я обнаружил, что вы тройкой, выезжали на его поиски.

Я улыбнулась и себе довольно. С выражением «Тебе облом!». Занесла руки на груди в замок, сказав иное:

— Во-первых, мы ездили на поиски горного голубого сапфира, который оказался горной «подделкой». Во-вторых, на иные поиски драгоценных камней мы не ездили, после того случая в городе, где я чуть ли не умерла. И с того момента я жила не выходя с замка. И наконец-то, в-третьих, монохромного изумруда, такого камня, в природе совсем не существует. Можешь поверить мне. Айрон был коллекционером драгоценных камней и научил меня разбираться в их тонкостях...Что? Смех еще прорезаться не успел на лице?... Хочешь спросить у меня еще что-то? Но не забывай, я не всемирная справочная.

Фредерик XVI разозлился. Ярость на его лице нарастала постепенно, уродуя лицо. Он понял, что смысл его жизни был потерян. И злость он решил согнать на мне. Выхватил с ножен меч и со всех сил вогнал в меня. В живот. От боли я широко открыла глаза, рот. Выгнула спину.

Видя картину убийства, присутствующие слуги испугались, побледнели, от деяния своего короля, но, побоялись сдвинуться с места. Единственный, кто не побоялся этого сделать, был всадник.

Неожиданно, в его голове прозвучал голос: «Спаси ее», который он принял за зов души. Ноги сдвинулись с места сами по себе. Побежал и оттолкнул с силой Фредерика XVI. Вырвал рывком с меня меч. Подхватил на руки. Он не понимал, зачем меня спасает, зачем я ему нужна. Ведь я уже не его проблема. Главнее ему было доставить меня королю, развернуться с деньгами и уйти. Но, вместо денег, он бежал по тронному залу, коридорам замка, со мной.

— Держите его! Остановите! — кричал Фредерик XVI, тыча пальцем рыцарям и слугам приказывая гнаться вдогонку.

А, не останавливаясь на перекося судьбе, всадник выскочил наружу с замка. Положил меня в телегу и тронулся, как можно скорее погоняя лошадь. Когда понял, что не удастся уехать на телеге, она замедляла ход, направил маршрут в рощу. Затем, бросил лошадь и взял меня на руки. Побежал пробираясь сквозь заросли.

Конечно, от ранения в живот, пронзившегося настолько глубоко, что еще чуть-чуть и насквозь, было по-адски больно. Я терпела, как могла. И совершенно, на удивление, не проронила ни капельки слезинки. Не кричала, не стонала. Держалась за рану, пачкая руки в

вытекающую из нее черную кровь. Кривлялась в лице. Глубоко дышала через рот, закрывала глаза.

Отыскав подходящее место для укрытия, всадник опустил меня на землю и достал с сумки белые куски ткани, походящие на бинты. Принялся ими меня перебинтовывать.

А спустя уже пару минут наступил резкий восход солнца, и я больше ничего не помня, крепко уснула.

Проснулась лишь ночью. Оказалось, уже лежала на берегу речки. Недалеко сидел всадник возле разожженного костра. К приближенному дереву была привязана лошадь.

Рана болела. Но не так сильно. Прикоснулась к ней и почувствовала бинты. Я была перебинтована поверх платья. Вместо одеяла на мне был накинут плащ всадника. Я собрала силу в кулак и подняла торс. Сила была, чтобы сделать и последующие движения. Поднялась на ноги. Пошатываясь, подошла к всаднику. Толкнула легонько коленом его в спину, заставив обратить на себя внимание, повернуть ко мне голову, и спросила:

— Это ты тот, кто меня спас?

Всадник, увидев меня стоящую на ногах, здоровую, а не умирающей на смертном ложе, подскочил и кратко произнес запинаясь:

— Да, — добавил кивок головы.

— И перебинтовал рану?

Всадник вновь кивнул головой. Но, на этот раз уже молча.

— Благодарствую... Мое платье грязное, да и я сама в крови. Можно ли мне искупнуться?

— Да, если хотите. Я сейчас же вас оставлю. Уйду в лес на приличную дистанцию и не буду вам мешать.

— Это было бы хорошо.

— Думаю, полтора часа будет вам достаточно?

— Конечно. Возможно и часа.

Всадник отвязал лошадь и ушел в лес на прогулку. А я разбинтовала бинты. Сняла платье и посмотрела на рану. Это и было главной моей задумкой, посмотреть на рану. Как и ожидалось, она почти затянулась, оставив по себе лишь глубокий шрам. После, спокойненько искупнулась и простирнула платье от крови. Оделась в плащ, а на голову — обруч с черными розами.

Всадник вернулся обратно, когда я сидела около костра и подсушивала платье. Привязал лошадь к дереву, подсел ко мне к костру. Увидев изуродованное платье с огромной дыркой от меча, достал с сумки черную нитку с иглой, и я принялась зашивать платье.

— Не знаю, собираетесь ли вы в будущем разговаривать или молчать, но, давайте знакомиться, — предложил всадник, — Меня зовут Дайлон Дантос.

Не отрываясь от шитья, я представилась:

— Немфея Роузт.

— Так вы действительно та легендарная одна из тройки?

Я подняла глаза, посмотрела на Дайлона, и сказала:

— Послушай, все сказанные сегодня Фредериком слова были ложью. И ни какая я не ведьма, и ни проклятая душа. Скорее всего, спасенная, душа я. Если ты так уж много узнал, то я тебе расскажу правду. Я была убита Айроном насильницей смертью по контракту, — убирая с зоны шеи плащ, выгнула шею, показала шрам от зубов, — А затем, воскрешенная им же с помощью магов. Но и тот эффект был не долговечен. Я медленно умирала, превращаясь в ледышку. Тогда моим последним спасением и оказался бранометр, — прикоснулась к

камню на шею, — Без которого я снова... Умираю. Об этом мне рассказал на смертном ложе Квенсент. А до этого они оба всю свою жизнь цепко молчали, а, Айрон, жалел, что сделал со мной. Но, если бы этого он не сделал, то мы бы никогда с ним не подружились. Ведь я с Квенсентом родом с другого королевства, — улыбнулась и откусила зубами нить, — С Лаурентида. И до этого были полнейшими врагами. Что он только со мной не делал. Лишь стоило нам с Квенсентом оказаться в его плену. Носила ошейник, сидела на цепи. Квенсент вместе с Микиэлем сидели в темнице. Но, не смотря на все беды, и там был прекрасный момент. Я влюбилась. В крылья, — закрыла плавно веки, стараясь вспомнить образ, — Огромные. Цвета вороньего крыла. Переливающиеся. Гладкие. На ощупь нежные. Трепещущиеся.

Всадник удивился. Он подумал, что я влюбилась в какого-то определенного человека, врага, а вот тебе на — крылья.

— Птицы? Живущей в замке?

— Нет. Крылья Айрона. Он был Данталионом, — поднесла палец к устам и подмигнула.

— Данталион? Кто это?

Я скосила на бок шею, иронично с таинственностью улыбнулась, пожала плечами.

Дайлон понял, что с меня не выловишь больше правды и перескочил к следующему вопросу:

— Так ты любила короля Айрона? — в намерениях наконец-то узнать, а-то любит-не любит, надоело в догадки играть.

— Мы перешли в разговоре уже на «ты»? — подметила, — Ну, ладно, я тебе отвечу на вопрос. Нет. Мы были с ним друзьями.

— Значит, второго. Квенсента?

— Я их любила обеих, как друзей. И если ты спросишь подобное о плотских отношениях, то, ничего подобного не было.

— Стоп. Но, ты же родила сына. Следующего короля Гелиуса. Как этим можно объяснить? И, между прочим, от короля Айрона.

— Повторяю: не путай политических отношений с личными. Это было во благо страны. И если тебе настолько интересно, то меня использовали более, не как женщину, а как сосуд, для вынашивания ребенка. А что случилось с ребенком после рождения? Меня отлучили от него. И я его могла видеть лишь издалека. Он никогда не называл меня мамой. Воспринимал, как постороннего, еще одного жителя замка. И знаешь, от меня ушли материнские чувства. Еще до беременности я знала о его и своей судьбе. А после, видела рождение его собственного ребенка, а его смерть. И я не заплакала. Вот такая жизнь.

— Неужели бы ты не хотела стать настоящей матерью?

— Что это значит, «настоящей»? Не отказываться от ребенка, а воспитывать его в любви и заботе, в полной семье? Где были бы папа, мама, куча детишек, уютный домик-полная чаша? И если что, наблюдать за кончиной собственных детей в несчастье. Но, наблюдать за преждевременной кончиной своих детей, это грустно. Я наблюдала за многими смертями своего поколения. Я была чашей его истории, которую в результате всю пролили. Вино — кровь вытекло, а чаша — я, осталась цела.

— А кто такой Микиэль? — вспомнил случайно сказанное чужое имя.

— Это другая половина души Айрона, с которой я познакомилась ранее, нежели с самим Айроном.

Дайлон запутался в моих словах и затряс головой.

— Это как? — прося расшифровки.

Я же, наоборот, не желая ее давать, пожала плечом. И Дайлон отступился.

После, пришла очередь Дайлона рассказывать о себе. Он монологом поведал, что родился единственным в семье ребенком. В семье бедняка тесляра. Нужды семьи заставили его заняться грязными делами, начиная с двенадцати лет и продолжая до сегодняшнего дня, принося удачный «улов». Рассказал историю знакомства с Конни, их приключения, на что я не сдержалась в смехе, и рассказала, что в этом, любви к лошадям, они очень похожи с Квенсентом. Под конец рассказа, Дайлон сказал:

— У тебя есть место, куда ты бы могла вернуться? Я мог дать тебе денег.

Я покивала отрицательно головой и перебила:

— Конечно же, нет! Я сколько времени проспала. И знакомые придворные уже умерли. А куда направляешься ты?

— Наверное, отправлюсь в королевство Эммелов. Слышал, там хорошее дело наклеывается. Миллиардер Ес'Спонни для своей дочери на свадьбу разыскивает статую парных русалок, похищенных с алтаря Божественного ветра, где собирались венчаться.

— Королевство Эммелов...простиается через Гелиус, — вспоминая, — Возьми меня с собой. Я отправлюсь обратно в Гелиус. Все же, это моя вторая страна.

— Ну, ладно, — недолго думая, — Все равно один путь. Отправимся завтра утром.

— Не пойдет. Днем я сплю, а бодрствую только по ночам. Да и посуди сам: сейчас мы на территории Фредерика, и он на каждом углу расставил посты. А по ночам солдаты будут сонные, не внимательные, или, вообще, отправляться по домам.

Дайлон согласился. И мы, не дожидаясь прихода следующей ночи, поднялись на ноги. Дайлон затушил огонь. Приготовил лошадь. Я тем временем зашла вглубь леса и переоделась в платье.

Вернувшись, отблагодарила добрым словом. Вернула плащ, аккуратно сложенный в несколько раз. Но, Дайлон его развернул, и накинул мне на плечи. Завязал веревки на шее, чтобы не слетел.

— Ты заметная, — объяснил содеянное он, — Сразу могут узнать по одежде. Залезай на лошадь. Ты еще слаба и большую дистанцию сама не пройдешь.

Я отказалась. Сталкивая все на беду, что не умею ездить верхом. Но, Дайлон меня не послушал. Заверил, что его Конни послушная и спокойная. Помог залезть. Сам же пошел пешком, ведя за уздечку лошадь.

Мое предчувствие меня не подвело. Стоило только нам покинуть лес, как на нас уже ожидали враги. У меня застыло сердце в страхе, что сейчас нас схватят. Но, Дайлон выхватил пистолет с чехла на бедре, и ловко с ними разобрался. Отстреливался от врагов-мечников, останавливал дулом пистолета вражеские махи мечей, при этом ловко уклонялся. Походил на танцора, который не сражался, а танцевал, и этот танец ему безумно нравился. Разобравшись, поднес пистолет до уровня шеи и легонько подул на дуло, сдувая с него выходящий дымок, держа палец на курке и скоса, посматривая на меня героическими глазами.

Я восторженная оружием, не видя ничего подобного прежде, кроме что кинжала, меча, шпаги и сабли, округлила глаза и спросила:

— Что это за волшебное оружие? Я никогда не видела до ныне такого.

— Это не волшебство. Это человеческая вымышленность оружия. Это пистолет. Я стреляет он пулями. Держи, — передал его мне в руки для обзора.

— Тяжелый, — не ожидая тяжести, с виду представляя его более легким.

Я покрутила в руке и передала обратно. Подчеркиваю слово, рукой, второй — держалась за седло лошади. Делать четыре дела было страшно: смотреть на пистолет, держаться за седло лошади, сидеть на лошади и бороться с фобией высоты.

— Не очень-то и тяжелый для набитой руки. Зато хорошо защищает вот от таких мерзавцев.

— Тогда я рада, что он защищает меня, и что находиться в руках у такого умельца, — кратко улыбнулась, прикрывая губы кистью, согнутой в легкий кулачек. Но все же, Дайлон сумел увидеть улыбку, на что она показалась ему очень милой.

— Но, — скомандовал Дайлон Конни, дернув за уздечку, и лошадь послушно тронулась вперед.

Поцокивая копытами она увозила меня на себе. Мы шли вперед. Точнее, нет. Мы шли назад. В мой родной Гелиус. И мне очень хотелось сказать благодарственные слова Дайлону, что взял меня с собой, что не бросил, но не знала какие нужно подобрать. И поэтому молчала. А в голове и на языке крутилось постоянно: «Спасибо. Спасибо. Спасибо».

...Полуночная сказка лишь только начинается...

Ночь 2

НАСЛЕДНИК

Мы держались подальше от границ городов и деревень, где на нас точно могли ожидать. Наши ночные хождения продолжались, пока не выбрались за границы проклятого королевства. Помнилось, что на третьи сутки путешествия я очень обрадовалась, когда Дайлон приволок с ближайшей деревни телегу, и на ней с большим комфортом могли путешествовать теперь даже днем. Я засыпала, сворачиваясь калачиком. Дайлон накрывал меня с головой, пряча под тряпками. Сам надевал плащ, натягивал на лицо посильнее капюшон, маскируясь. И я беззаботно спала, не думая об всяких опасностях.

Путешествуя по западным землям города Тару, что в королевстве Карск, сутки летели незаметно. И вот снова садилось солнце убывающего очередного дня, и должна была появиться ночь с луной. Дайлон вел телегу. Я спала в ней, запрятанная и сладко посапывающая. Мой дневной сон далеко отличался от кукольного. В нем я могла дышать, видеть сны и даже улыбаться.

Нас неожиданно остановило трое мужчин, более походящих на разбойников. Не знаю, как точно подобрать слова для их описания: мясистые, грубые, мужланы и хулиганы. Настоящие громадные тролли. Не хватало в руки дать лишь дубинки.

— Старик, станови копыта, — приказал один из них.

Маскировка Дайлона ему в очередной раз помогла. Натянутый капюшон на молодое лицо. Согнутая гибкая спина.

— Мы здесь парочку влюбленных беглецов с Барбурского королевства разыскиваем. Не видел ли таких? — спросил второй, в интонации голоса более напоминая не вопрос, а угрозу, и сунул в лицо Дайлона листовку с изображением двух портретов — моего и его.

— Неет, — прокрипел старческим голосом Дайлон.

И в тот момент, я не виновата, что пришла ночь, и пришло мое время для пробуждения, и я проснулась. Откинула с лица покрывало. И поднимаясь, потянулась, выгнулась от блаженства долгого сна. Медленно открыла глаза.

— Черт! — закричал Дайлон.

Я выдала нас.

Он выхватил пистолет и драка началась. Поняв, что наделала, я схватилась в переживаниях за покрывало и чуть ли не закричала, но, к счастью вовремя закусил губы.

В сражение, да еще трое на одного, Дайлон вычислил, что они не из простых ребят. Скорее всего, из отряда вольных наемников. Охотников за головами. Где их основное кредо — доставить «голову» заказчику, а все остальное — жертвы, последствия ловли и все препятствия, для них ни в счет. Дайлон достал меч, удваивая проценты в своей победе. И все равно, проигрывал. На нем зацепляли и рвали мечами одежду, наносили по телу раны. А один, пока двое отвлекали внимание, нанес Дайлону самый тяжелый удар — пронзил плечо насквозь. Я не сдержалась. Прикрыла рот рукой и закричала. Дайлона подкосило от боли, и он потерял равновесие. Чуть ли не упал на землю. Во время, облокотился на воткнутый в землю меч. Насобирав остатков сил. Разозлился. Резко выровнялся, и повалил двух разбойников на землю мгновенно. Пробил им головы одной пулей, благодаря тому, что они стояли друг за другом. Выпустил обессиленно с рук пистолет. Повернулся к главному обидчику. Взял меч в другую, левую, руку, с тихими словами:

— Знал ли ты, на самом деле я фехтовальщик левой руки?

И побежал со всего разгона на разбойника. Подпрыгнул над ним и с размаха пронзил грудь, именно сердце, повалив на смерть.

Приземлившись на колено, Дайлон лишь тогда позволил себе отдохнуть, телу почувствовать слабость. Напряг мышц ослаб и он без сознания упал на землю. Я в испуге, выкрикнула имя: «ДАЙЛОН!». Спрыгнула с телеги и подбежала к нему. По дороге подобрала пистолет. Хотела взять Дайлона на руки, но, оказалась по-женски слаба. Пришлось тащить и затаскивать Дайлона на телегу, держа под руки. Схватилась за уздечки, впервые в жизни играя роль извозчика, и постаралась уехать от сего места, как можно скорее.

Я гнала Конни, не зная куда. Лишь бы подальше. Даже позабыла, что в телеге лежит тяжело раненный человек, а не подобный мне, быстросамоеисцеляемый экземпляр.

Лишь сказала «П-rrr», когда заехала вглубь леса, подальше от центральной дороги.

Дайлон все время был без сознания. И мне пришлось самостоятельно его раздеть. Сняла плащ, которым позже его укрывала, заботливее малого ребенка, жилетку, рубашку. Обработала раны водой. Взяла с его сумки бинты. Принялась перебинтовывать руки, плечо, торс. И работая с его спиной, содрогнулась. Глаза заметались. Губы побледнели.

Пришел Дайлон в себя спустя пару часов. От чувства теплоты разожженного костра. Чтобы не простудиться, я его укрыла плащом. Сама же сидела рядом у костра и штопала его разодранную при сражении одежду.

Дайлон скинул с себя плащ и постарался приподняться, но от боли, вскрикнул:

— Ой!

Я на это ни как не отреагировала. Даже не повела глазом.

— Где мы? — спросил Дайлон.

— В лесу, — ответила сухо я, — Играем пока в прятки.

— Понятно. Значит, теперь пришла твоя очередь меня спасти, — намекая о ранениях, — Мы квиты. И как только у тебя все не болело?

— У меня хорошая регенерация организма.

— А что случилось с теми? Они за нами еще гонятся?

— Ты их убил. Не помнишь?

— Не-а...странно.

— Хватит в игры играть! — не сдержалась я, подскочила с земли, и со всей силы запустила одежду у Дайлона, — Почему ты не сказал, что ты Данталион?

— Данталион? — не понимая, удивился, — Кто это?

— Не шути со мной!

Я быстро подошла к Дайлону и схватила его за шею, заставив подняться. Затем, сорвала бинтовую повязку с его плеча, под которой, на лопатке, был изображен рисунок — два перекрещенных пера, подобием буквы «Х».

Что это? — яростно продолжала вести разговор я. Отец говорил, что когда я был маленьким, мне его нанесли. Он говорил, что это наша семейная реликвия, которая передается лишь по-мужской линии.

— Не правильно! Ни какой это не рисунок. Он не наносим. Это родимое пятно, которое передается лишь членам королевской семьи. Это знак полуангела. Данталиона. И если сейчас моя догадка верна, то, ты правнук короля Алексия. И помимо своего отца, его сына, ты являешься законным наследником трона королевства Гелиас. А на данный момент, последний из его рода. Как я была глупа, — положила ладонь на лоб, — Сразу не догадалась по фамилии. Дантос — это изменение слова Данталион...Ваше величество, — сделала самый низкий реверанс, который сумела сделать, и склонила голову.

— Что за глупость?

— Почему сразу «глупость»? Когда шла война, прямо на моих глазах уводили с замка в убежище беременную королеву, супругу короля Алексия, которая на днях должна была рожать. И я верю, что она с ребенком убежала в другое королевство, прикрываясь уже новым именем и новой жизнью — крестьянки. Не удивительно, что ты и не знаешь свои истинные корни происхождения.

— Данталион — Данталион...Ты только и торочишь мне одно это слово. Да кто это? Скажи внятно!

Чтобы было более «внятно», я начала с самого начала. Легенды зарождения королевства Гелиус. О том, что был свергнут ангел с небес, и он влюбился в смертную девушку. Так как у ангела были крылья, они не могли жить среди обычных людей, и поэтому, жили в горах, отдельно. Но, однажды, началась война. И люди принялись искать спасения. Пришли к ангелу и попросили убежища у него. Он согласился. Но, его жилище им настолько понравилось, что они просились остаться там жить. А в благодарность назначили ангела своим королем и покровителем, а имя его первенца сына, Данталиона, стало первым названием страны, а люди все себя прозвали «данталионцами». Годы шли. И страна выросла до колоссальных размеров, переименовавшись в Гелиос, оставив лишь столицу Данталион. Но, и поныне люди называют себя «данталионцами». А что значит, настоящее имя «Данталион», — полуангел. Потомки ангела. Ведь дитя ангела и смертной женщины таковым и являлось. И лишь Данталион, как истинный носитель ангельской крови, имеет право на унаследование трона королевства Гелиус. И не отменными признаками Данталиона предоставляются: он может родиться лишь от Данталиона, подобного себе, и смертной

женщины, он всегда рождается мужского рода, а на его плече есть данталионский знак: два перекрещенных пера буквой «Х», и у него должны быть крылья.

— КРЫЛЬЯ?! — вскрикнул Дайлон, — Человек с крыльями ходящий по улице? Ну знаешь, ни у моего отца, ни у себя, за плечами я подобного не замечал.

Я улыбнулась.

— Они появляются по желанию. Но они и есть самым главным — символом власти, которому все должны поклоняться, как ангелу. Хотя, я не видела столь мужественного короля, чтобы на такое пошел. Думаю, думали, что все можно достичь с помощью оружия и красноречивости слов.

И здесь Дайлон вспомнил мои прежние слова о крыльях. Что я была влюблена в них.

— И они настолько красивы? — спросил он, уже жалея, что у него их нет.

— Да. Ты даже не представляешь насколько. Несравнимые ни с едиными птичьими. А в полете — чувствуешь свободу. Ветер. Кажешься пушинкой. Представь: ты и небо. И вы предоставлены лишь друг другу. Конечно, у меня нет крыльев, но, когда я подымалась на руках у Айрона, я чувствовала все это. Что вся вселенная в моих руках. Ты даже не представляешь, какое это наслаждение, касаться каждого перышка на крыльях, подобно расчесыванию.

«Так она была влюблена в крылья Айрона?» — подвел подсчет Дайлон.

— А когда целовать... вот мое любимое перышко, — приподняла руку, показала висевший на ней браслет с крупной золотой подвеской — пером, — Это покрытое золотом перо с правого крыла Айрона.

— Настоящее? — удивился.

— Конечно. Этот браслет Айрон преподнес мне в день моего двадцатилетия.

Я позвенела подвеской-пером и опустила руку.

— Не хочу расстраивать, но, Данталион из меня никудышный. У меня нет крыльев.

— Ни разу не проявлялись? — подняла бровь, не веря.

Я стала позади Дайлона. Посмотрела изучающе внимательно, не касаясь его обнаженной спины. А затем, не предупреждая, с размаха, ударила ладоней по хребту. От боли его лопатки соединились, спина выгнулась.

— Ничего подобного, — подвела вердикт я, и поднялась с коленей на ноги, — Придет время, и они появятся. Зубы у детей тоже не вечно в деснах сидят.

— Успокоила... Бить-то зачем нужно было, — заныл от боли, потирая спину.

Я принялась перебинтовывать плечо.

— Прими свое должное обязательство, Дайлон. Займи свое законное место на троне. Подними с праха Гелиус. Дай надежду на светлое будущее его жителям, данталионцам, — не отрываясь от дела, уговаривала ласковым голосом.

— Ты лучше скажи, почему я должен верить тебе?

— Тебя не убедила история уже случившаяся с нами?... Пускай. Мнение и решение останется за тобой. Только, прежде, ответь мне на вопрос: фехтовальщиком-левшой ты был с самого детства, и почему взял в правую руку?

— Потому, что в левой держу пистолет. И да, с самого детства любил сражения и был левшой.

Я довольно протянула улыбку.

— Вот еще одно доказательство твоего происхождения. Все данталионы были левшами-фехтовальщиками, — потянулась к сумке, пряча лишние бинты.

Глаза Дайлона заматались в раздумьях и сомнениях. Он стоял на перекрестке двух жизненных путей, где на второй стояла новая, неизвестная, с кучей семейных реликвий и тайн.

— А теперь, я поступлю по примеру советников Айрона. Дайлон, у тебя есть возлюбленная девушка?

— Ну, не то что возлюбленная, скорее, знакомая....А какое, тебе дело на то?

— Сейчас ты оказался в опасности. А ты последний из королевского рода. Даже если с тобой что-то случится, ты умрешь, твоя семья, твоя кровь, должна жить. Тебе нужно продолжение рода.

— Что ты крутишь? Намекаешь, что мне нужен ребенок?

— Если не понимаешь, говорю прямо: берем девушку, привозим в Гелиус, и ты делаешь ребенка.

— А почему в Гелиус?

— Она что, так далеко живет?

— Не в том дело.

— Нужно быть особое место. Или ребенок родиться просто обычным.

Дайлон наотрез отказался от моей идеи, но я его заставила согласиться.

Пришлось удлинить путь, чтобы добраться к дому его «избранницы», которая жила в королевстве Алоес, заодно, и подлечились раны у Дайлона, чтобы он сумел появиться в полном параде: красавцем, соблазнителем, героем.

Заехав в территории королевства Алоес, мы остановились около речки, запрятанной за гущей леса, вблизи деревни Ковчег. Подъезжая к лесу, я уже тогда в деревне заприметила верхушку церкви с крестом, что привлекло мое обширное внимание.

С остановкой телеги, под словом Дайлона «П-rrr», обращением к Конни, я спрыгнула с телеги. И посмотрела в небо.

— Знаешь, так опасно делать, — подметил Дайлон, предупреждая на последующие разы, что нужно дожидаться, пока Конни остановиться окончательно, а не спрыгивать на ходу.

Я проигнорировала его слова об опасности. Взамен, задумчиво сказала, не отрывая глаз от неба:

— Сегодня полнолуние. Можно мне освежиться в реке?

— Да. Конечно. Всегда поражаюсь твоим ночным купанием. Не холодно?

— Привыкательно, — таинственно улыбнулась скромно, покосившись взглядом на Дайлона

Дайлон, поступая, как и всегда, отвязал от телеги Конни, и пошел прогуляться с ней вглубь леса, чтобы не видеть меня. А я, на сей раз не разделась, а переоделась в ночную рубашку. И осторожно, сдерживая дрожь тела и постукивание зубов, вошла в воду. Погрузилась по грудь. Соединила пальцы в замок, руки согнула в локтях, прижала к грудям. Закрыла глаза. Опустила голову. И принялась молиться. Очищаться душой и телом. Я проводила и должна была проводить этот обряд ежемесячно. Каждого полнолуния. Как мать Данталиона. Молиться за своего сына. В моем случае, я молилась не только за своего сына Артура, но и за всех своих последующих внуков.

Прошло полтора часа и Дайлону, как и обычно, пришло время возвращаться ко мне. Но, сего раза, я еще задержалась в воде, продолжая молиться. Сначала, он в испуге, подумав, что

я еще купаюсь, развернулся и думал убежать. Но заприметив на моем теле ночную рубашку, остановился. Прислонился к дереву, спрялся. Принялся за наблюдения. Ему стало интересно, что же я такое делаю. И делала ли такое постоянно, вместо того, чтобы купаться.

От длительного времени пребывания в ледяной ночной воде, все же, уже было не лето, я сильно заоченела. Почувствовала, что пора выбираться, но организм ослушался ранее, нежели того захотела. Ноги подкосились, и потянуло назад. Спиной хлюпнулась в воду. Потонула полностью. Чувствуя, что задыхаюсь, захлебываюсь, заболтыхала руками. На что быстро среагировал Дайлон. Не боясь промокнуть, забежал в воду. Достал меня с воды и вынес на сушу, держа на руках. Аккуратно положил на землю. Я вся дрожала от холода. Глаза смотрели в расплывчатых тонах. Зубы отбивали азбуку Морзе. Дайлон посмотрел на меня всю мокрую: волосы, лицо, веки, губы, ночную рубашку, где из-за своей мокроты и легкой белой ткани, становясь почти прозрачной, проглядывались изгибы тела: плечи, груди, бедра, ноги. Он быстро скинул с себя жилетку и накинул на меня. Прижал к себе, заключил в крепких объятьях. А руками сильно потирая спину, согревал и успокаивал:

— Все хорошо. Все прошло.

Не прекращая дрожание рук, Морзе зубов, я закрыла глаза. Мне очень хотелось поверить в его слова. Но, я очень испугалась. Подумала, что утону, умру.

Сейчас не хватало жаркого костра. Но, из-за своей спешки искупнуться, Дайлон еще не успел его развести.

— Ты подождешь здесь, пока я разожгу костер? — спросил у меня он.

Я замахала головой, вцепившись в него руками.

— Тогда, тебе нужно переодеться. Я отнесу тебя к телеге, и ты переоденешься.

Он подхватил меня на руки. Я оторвалась от него нехотя. Тепло, мужественно. Словно, моя крепкая защитная и очень уютная стена. Зайдя за телегу, с трудом переоделась в платье. Натянула на ноги колготки, туфли. Замоталась поверх в углу лежащий плащ, и сказала, выглядывая с угла телеги, стоящему противоположно моей стороне, повернутого ко мне спиной, Дайлону:

— Я все.

Дайлон подошел ко мне и подхватил на руки, что мне очень понравилось, и о чем, его уже не просила, отнес к уже разожженному костру. Видимо, он подумал, что мои ноги еще слишком слабы, чтобы передвигаться самостоятельно.

— Так лучше? — усадил, а сам сел напротив.

— Да. Спасибо. На много, — сжавшись, сильнее укуталась в плащ.

Дайлон посмотрел на меня. Зону ниже шеи. Декольте. И вдруг я подумала, не о груди ли он думает? Не успел ли рассмотреть ее тогда? Ох, как стыдно! Сколько лет живу, и все равно стыдно. Да я полное собрание комплексов. Стыдно даже раздеваться наедине. Видеть части своего тела. И поэтому, сжалась еще сильнее, а руками на груди поставила защитный крест.

Отойдя от ледяной купальни, попросила Дайлона отвезти меня в деревню.

— Зачем? — удивился он, — Ночь и ты. Решила совершить одиночную прогулку? У тебя еще и волосы нормально не высохли.

— Со мной все хорошо. Я уже отогрелась. Хочу отведать церковь. Давно в ней не была. Ее двери открыты круглосуточно. И я верю, что сегодня они открыты и для меня, — объяснила.

Дайлон нехотя согласился. Отстегнул Конни от телеги, и мы на ней поехали в деревню. Сначала Дайлон хотел подвезти меня к порогу церкви, а сам подождать, но, позже,

передумал, и последовал за мной.

Только стоило переступить порог церкви, как в нос сразу же ударил резкий запах ладана. Каменный пол. Множество старинных икон, фресок. Стебельки зажженных свечей мелькали перед глазами, словно светлячки в ночи. Я прошла к алтарю. Перекрестилась. Склонилась. Ко мне вышел священник. И мы вместе отправились к исповедальне. Я зашла по одну сторону ширмы, священник по другую. Нас разделяла лишь стенка, сделанная с шелковой прозрачной ткани. Я исповедалась, рассказывая грехи. Это нужно было делать для завершительного обряда матери Данталиона, даже если ее сын давно уже и умер, как в моем случае. Я каялась во многом. И что я сама порождение тьмы, при этом ничего не говоря, кто есть на самом деле, о своей настоящей судьбе. И казалось, что священник совершенно меня не слушал, как китайская игрушка, не прекращая покачивал головой. А в конце, произнес:

— Да пусть хранит тебя Господь. И он простит все твои грехи.

На что я ответила ему:

— Пусть он вас хранит сильнее. А меня хранит мой Данталион.

— Данталион?! Откуда вы об этом знаете? — быстро пробудился от эйфорического сна и прекратил кивать головой.

— А как же иначе? Я его мать. И если бы не ее обязанность, я бы не исповедовала грехи. Мне и с ними хорошо. Как не как, они мои, — поднялась со стульчика, и вышла из-за ширмы.

Священник схватил меня за руку, выбежал из половины своей ширмы, и спросил:

— Последнюю мать звали Обалия с королевства Гелиус. А кто вы?

Я отдернула хватку его руки, освободившись.

— А вы догадайтесь. Я подскажу имя своего Данталиона. Артур. А его отец...

— Король Айрон, — перебил протяжным голосом, — С королевства Гелиус, — Но, тогда вы должны быть Немфея. Но, такого не должно быть... Вы же давно должны быть...

— Должна быть? Что? — улыбнулась, — А если я скажу, что никогда и не жила? И сейчас я лишь привидение в ваших глазах. Забудьте обо всем, эгоистично, улыбнулась

— Вы же лжете, кто есть на самом деле, — не веря мне.

Я улыбнулась.

— Конечно. Как же я могу быть Немфеей Роузт, если я Немфея Роузт?

Ловко на носочке туфельки, развернулась к выходу. Занесла руки за спину, соединила кончики пальчиков в замок, и не спеша пошла к выходу.

Дайлон стоял у одной из икон, изучая ее писание, одновременно с тем, ей молясь. Увидев мою уплывающую тень, последовал за мной, так как ему оставаться без меня было бессмысленно. Священник остался стоять удивленным, провожая нас взглядом, так до конца и не разобрал, кто я, та или иная личность.

Спустившись быстрым шагом со ступенек церкви, ловко подскочила к Конни, и прижалась к ее голове с огромным ртом и крупными белоснежными жемчужными зубами. Дайлон из-за спины подошел ко мне, и ткнул пальцем между лопаток. Я вся содрогнулась. Проелась холодом по коже. И в прыжке оказалась повернута к Дайлону.

— Зачем это ты сделал? — обиделась я.

— Зачем мы сюда приехали? Не знал, что у тебя грехов с перебором, чтобы их замаливать.

— У каждого из нас на шее не только связка баранок висит. Интересненькое я узнала. Священник знал об Данталионах. И всех их матерях. Знал и обо мне, как матери. Знал, и с

твоей бабушке. Кажется, только не знает о твоей матери, и твоём существовании. Кажется, Данталионы и церковь — здесь все очень тесно связано. Почему стоим? Запрыгивай, — намекая, что в седло сначала нужен залезть Дайлон, а потом, он поможет подняться мне, подавая руку, — Нужно ехать скорее. Нас ожидает очередная мать, — намекая на избранницу Дайлона.

По дороге к ней, а она жила в деревне Галоли, вблизи города Болеро, Дайлон успел рассказать о ней. Что ее зовут Виоли Ловили. Что познакомился с ней во время очередного задания, проезжая мимо их деревни. Что она младше его на несколько лет, очень мила собой, живет в полной семье, включая трех младших сестер и братца. Подрабатывает в пекарне, а в выходные помогает в приюте для осиротевших детей. И что она станет прекрасной «настоящей» матерью.

Заехав в деревню, они застали ее дома. Виоли, как и описывал ее Дайлон, была очень симпатичной и милой девушкой с медно-русыми короткими волосами, завязанными в низкие тугие два хвостика. Изумрудно-зеленые глаза напоминали буйно-цветущую зелень весной. Розовое длинное платье с голубым корсетом и черными рукавами-фонариками, подчеркивало ее стройность, фигурку, ниже среднего рост. Она была из таких девочек, на которых невозможно было налюбоваться. У меня на нее и то засмотрелись глаза. И я подумала, что по сравнению с ней, я полное чудовище. Гадкий утенок.

Виоли выбежала с дома радостная, цветущая запахами весны и пронзенная сотнями стрел Купидона.

Дайлон спрыгнул ловко с телеги, чтобы поздороваться с ней. И Виоли сразу же прыгнула в его объятия. Прижалась к груди. Положила голову и закрыла глаза. Дайлон положил ей на плечи руки и сказал:

— Здравствуй, Виоли!

— Как же мы с тобой долго не виделись, милый, Дайлон, — прошептала она.

«Милый, Дайлон?» — подметила я себе, скривившись. Уж больно чем-то, она мне напоминала сестричку-лисичку с манерами подхалимства и подлизывания. Ее слова выглядели какими-то не правдоподобными, наигранными.

— Почему ко мне не приезжал?

— Было колоссально много дел, — ответил сухо Дайлон, потянув руки, сделал между собой и Виоли, расстояние.

Виоли заметила меня, сидящую на телеге, наблюдающую спокойно за ними.

— А это кто еще такая?! — завилась Виоли, в секунду преобразовавшись с ангела в беса, тыкнула в меня огненным пальцем.

Дайлон повернул назад голову, ко мне, и сказал:

— А-а-а, это моя попутчица. Мы направляемся в Гелиас. Вот она и попросилась ее подвезти.

— И между вами ничего нет?! — заломила руки в бока.

— Конечно же, нет.

Я была ошарашена. Виоли его причитала, а Дайлон перед ней исповедовался, оправдывался. Они походили на закореневшую супружескую пару.

— Ей, ты, как тебя там зовут? — обойдя Дайлона, Виоли подошла к телеге, и, угрожая, обратилась ко мне.

— Немфея Роузт, — ответила спокойно я.

— Если ты прикоснешься хоть пальцем к..., - сдавливая руки в бока сильнее.

— Не беспокойтесь, такие как он, меня не привлекают, — перебила я, не дрогнув мышцей лица, — Хиляки, сопляки, брюнеты, уроды, не высокого роста — это не по мой части.

Дайлона самоуважение опустилось ниже плинтуса. И ему показалось, как что-то тяжелое упало ему прямо на голову.

— Я проехала с ним ни метр, и ни услышала с его уст ничего путного, кроме что басен, про его лошадь.

На голову Дайлона упал еще один камень.

— Меня обрадовало лишь то, что он едет к своей девушке, Виоли Лавили. И, наконец-то, заткнулся.

Вместо того, чтобы на меня выскалиться, что я оскорбила ее возлюбленного, на ее лице прорисовалась луна-улыбка, и:

— Ха-ха! Приятно с тобой познакомится, — махнула кистью руки мне

— Мне тоже, — наигранно скромно улыбнулась

Дайлон был в шоке.

— Обожаю всех тех, кто ненавидит Дайлона, — заявила Виоли, тем самым объясняя, что избавляется от соперниц, которые рассчитывают на свадебный венец вместе с Дайлоном.

— Разрешите тогда мне стать вашей подругой. Хочу с кем-то другим поговорить, — попросилась я в подруги.

— Стоп! Вы что, уже стали подругами? — между нами появился Дайлон, закричал.

— А что тянуть? — удивилась Виоли, — Заводить друзей никогда не поздно.

— Особенно, когда их почти у тебя никогда не было, — добавила я.

— Да о чем я? Не о том сейчас дело. Не по дружбу мы сюда сейчас приехали, а по делу, — проговорился в крике Дайлон.

— По делу? Значит, не ко мне? — обиделась Виоли.

— Нет, нет. Что ты? — быстро себя исправил, — Конечно, к тебе. Я хотел сказать, что еду в Гелиас по делу. А сюда заехал, к тебе, чтобы пригласить поехать вместе со мнооой, — заманивая, — Я ведь раннее никуда тебя с собой не брал.

— Хочу! — закричала довольная Виоли, не ища в этом ни какого подлога, — Но, об этом же нужно рассказать маме, папе, сестрам, брату. Они будут ужасно беспокоиться, если я исчезну просто так, их не предупредив.

Я вспомнила свое былое время, когда убежала тайком от любимого своего отца с родного дома, ничего ему не объясняя, в месть за то, что он прогнал с дома Микиэля, и отправилась на его поиски вместе с Квенсентом, совершенно не подозревая, что домой уже никогда не вернусь, и не увижу своего самого родного человека в мире, отца... Ха!..Ха-ха-ха! Но, это далеко не смех моего счастья, а скорее всего, маскировка горьких слез. Бесконечные года моей жизни совершенно меня не пожалели. После того, как я надела бранометр, я жестоким образом потеряла все свои воспоминания, включая о своей семье, дорогом отце. Но, со временем, благодаря Квенсенту, мои воспоминания стали понемногу возвращаться. И узнала, что за день до моей смерти, как Айрон меня укусил, выпив с шеи всю кровь, я написала отцу очень трогательное и теплое письмо, что на еще немного задержусь в Гелиусе, что очень люблю отца, и что скоро-скоро буду дома вместе с Квенсентом. Но, этого не случилось. Ни, Квенсент, ни, я, так и не вернулись домой. В любимую Лаурентиду. Но,

думаю, мой отец все же верил моим словам на протяжении еще долгих лет. А вот в данный момент подумала, сколько лет прошло, и он ведь-то умер давно. Его могильная плита или крест, установлены не знакомым для меня человеком, который его хоронил, давно разрушилась, могила развеялась, и я больше никогда не найду места его захоронения. Даже если очень сильно этого пожелаю. Но, как не странно, не хочу. И возвращаться на родину, Лаурентиду, тоже. Кажется, я полюбила Гелиус уже сильнее, нежели Лаурентиду — мою колыбель детства. И не интересно, кто сейчас ею правит, какой король, и существует ли улица, хотя бы номер дома, в котором я прежде жила. Ничего не хочу. Потому, что если захочу, то не смогу жить в ней, ходить по ее дорогам, вспоминать былое, без Квенсента. Потому, что Квенсент и Лаурентида — неотрывно связаны между собой. Они целое, как одно сердце в одного человека. В моем случае, в меня.

— Хорошо. Сколько на то тебе понадобится времени? Часа хватит? Мы спешим, — поторапливал Дайлон.

— Ты смеешься, Дайлон? Разве ты не знаешь моих родителей? Они не отпустят меня без прощального застолья, обычая посидеть на дорожку для счастья и удачи в пути. Немфея, слази! Сейчас пойдем вкусняшку лопать.

— Она не будет есть. Она ни ест и ни пьет, — сказал Дайлон.

— Я ем лишь это, — спрыгнула с телеги и сорвала с рядом находящегося дерева первый попавший листик. Засунула в рот и прожевала.

— Ты что корова?! — удивилась Виоли.

— Нет. Особая вегетарианка. Я на индивидуальной диете. Кроме этого, больше ничего не ем.

— Ааа, кажется, слышала, о подобных вещах. Сидят, то, на капусте, то, на моркови, то, на кашах, но, на листьях с деревьев, — в затруднение задумалась, что дальше сказать, скосила голову на бок, — И что, помогает?

— А разве не видно? — спросила я, и заняла позу тела по красивее.

— А и правда, эффект ничего... Думаю, и мне попробовать можно на подобной диете пару денечков посидеть.

— Посиди-посиди, — злорадно, — Еще древние римляне вместо того, чтобы есть плоды, ели с деревьев листья.

— Да что ты?

— Представь.

— А откуда узнала?

— Книг много читала.

Дайлон стоял, покинутый двумя девушками в недоумение. Мы общались, как давно уже закоренелые подруги. И это его раздражало.

— И, все-таки, я не могу просто уйти с семьи. Давай, ты хотя бы просто посидишь за компанию. Похрустишь листиков, — произнесла с такой интонацией, словно я кролик, — Я пойду, оглашу маме. Пусть накрывает на стол.

Когда Виоли бодро ускакала в дом, Дайлон подошел ко мне, и чуть ли не в ухо, спросил:

— Ты что, его действительно съела?

— Нет, конечно. Пожевала и выплевала. Надеюсь, в будущем, повторять не придется. В него вкус ужасный.

Дайлон протянул издевательскую улыбку, якобы это он подсунул мне невкусный листик.

Спустя пару минут выбежала Виоли. И махая рукой, пригласила нас в дом. В гостиной был накрыт стол с продуктов, которых только удалось найти и приготовить с них на тот момент блюда. За столом собралась вся огромная семья. Глава семьи — отец, его жена — мать, Виоли, и целая куча младшеньких детей. Дети шумели, пищали, толкали друг друга в плечи. Они были обычными детьми. Но, стоило отцу лишь стукнуть кулаком по столу, как все резко прекратилось. Они мгновенно затихли. Спрятали руки под стол. Выпрямились. Да и я сама испугалась, что меня ударит тот кулак, улыбнулась и выпрямила спину.

Мы посидели чуть-чуть. За столом провозглашали прощальные тосты с вином. Я не пила, на что первых два тоста, отец на меня очень злился, что я не поддерживаю компанию. Но, Виоли успокоила его строгий бушующий характер. Объяснила, что я на особой диете. И мне не положено пить алкоголя.

— Она ест только листья с деревьев, — сказала Виола хвастаясь.

— Листья?! Ха-ха! — рассмеялся отец Виоли.

И весь стол его подержал. Я была унижена.

— Ха-ха! — протянула я, сгибаясь и опуская плечи, от унижения.

Все! Не хочу больше вспоминать о застолье.

В общем, мы с Дайлоном после этого вышли на улицу, обговаривая свои проблемы. И где он меня всячески старался принизить, вспомнить шуточки про меня за столом. Я не сдержалась, и ударила его по плечу:

— Хватит! Лучше делом займись. Телегу осмотри. Может колесо отвалиться за следующим поворотом.

Дайлон приступил к СТО телеги. Тем временем, Виоли всей семьей готовилась к отбыванию. Насобирали вещей целых четыре чемодана плюс один громадный сундук. Походило все это больше на выдачу приданного на будущее, не прямым текстом говоря: «Забирай жених невесту, она навеки твоя».

Я посмотрела на всю эту кучу, выносящую с дома, положила ладонь на щеку, открыла рот в изумление, и пожалела бедную Конни. Ведь мы с Дайлоном путешествовали лишь с одной сумкой, и подумала, что выдержит ли все это наша бедная телега, совсем ничего не говоря в адрес вещей. В последствие, мы все равно в путешествие их почти все раздали беднякам.

Когда отправились, я уступила свое место, возле Дайлона, Виоли. Сама села на чемоданах, пристроясь на них поудобнее, смотря назад на дорогу, не обращая внимания на обнимания возлюбленных, шепот Виоли Дайлону что-то над ушко.

С восходом солнца, ловко слезла с чемодана. Легла, свернувшись в углу телеги. Укрылась, натянула на голову покрывало, прячась от наплывающих потоком ярких солнечных лучей. Каждый из них резал меня похлеще ножа. И в такие моменты, я всегда чувствовала себя настоящим вампиром, боящимся солнца.

Увидев на небосклоне восход, Дайлон вспомнил и обо мне. Повернул голову назад. Но, я уже исчезла. Успокоился. Виоли повернула голову следом за ним.

— А где Немфея? — завопила о моей пропаже Виоли.

— Все в порядке. Она легла спать, — объяснил Дайлон.

— И с чего бы? Вон день пришел. Радоваться надо.

— Не в ее случае. Она спит днем, а не ночами. У нее очень редкая болезнь.

— Бедняжка... Так себе никогда и нормального парня и не найдет. Кроме что какого-то лунатика. Помнишь, мы с тобой познакомились днем. В самом разгаре солнца. Ты заехал к

нам в деревню, чтобы пополнить запасы провизии и кормил свою лошадь именно возле моей булочной, где я работаю. Я вышла вынести мусор. И вот наша кардинальная встреча.

— Помню-помню. Ты весь тот мусор высыпала на меня с корзины. А потом сказала: «Ой, извините!»

— Точно! Ты все помнишь, Дайлон. Я тебя обожаю! — приклеилась к Дайлону, а голову положила ему на плечо.

— Но, знаешь, не одни лишь лунатики ходят по ночам. Военные, охраняющие города, хозяева заведений. И богачи, возвращающиеся с приемов, танцев и балов. И, в конце концов, мне тоже приходится блуждать ночами, исполнять свою работу, — вспомнил первое мое с ним знакомство, проникновение в замок.

Виоли отвернула голову в сторону и себе под нос добавила:

— А еще бомжи, пьяницы, извращенцы и полнейшие маньяки. Хорошо, что у меня есть ты, Дайлон. Есть, кому меня защитить от таких грязнокровцев.

Последующие дни путешествия в компании Виоли пролетали незаметно. Ее вещи с чемоданов исчезали, и телега становилась свободнее, легче. И мы двигались намного быстрее. За это время я сдружилась с Виоли. Нашли с ней много общих тем для разговора. Но, с каждым наступлением ночи, она меня чуть ли не брала за шею, душа, когда мы оказывались наедине с Дайлоном, особенно, еще и рядом, общались о своем. А личных тем у нас было множество, ведь мы с ним умалчивали, кто я и какие между нами секреты.

Перешагнув границу Гелиас, в ней ничего не изменилось. Точна та же серость, монотонность, небо поглощенное тучами. Казалась, вся эта страна проклята самими небесами. Я посмотрела на всю эту жуть и содрогнулась. Сердце сжалось. Схватила за грудь обеими руками, и глубоко часто задышала. Продолжая управлять телегой, Дайлон обернулся назад, посмотрел на мою реакцию. Ведь я не видела всего этого пейзажа, оставаясь куклой. Виоли ужаснулась, запищала:

— Что это за проклятое место? Куда вы меня завезли?

— Это Гелиас, — сказал спокойно Дайлон, — Мы приехали сюда с Немфеей, и тебя пригласили, чтобы помочь жителям. Будем волонтерами.

— Э-ээ-эээ... Ну, если ты будешь, я тоже согласна, — нехотя согласилась.

Я с Дайлоном перекинулись довольно взглядами. Все шло по нашему плану.

Мы направились в столицу Данталион. В былом прекрасные кирпичные и каменные здания были разрушены. Уцелели из них несколько, как и жилых домов.

По дороге нам встречались прохожие люди, бездомные животные. Хилые, тощие. Они смотрели с недоверием на нас скоса, проклиная холодным взглядом.

Зная, что нам нужно будет задержаться здесь на кое-какое время, мы принялись искать себе жилище, чтобы не спать под открытым небом, как приходилось делать не раз раньше. И на чудо обнаружили одну уцелевшую и действующую крошечную гостиницу. Управляла ею вдова-хозяйка. Но и она нас, несмотря, что мы клиенты, видимо, из-за того, что чужестранцы, встретила не дружелюбно.

Дайлон поздоровался и спросил, можно ли снять три отдельных номера. Но прежде, чем ответить на заданный вопрос, хозяйка спросила у нас, откуда мы. Я с Дайлоном одновременно ответили, что с Гелиуса (Дайлон должен был играть роль местного), Виоли, что с Алоес. Хозяйка расслабилась и улыбнулась на все тридцать два зуба:

— Слава Богу, что не с Барбурского королевства. Конечно, я вам предоставляю три своих лучших номера. Сами понимаете, сейчас сложные времена, и у нас не сезон.

Дайлон спросил, сколько будет это стоить. Хозяйка назвала цену, да и то, с дрожащим голосом, боясь, что таких денег у нас не найдется. Дайлон пожалел женщину, ее сложное материальное положение, и дал на три монеты золотых больше поверх стоимости трех номеров. Она обрадовалась, словно, дитя, и предоставила услугу — подвела каждого к его номеру.

Как и желала больше всего, Виоле достался номер рядом с Дайлоном. Мне же, через три двери от них. Я не огорчилась, а наоборот, вздохнула с облегчением. Останусь наедине. Наконец-то, отдохну от них. Без их шума, голосов. Теперь, придет лишь полное почитание и уважение к себе любимой.

Прошло пару дней, и мы ничего не делали. Пока я спала днями, Виоли вместе с Дайлоном, под ручку, устраивали себе экскурсию по городу, а ночью, врывались с шумом ко мне в комнату, и обо всем докладывали. Меня это совершенно не было интересовало. И если я все это захотела бы увидеть сама, то не сидела в гостинице, а пошла погулять. Но, видеть ужас и страдание моей страны — это было для меня уже слишком.

На седьмые сутки, я сама пришла к Дайлону в его комнату. Не постучав, тихо открыла дверь и вошла. Он лежал на кровати, скрестив ноги, заложил руки за голову, а глаза закрыл. Дремал. Я подошла к нему, и сказала:

— Не спи! Жизнь проспичь.

Он открыл глаза и посмотрел на меня. Резко подскочил, вскрикнул:

— Ты что здесь делаешь?

— А что ты, постоянно делаешь в моей комнате? — вопросом на вопрос, произнесла я.

Подошла неслышно медленно к окну, посмотрела в него. На небо. Луну.

— Завтра четверг. Полнолуние. Пришло время.

— К чему? — не понял.

Я посмотрела на него с взглядом: «Глуп, что ли?!»

— Ты об этом? — вспомнил, — Пора?

— Завтра все должно состояться. Завтра днем, ты должен будешь сходить на рынок, и купить нужные продукты.

— Какие?

Я назвала.

— И, давай, завтра договоримся о встрече. Нам нужно будет все подготовить.

— Ты говоришь, как о церемонии какой-то. Неужели, все так серьезно? И это все нужно?

— Да. Конечно. Я предупреждала тебя обо всем еще заранее. Что мы здесь не в шуточки играем. Будь милостив, сделай все, как я тебя прошу.

— Хорошо, — сонно, — Насколько договариваемся о встрече?

Я назвала время.

— Думаю, в это время я уже проснусь.

Дайлон соглашаясь, кивнул головой.

— Отлично.

Тогда, я ловко развернулась на носочке туфельки и направилась к выходу.

— Будь любезен, не опаздывай. Между прочим, завтра у меня еще других дел полно и хотелось бы их все выполнить. Так что...

— Хорошо-хорошо, — перебил, — Я, как настоящий мужчина, тебя не подведу.

— Очень надеюсь.

И вышла с комнаты.

... Я расскажу продолжение полуночной сказки тебе следующей ночи...

Ночь 3

АЛТАРЬ В ПОЛНОЛУНИЕ

Я медленно открыла глаза, пробуждаясь в кровати в гостиничном номере. Нехотя плавно поднялась, сбросила с себя одеяло. Обулась. Переоделась. Перед зеркалом трюмо расчесала, поправила волосы, одела обруч. Не застилая за собой постель, покинула комнату. Отправилась на поиски Дайлона. Отыскала его спящим на лавке, в весьма интересном положении: закинул ногу на ногу, сложил руки в замке на груди, сидел у главного входа в гостиницу. Рядом с ним лежала его сумка.

Я его пробудила, легонько подергав за плечо. Когда он на меня посмотрел, молча пальцем и взглядом указала на небо. Только что пришла ночь, и нам нужно было спешить до полуночи. Дайлон разгадал мой сигнал, и кивнул головой. Ловко подскочил и мы отправились в конюшню. Сели на лошадь и поскакали к Летнему дворцу Айрона.

Когда приехали, спустились с Конни, и нам открылся пейзаж дворца, ничуть не изменившегося с моей памяти, словно вот сейчас, с него выйдет Айрон, протянет ко мне руки, и приласкает меня, заключит в объятье, когда я подбегу к нему, и припаду к его груди. Дайлон не сдержался от впечатления:

— Ого! Ничего себе дворец. Я думал, поменьше будет.

— Ты об избе думал что ли? — посмотрела на него скоса, недовольно, — Ладно, ты принес, что я просила?

Дайлон поднял сумку и сказал позитивное:

— Да.

— Отлично. Теперь нужно отыскать некоторые вещи для приготовления. Ты со мной или на алтарь? Найдешь к нему сам дорогу?

— Алтарь?! Что еще за алтарь? На нем, что, какую-то козу, корову, в жертву приносить надо? — с ужасом, в уме все это представляя.

— Ничего подобного...Ладно. Иди со мной.

Мы зашли в погруженный в темноту дворец. И было до того непроглядно, что несколько раз спотыкались, натыкались на невидные глазу вещи, а Дайлон падал. Я сорвала с окон тяжелые пропитанные толстым слоем пыли шторы и осветила хоть на немного комнаты. Нашла подсвечник со свечкой и зажгла спичкой. Сколько же воспоминаний пряталось в каждой из комнат. Их невозможно было забыть. А если начать вспоминать с сего момента, то все последующие листы будут заполнены лишь ими. Так что, я отступлюсь от них.

Нашли две главные вещи — шпильку Венеры с нефритовой бабочкой и золотой кубок очищения.

Мы подались к алтарю, спрятанному на немного вдали от Летнего дворца. Тот же огрызок колоны-подставка. Тот же алтарь. Огромный, плоский, круглый. Словно опущенная на землю луна в фазе полнолуния.

— Представляю тот алтарь, которого ты так боялся.

Я поднялась на алтарь и закружилась, разведя руки, удерживая в них кубок и шпильку.

— Не волнуйся, — соскочила и подойдя к подставке-колоне, поставила на него кубок, — Впервые, когда узнала о его предназначение, бежала настолько активно, что виднелись лишь мои пятки.

— И какое у него предназначение? Поставить жертвенный дар, показать богу знак о зачатие будущего полуагнела?

— Неправильно, — покрутила головой.

— Как так не правильно? Что тогда? — добиваясь правды.

— Это и есть то самое место для зачатия ребенка, — спокойно.

— ЧТО?! — закричал.

— Что услышал, — спокойно.

— Не может такого быть, — тыча пальцем в алтарь, — Э-э-то же невозможно! Неужели ты тоже это делала?

Я закатила, стыдясь глаза, и почесала затылок, подбирая должные слова для ответа:

— А что поделаешь? Другого выхода нет. До этого здесь были все твои предки.

— И как, по-твоему, я в это жуткое место должен затащить Виоли?! — махая рукой, указывая на алтарь, эмоционально поднимая тон в голоса, — Ты ведь знаешь, какая она неженка, глупышка, да ее затянуть в это место уже сложное дело.

— Ну, не знаю, — пожала плечами, после чего размахала руками, — Ну, соблазни. Прояви мужескую инициативу. Поцелуй. Как у вас все там делается...Ай!

Я настолько размахалась руками, что даже позабыла о находящейся в руке шпильке. Отчего поранила указательный палец.

— Снова ею поранилась, — скривилась я, — Ненавижу эту шпильку, — смотря, как по пальцу с раны вытекает ручьем кровь, поднеся руку до уровня шеи. Рана оказалась глубокой.

Я лишь отключила взгляд, чтобы положить злорадную шпильку на подставку-колону, как Дайлон схватил мой палец и поднес к своим губам, намереваясь высосать кровь, тем самым ее остановить.

— Не смей!..Моя кровь не для тебя. И свою кровь побереги для Виоли, — сердито прокричала я.

И засунула себе палец в рот.

Частично обездвиженная на одну руку, приказала Дайлону открыть бутылку с вином, которую ему удалось купить с самых лучших сортов, и наполнить до верха кубок. Открыть баночку с медом. Добавить две столовых ложки в кубок с вином и тщательно размешать до исчезновения последних сахаринок меда. Чтобы вино приобрело особый аромат и теплоту нектара.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Далее, дала наставления:

— А теперь, запоминай. Внимательно. Всю последовательность, — потыкав пальцем в нос Дайлону, — Рядом никого для напоминания не будет. Сперва подводишь ее сюда, — тыкнула на подставку-колону, — И предложишь выпить ей с этого кубка. Можно не заставляя выпить целый. Хватит и пару глотков. О, ты сделаешь тоже самое. Это или для очищения или освещения организма. Нет. Не помню...А, точно. Чтобы будущий Данталион был здоров, богат, успешен, и во всем положителен. После, возьмешь шпильку и проколешь ей палец. Осторожно. Чтобы не получилось, как у меня. И выпьешь с ее пальца крови. А он

выпьет с твоего. Это для того, чтобы Данталион был единокровным. Теперь понимаешь, почему я запретила тебе прикасаться к моему пальцу? И лишь потом, ты понял что? А-а-а? Все это у вас, как и должно быть, произойдет в четверг полнолуния. Ровно в полночь. Прошу, проследи за временем, — помахала пальцем, поучительно, — По времени мы еще прилично успеваем, — посмотрела в небо, — И если твоя ловкость ума не подкачает, то наш план осуществится. Так что, постарайся, будь милостив. А теперь в дорогу. Ты за Виоли, я — спать. Клонит ко сну, — потеряла глаза, — О, еще! Чуть не забыла. Оставлю вам здесь. Вдруг замерзнете под утро, а нечем будет прикрыться, — положила простынь около алтаря.

— А ты что, пользовалась тем же приемом?

— Пользовался. Подготовкой занимался Айрон. Я была лишь тем, кем сей ночи станет Виоли. Я просто была внимательна. А во-вторых, я уже приходила облаченная лишь в простыне.

— И-и-и не было страшно ходить в «обнаженку»? — поразился мной.

— Нет. Я просто доверялась Айрону. Он был моим другом.

— Ты сказала, приходила? Ты что, здесь часто пропадала на алтаре?

— В Летнем дворце — часто, а на алтаре — уже не твое дело. Или тебе так интересна моя личная жизнь?

Дайлон поставил перед собою руки-щит с извинительными словами:

— Ясно-ясно. Больше не буду.

Я поднялась на алтарь, подойдя в центр. Подняла голову к небу, смотря на прямо надо мной расположенную луну, словно я стояла не на алтаре, а на водяном лунном отображении. Она одарила меня своими лучами, и я покрылась серебряным оттенком, мелкими блесточками. Мои глаза задрожали, и руки самовольно поднялись вверх. К луне. Голос слабо промолвил:

— Господи, хотя бы мне еще раз увидеть тот листопад с черных крыльев.

Дайлон не понял, о чем я там говорю, но, внимательно наблюдал за тем, что я делаю.

Я тянула руки, и имитирующее старалась уловить хотя бы единое, иллюзорно-вымышленное мной черное перо. Своими глазами я видела не лишь одну тарелку-луну, а спускающиеся по лунных лучах, с неба, перьевпадом множество черных перьев. Мои любимые. Мои желанные, которые я видела сотнями, находясь ранее на алтаре.

Наблюдая за мной, Дайлон, конечно, видел мой силуэт, пропитанный в лунных лучах, но и в мимолетности, ему показалось, что есть еще что-то. Иностранное вокруг меня. Оно обволакивало и обнимало меня. Отчего мои волосы приподымались и развевались. «Перышки» на платье, трепетали. Я плавно опустила веки. Под носом повеяло чутким сладостным приятным ароматом, от которого еще больше захотелось спать, нежели доньше. Ленты на спине платья, служа обманкой-застежкой, маскируя застежку-молнию, стали развязываться. У Дайлона на то совершенно округлились глаза. Меня что-то раздевало. Дайлон решил меня спасать. Подбежал ко мне. Схватил за руку. Тряхнул, пробуждая от «транса», и оттянул в сторону.

— Что это была за чертовщина?! — закричал он мне.

Я, ничего не понимая, глупо посмотрела на него.

— Да чем вы здесь занимались? Что-то сейчас к тебе приставало и раздевало. И если бы я не остановил, думаю, в будущем, изнасиловало.

— Что? — вскрикнула с непониманием я.

— Вот. Посмотри, — ткнул на спину.

Я постаралась, как можно сильнее вывернуть шею, голову назад, посмотреть, на что же он такое намекает.

Увидев развязанные концы ленты, сказала:

— Это не ты? — настороженно и обиженно.

— Конечно же, нет! — отступил шаг назад.

— Завяжи, — приказала я.

Дайлон, словно моя послушная марионетка, покорился. Принялся завязывать ленты. Затем, остановился, не окончив дело. Повернул меня к себе.

— Я подумал, и решил, что ты лучше подходишь для роли матери Данталиона, нежели Виоли, — намереваясь меня поцеловать, — сказал он мне, тихим голосом. Мягким, словно, шепотом ветра.

Я его остановила. Поставила на его груди руками щит, сохраняя между нами расстояние.

— А что с тобой произошло? — напрягла глаза, внимательно изучая взгляд Дайлона, — Мы уже решили, — сказала твердо.

— И что? Ты сейчас со мной, а она — далеко, — схватил меня за плечи и повалил на алтарь, пригвоздил руками за запястья к алтарю. Обхватил ладонь в тиски и засунул в рот пораненный палец. Нажал зубами на лишь успокоившуюся ранку, заставил кровь снова сочиться. И высосал несколько капель черной крови. Прокусил себе губу и в насильническом поцелуе заставил меня выпить его кровь. В жестокости поведения, хватки, в особенности поцелуе, с прикусыванием губы, он мне напоминал не самого себя, а Айрона.

Дайлон не понимал, что с ним творилось. Его, словно, что-то контролировало. У него было множество девушек, но еще ни единого раза его не влекло так никому, как сейчас ко мне. Он желал овладеть мной полностью. Овладеть каждой клеточкой моего тела. Прикоснуться к каждому сантиметру рукой, поцелуем. Я вырывалась, а он не отпускал. Желал сделать своей. Крепко целовал в губы. И с самым сильным и крепким поцелуем, неожиданно, с его спины вырвались крылья. Огромные. Цвета вороньего крыла. Точно такие, как и у Айрона. И я мгновенно омякла и сдалась ласкам Дайлона. Я снова влюбилась в крылья. При размахе крыльев, перья разлетелись, и я подняла руку, встречая перьепад. Мои любимые, желанные, те, которые я готова целовать вечно

И, пребывая под «гипнозом» перьев, я приняла ласки Дайлона. Прикасания рук и поцелуев к губам, шее, плечам, рукам, запястьям, пальцам, грудям, ногам... Я принимала близость нашего соединения. Совершенно даже не догадываясь, позабыв включить трезвость ума, что же стало подлинной причиной резкой переменны в характере Дайлона. А всему виной был тот момент, когда я стояла на алтаре, и ловила видимые только для меня перья, а Дайлон схватил меня за руку, и в тот момент в него вошла та сущность, которая обволакивала меня.

Подходил рассвет. Я с Дайлоном пребывали во сне, покрытые простыней, а поверх, покрытые еще густым покрывалом с разбросанных черных перьев.

Дайлон проснулся первым. Он совершенно ничего не помнил, что осуществилось вчера. Поднялся. Покрутил головой. «Почему обнаженный?» — сначала подумал он. Но, затем припомнил, как я вместе с ним готовили приготовления к провидению «трудной» ночи. И он подумал, что, как и планировалось, провел ночь с Виоли. Повернул голову в мою сторону. Посмотрел на спящий мой силуэт, отвернувшийся от него, лежащий на боку, и по фигуре, цвету волос догадался, что это я, с ужасом содрогнулся:

— Как я мог сделать это с ней?! Когда успел?

На шум пробудилась и я. Перевернулась на спину. Открыла глаза. Повернула голову к Дайлону. Давая возможность себе понять, что происходит, поморгала глазами. Подскочила, прижав простынь к грудям, и закричала:

— Аааа!!! Что произошло!? Что ты со мной сделал?

— Это, что со мной сделала ты?! — закричал ответно Дайлон, — Что, опоила тем вином, стерев память?

— Ты тоже ничего не помнишь?...Могу сказать лишь одно: крылья у тебя проявились. Если судить по разбросанных вокруг перьях. А насчет вчерашнего, даже если что-то и произошло, давай забудем об этом и считаться не будет, — потыкала рукой.

— А если ты, случайно, это...

— Нет! Невозможно. Между нами ничего не было. Понял?...Проклятье! Теперь для осуществления задуманного придется еще месяц ждать. Виоли с собой возить. А так бы, она могла спокойно вернуться домой и выносить Данталиона. Отвернись. Ну же, — ноя, приказала.

Я поднялась на ноги и оделась. Сошла с алтаря. Отвернулась. Затем, оделся Дайлон.

Мы убрали вещи для приготовления, обратно в Летний дворец, и вернулись в гостиницу. Конечно, с запозданием на несколько часов от восхода солнца. И Дайлону пришлось тайком меня относить спящей в постель. А Виоли, встретила его не подозревая о прошедшей ночи.

— Ты обещал меня отвезти в какое-то таинственное место. Показать что-то замечательное. Я готова. Когда пойдем? — веселая на все надежды и проценты влюбчивости, остаться лишь с Дайлоном наедине.

— Знаешь, сегодня не получится. И завтра тоже. То место сейчас ремонтируют. И если сейчас тебе его покажу, то оно будет не настолько красивым, каким я надеялся тебе его показать. Давай подождем еще. Ты не обиделась?

— Жаль, — расстроено, опустила голову, — Но, ничего, — быстро натянула наигранную улыбку, — Я потерплю, сколько нужно будет времени. А что ты собираешься делать сейчас?

Дайлон с радостью бы ответил, что отправиться к себе в комнату, завалиться в кровать и хорошенько вздремнет не один час. Сейчас он завидовал моему дневному сну. А, главное, возможности выспаться, и беззаботности, что никто не разбудит. Но, не мог. Тогда бы она спросила, где пробыл всю ночь, почему не выспался. И пришлось соврать:

— Думал, покормить Конни. Расчесать гриву. А что?

— А я намеривалась пригласить, если ты свободный, сходить со мной за покупками.

— Уж на сей раз без меня, — отмахиваясь руками, представляя себя уставшего шагающего по улицам с кучей пакетов в руках. Хуже всякого наказания.

Виоли опечалено удалилась. А Дайлон, лишь добрался до конюшни, как сразу завалился возле своей Конни в сене спать. Он намеривался хоть здесь найти спокойствия. Да и то оказалось на парочку часов. Пришел конюх. Угрожая вилами, разбудил и выгнал, прибавляя вслед:

— Ух, какие пошли! Нашла молодежь место для ночлега.

Тогда, он отправился к себе в комнату гостиницы, удачно пробыв в ней до прихода ночи. Моего пробуждения.

Он зашел ко мне в комнату. Без спроса сел на кровать, заложил ногу на ногу, а руки отвел назад.

— И что же мне делать последующий месяц? Что посоветуешь? — спросил нахально он.

— Ты со мной даже не поздоровался, — удивилась я, в тот момент, стоя у окна, изучая пейзаж за окном, фазу ночи.

— Ну, да-да, доброй ночи, — нехотя.

— И тебе того же. Ну, да-да, — повторила, стараясь скривить интонацию голоса, — И какие ты хочешь советы? Все же я не справочник.

— Что мне делать последующий месяц, пока буду дожидаться того четверга полнолуния? Не хочу терять время попусту.

Я подошла к столу. Села на стул за столом, положила на него руку, а на руку голову. Второй рукой достала с тарелки мандарин, который бы никогда не съела, и принялась пальцем гонять его по столу.

— Если хочешь услышать мой совет то, подними революцию. Не в буквальном смысле переверни мир. Заставь подняться с коленей на ноги жителей Гелиуса. Пусть ты ни имеешь замка и короны, но, в тебе течет та самая кровь тысяч королей. Докажи иным способом, который не измеряется в богатстве, всем, что ты истинный, законный король. Покажи поступком, не обязательно оружием, а тем же пусть убедительным словом, что королевство расцветет. И снова расцветет вечноцветущий вишневый сад. Только не бросай слова на ветер, а все их обязательно и исполняй.

— А разве я смогу это все сделать сам?

— А ты не будешь один. В этом помогу тебе и я. Не постыдись попросить помощи и у жителей. Для отстройки и постройки новых домов и зданий в городах и деревнях, которые были уничтожены в последствиях войны. Нужно сделать хорошие условия для возвращения бывших жителей обратно в Гелиус.

— Уж столь сладкие твои слова и за краткие сроки их не выполнить.

— А лучше думать о сладком, нежели о горьком, кислом, соленом и вонючем. А ты начинай с маленького, а остальное само собой придет. Сначала, не перед кем не открывайся, кто есть на самом деле. Даже Виоли. Пусть думают, что ты человек с народа. И пусть сами провозгласят тебя в короли. К несчастью, я не смогу быть слишком к тебе рядом. Настолько, настолько того бы желала. И видеть собственными глазами твои начинания.

— Почему? — удивился.

— Потому, что я буду спать. А ты будешь тяжело работать на благо будущего своего имени. Разъезжать по городам и деревням, в которых еще остались люди, и пропагандировать. Взывать к позитиву. Объединению в целое. Воссоздания королевства.

На том и порешились. Мы путешествовали в телеге втроем. Я, Дайлон и Виоли. Днями ; спала, укрывшись с головой покрывалом. По ночам, Дайлон рассказывал о своих успехах. На что я ему давала советы. Я очень хотела в те моменты стоять с Дайлоном, видеть собравшуюся толпу людей, внимательно слушающую его убедительную речь. Видеть в те моменты выражения его лица, каждый жест руки, движение тела. Но, вместо меня, рядом стояла Виоли. Веселая, радостная, светлая, полная противоположность мне.словно клоун-зазывалка, с воздушными шариками-бонусами, заманивающими присоединиться к нам. И это все действовало. Все нас поддерживали. Всем жителям очертела монотонность и чернота обстановки, и они были ни прочь ее променять на радужные веселые краски.

Начиналось незамедлительное строительство. За инструменты брались и дети, и старики. Материала, который используют в постройке, категорически не хватало. И реконструирование и постройку новых домов производили с хорошо уцелевших и уже

использованных материалов. Кирпич, камень, древесина, шифер, черепица, металл, гвозди и многое другое. В строительстве принимал участие и сам Дайлон. Размахивал молотком, разбивал, забивал, ложил кирпич. Не боялся запачкать рук и одежды.

Новости о возобновлении Гелиуса дотянулись до ушей и жителей, покинувших страну во время войны, искавших более хорошей жизни. Увидев в ней светлое будущее, и что их дети смогут жить на родной земле, стали иммигрировать назад. Люди собирались в столице, Данталионе, желая посмотреть на лидера.

Дайлон никому не отказал, лишь попросил, чтобы все пришли к нему ночью. Он понимал, что это самый решительный и важный момент в его жизни, становление его правления, и без моей помощи, поддержки, совета, ему не обуздать свою неуверенность.

Я проснулась, как и всегда, в телеге. Медленно опустила, до того крепко поджатые ноги, сняла с головы покрывало и открыла глаза. Посмотрела в звездное небо. Яркую огромную луну.

Дайлон ожидал на меня. Стоял у телеги, прислонившись спиной к стволу дерева, а руки держал в замке на груди.

— Я ждал тебя, — сказал он, став ровно, — Помоги мне.

— Что-то случилось еще? — спокойно спросила я, оставаясь сидеть под покрывалом.

— Сегодня все решится. Сегодня я стану королем или ничтожеством.

— Оооо! Как интересненько. Так что же беспокоит твою душеньку?

Дайлон поведал, что сегодня ему предстоит выступить с самой убедительной речью. Чтобы все приняли его в короли.

— Ну, до королей ты еще не дорос, — сказала я, — Но, лидером и героем страны, я обещаю, ты станешь. А это уже шаг к приближению к трону. А на счет речи...Понятно, — ловко соскочила с телеги и убежала.

Не поняв моего поступка, Дайлон постарался меня остановить:

— Ей! Ты куда?

— Не обращай внимания. Готовься к выступлению, — крикнула я.

Появилась я перед Дайлоном с серым огромным камнем в руке. И протянула ему:

— Вот.

— Что это? — удивился, — Ты хочешь, чтобы я этим камнем поубивал всех, кто ослушается меня слушать?

— Глупец! Это камень с замка. Первое ключевое слово и наглядность к твоей победе. А теперь иди к людям, — вытолкнула из-за деревьев, за которыми прятались, — Удачи!

Люди собрались на главной площади. И их было немереное количество. Настолько, что не помещалось на площади, и люди тянулись на приближенных улицах. Дайлон поднялся на обрушенное самое высокое здание, повыше, чтобы всем было его видно, и обратился, как можно громче:

— Здравствуйте! Меня зовут Дайлон Дантос, и я, как и вы, житель Гелиуса. Спасибо, что все собрались здесь. Не побоялись долгой дороги и покинули свои дома, чтобы вернуться снова на свою родину, в наше королевство Гелиус.

Голоса людей притихли. Они прислушались. Хотя, и с неуважением смотрели на него, юнца, не готового принять на себя бороды правления. Ведь ожидали увидеть сильного зрелого мужчину, лет за тридцать, который своими деяниями, кем-то выдуманным лживым описанием, прославился за границами иных королевств, походя на какого-то неизвестного легендарного сказочного героя-победоносца.

— Посмотрите! — поднял вытянутую вверх руку, а в ней камень, — Это камень с замка, в котором жили и правили наши короли. Защищали нас. Наши тела, души, от каждого врага. Но, каждый из нас знает не по слуху, что в нашу страну ворвалась война. И разрушила этот крепкий замок. Были убиты наш король, многих из нас, убит наш сильный дух. А теперь, когда года прошли, мы не должны останавливаться на этом. Это хорошо помнить ушедших тогда, во имя спасения нас, наших родственников, но, нужно продолжать жить и дальше. Отстраивать дом. Купить новую чашку, вместо того, чтобы плакать над разбитой во время войны. Мы все люди и мы все живые. Мы всегда хотим свободы и спасения. Давайте вспомним историю правления наших королей. Они столько усилий вложили в мир. Вспомните легенду зарождения страны. Почему мы пришли к ангелу?

— Мы прятались от войны, — закричали голоса.

— Верно. Он нас спас. Он дал нам дом. А взамен, мы теперь должны этот дом защищать.

— Но, с нами всегда был наш ангел — Данталион, который всегда нас защищал. А теперь мы сами. Нас покинули даже небеса, — прокричал кто-то из толпы.

Дайлон с трудом глотнул комок слюны. Ему хотелось выкрикнуть: «Данталион здесь! Данталион — это я!». Но, он молчал. Он должен был молчать.

— Глупость! Ангелы всегда с нами рядом, даже когда мы их не видим, — ткнул в народ пальцем, — И вот здесь всегда у нас живут, — ткнул большим пальцем в грудь.

— Ты говоришь, что придется защищать страну, — прокричал из толпы кто-то другой, — Что это значит? Ты собираешься взяться за оружие?

— Я имел ввиду поднять на ноги страну. Отстроить дома, больницы. Землю заставить вновь масштабно давать урожай. Вишневый сад, который ранее назывался вечноцветущим, снова цвести. Я не обещаю, что завтра или послезавтра кто-то из вражеских сил снова не захочет завладеть нашими землями, увидев, какие мы сильные духом, и несклоняемые ни какому удару. Но, никогда ничего не стоит бояться. И если придется взяться за оружие, то я возьму лишь его сам. Я умело владею мечом и пистолетом. И смогу защитить каждого! — не показывая специально свое оружие. Оно и так прекрасно открывалось взору, лишь стоило ветру в очередной раз развеять его жилетку-фрак.

Я поняла, что монолог Дайлона затягивается, и вступилась в дело.

— И что будите решать? — обратилась с вопросом я, сидя на фонтане, облокотившись спиной и головой на изломленную покосившуюся статую русалки с амфорой и несколькими маленькими ангелами, послужившую мне удачной спинкой.

Я сказала тихо, но, это заставило Дайлона замолчать, а всех людей обратить внимание на меня.

— Если вы не пошевелитесь, в этом фонтане никогда не будет воды, — засунула руку в пустующий фонтан с имитирующими движениями набрать в ладонь воды и сделать брызги.

Один из старичков с толпы увидев меня, со всей силы бросился в мою сторону, пробираясь и толкаясь через других людей. Опустился на колени передо мной. Сложил руки, словно молясь перед иконой, и сказал:

— Это же вы, леди Немфея?

— Кто ты? — спросила я, смотря на него, его горящие радостные глаза, готовые расплакаться сейчас же.

— Это я, Джозеф Палч. Поваренок с кухни, которого вы не раз хвалили, гладили по голове, и говорили, что моя роза с вареной свеклы еще чуть-чуть и будет лучше настоящей.

Я скромно улыбнулась.

— Тебе тогда не было и шести лет. Ты был еще слишком маленьким, чтобы меня помнить.

— Нет-нет, я вас помню. Я так и знал, что это вы, моя леди, — еще больше обрадовался, схватил меня за руку и поцеловал в тыльную сторону ладони.

Дайлон и жители пришли в непонимание.

Маленькая внучка Джозефа, оторвавшись от крепких родительских рук, подбежала к нему и спросила:

— Дедушка, а кто это?

Джозеф поднялся с коленей на ноги и улыбнулся.

— А это, внученька, леди Немфея Роузт. Верная советница короля Алексия и вторая хозяйка замка Распяття.

Замок Распяття носил свое название из-за крестообразного самого большого центрального его строения.

Люди замолчали. Насторожились еще больше.

— Считайте, что я дух, — сказала я без возможности рассказать ерунду о бранометре и подобном своем жизненном бреде, — И пришла, чтобы спасти вас.

— И что ты хочешь за наше спасение, дух? Сердца, души? — закричал напуганный мужчина, думая, что я, словно демон, этим питаюсь.

Джозеф рассердился. Скреготя зубами, он чуть ли не набросился на него с кулаками.

— Ничего. Я таким не занимаюсь. Я услышала о возрождении Гелиуса и решила принять участие в его спасении. Так что, пока я пребываю на стороне вот этого молодого человека, — щелкнула пальцами, а затем выставленным указательным пальцем указала на «гору», на которой находился Дайлон и слушал меня, — И я бы хотела, как можно скорее, искоренить со своей памяти и вашей события той войны, свидетелем которой была, и в ночь которой умерла, — соврала — Поверьте, я живу дольше вас всех, и хочу, чтобы ваши дни стали счастливее моих.

Цепная реакция одного согласного голоса, поддержала другого. И вот уже в другую минуту вся толпа шумела и кричала, провозглашала согласное «Да».

В другой половине собрания, не упуская времени, Дайлон предложил людям выдвинуть свои предложения с чего начинать, что хотят сделать. Ведь для работы на благо должна присутствовать объединенность и взаимная помощь.

Когда люди разошлись, ловко спустившись с «горы», Дайлон мгновенно оказался в объятьях Виоли. Она его обнимала, расцеловывала в щеки. Восторженно лепетала без толку. Увидев меня, все еще сидящую у фонтана, он, отбросил объятия и проигнорировал слова Виоли, подался ко мне, обратившись к ней напоследок:

— Извини.

— Скажи, приятная победа, — сказала я ему, когда он подошел ко мне.

— Да, — почесал затылок, — Послушай, а ты что, действительно, дух?

Я потянулась к нему и поставила в лоб легонький щелбан с недовольным выражением лица.

— Нет, конечно. Я соврала... Тебе на благо. Кем я только уже не была. И Темная леди, и дух, и привидение, и ведьма, и кукла, — пересчитывая, подымая руку и резко бросая, — Словом, монстр.

— Как по мне, то очень и симпатичный монстр, — сделал комплимент.

Я снова повернулась к Дайону и поставила ему в лоб щелбан.

Неожиданно, он схватился за сердце, согнул спину. Скривился в лице. Зажал до упора глаза. Закричал от боли. Я не поняла, в чем дело. Очень испугалась. Сначала подумала, оттого, что настолько сильно ударила его по лбу. Только тогда почему прихватило сердце?

Еле удерживаясь на ногах, подошел ко мне. Положил голову на мое плечо. Склонился. Руки на плечи. Сжал до упора. Протянул с трудом, еле дыша, задыхаясь:

— По-мо-ги.

Я дрожащим голосом, с растерянными глазами, не зная, что делать, схватила Дайлона за руки, в области локтей, и произнесла:

— Чем же?

Мне настолько стало страшно, что потекли слезы по щекам.

Он прижал меня к себе. И я расслышала, не лишь ушами, а сердцем, его сердцебиение. Не нормировано-сумасшедшее. С каждым мгновением ускоряющееся. Стремящееся впрямь выпрыгнуть с груди.

Дайлон обхватил меня сильнее, ногтями вцепился в спину, царапая. Видимо, он не подсознательно желал поделиться своей болью. Было больно. До сумасшествия. И вдруг, с его спины вырвались крылья. Огромные, цвета вороньего крыла, с рывком роняя перья. И хватка ко мне прекратилась. Руки омякли. Тело плавно спустилось вниз, скользя по мне. Дайлон чуть ли не упал на землю. Но, к счастью, я во время успела его подхватить. С трудом подтянула вверх и прижала к себе.

Понимая, что оставаться в центре площади нельзя, потому что их в любой момент могут увидеть и раскрыть, быстро сообразила дальнейший план действий. Пошатываясь, поднялась на ноги. Затем, облакачивая Дайлона на себя, затащила его в подворотню между зданий. Осторожно посадила на землю. Легонько ладошкой похлопала по щеке, стараясь привести в чувства, а другой рукой поддерживала затылок, чтобы не повредить голову.

— Дайлон! Дайлон! Как ты? Ты меня слышишь? — держа осторожно его под подбородком, у скул, и смотря в лицо.

Дайлон кивнул головой, что меня видит, пришел в чувства.

Глубоко вдохнув через нос с облегчением, я убрала руки от его лица, и отклонила спину назад. Как, неожиданно, Дайлон схватил меня и прижал к себе, и моя голова легла ему на плечо.

— Что-то происходит со мной. Я не могу этого контролировать, — сказал он, растерянно-дрожащим голосом.

Я выбралась с его хватки и спросила вполне серьезно:

— О чем ты? Ты мне о чем-то не договаривал?

— После той ночи, в Летнем дворце, я только и думаю что о тебе. Стоит нам друг к другу близко подойти, и сразу у меня начинает прихватывать сердце. Днем мучают головокружения. Головные боли. А еще спина-спина. Чешется. Скребет. Разрывается от боли. От настолько сильных болей, что падаю на ноги.

Он не упомянул, что и стоит в последнее время ему ко мне прикоснуться, вполне случайно даже задеть, как спина раскалывается в два раза сильнее. А в неожиданностях, стали проявляться крылья. Но, до этого момента, он о своих бедах никому не говорил. Боролся с ними сам. Убегал, прятался, чтобы никто не видел, как у него вырастают крылья, и как он стоит на коленях, унижается от боли.

— И у тебя начали проявляться крылья, — догадалась сама я, — Дай-ка.

Я расстегнула на Дайлоне жилетку, рубашку и опустила их вниз. Мне нужно было посмотреть на спину. Предмет боли. Я удивилась, не видя ничего такого прежде. Теперь на каждой из лопаток было по знаку Данталиона. Казалось, что в нем живет два Данталиона.

Я отругала Дайлона:

— Почему ты мне об этом раньше не рассказал?! Так и умер бы, а я и не узнала когда... Уууу, — глубоко выдохнула, успокаиваясь, — Так...ты крылья хоть немного можешь контролировать?

Дайлон покачал головой, что нет.

— Понятно. А ты сейчас, попробуй ими пошевелить. Туда-сюда.

Дайлон попробовал и у него ничего не получилось.

— Хорошо, — не сдаваясь, спокойно сказала я, — Тогда попробуй подружиться с ними. Нужно заставить их исчезнуть. Хотя бы пока не спрячемся в более укромное место. Как мне говорил Айрон, крылья тоже живые существа, и с ними нужно дружить. А теперь, — взяла Дайлона за скулы, и прикоснулась лбом ко лбу, — Не обращай внимание, на то, что я буду делать дальше. Это нравилось лишь одним крыльям. Хорошо? — улыбнулась.

Я села за Дайлоном. Облокотилась об его спину своей, закуталась в его крылья, казавшиеся тряпочными, безжизненными и обвисшими. Потихоньку принялась каждое перышко в крыльях приподымать, гладить, водить пальцем, дуть на него. С тем напевая сладко шепотом песенку:

«Перышко, перышко, перышко,

Перышко, перышко, перышко,

Я люблю тебя».

Затем, повернулась плавно к Дайлону. Обняла его за плечи, и над ушко допела: «Так лети!».

И легонько толкнула его ладонями в спину. Крылья, не порхая, подняли Дайлона вверх. Он не понимал, что с ним творится. Крылья зашевелились, выгнулись, обволакивая Дайлона в них, сделали кокон с крыльев.

— Так должно быть, — сказала я, сидя на коленях и облачиваясь руками об землю, — Значит, все крылья любят эту песню.

Кокон с Дайлоном парил над землей в воздухе больше часа. Я забеспокоилась. Занятая мыслями о худшем, что может пойти что-то не так, сидела на земле, обнимая колени, и нервно побивала пальцами по ногам, не прекращая шевелить губами: «Ну же», «ну же»....

Крылья кокона зашевелились и с резким размахом раскрылись. Дайлон опустился мягко на землю. По движениям тела, крыльев, даже уверенному взгляду, было заметно, что он уже овладел искусством владения крыльями. Подошел медленным шагом ко мне. Я посмотрела в его глаза. Уверенные. Твердые. Всемогущие. И красного цвета. Это, конечно, меня взволновало.

Я поднялась на ноги. Осмотрелась, а крыльев Дайлона за спиной уже и не было.

— А где крылья? — спросила я.

— А, я их спрятал, чтобы не мешали и чужие не видели.

«Так быстро, незаметно. Когда он только успел?» — подумала я.

— Значит, ты овладел крыльями? — спросила у него уже в голос.

— Надеюсь, удачно, — не хвастаясь.

— Можно, — намекая на спину.

Дайлон повернулся ко мне спиной и опустил одежду. Несмотря на мое желание

успокоить крылья, два знака Данталиона еще оставались двумя. Это снова насторожило. Но, я наигранно улыбнулась. Сказала, похлопывая его по плечу:

— Все хорошо.

— А как же иначе, — обозвался самоуверенно он, застегивая одежду.

— А сердце еще болит? — на его грудь, положила ладонь.

— Нет, — сухо.

Я заметила, что он сам стал какой-то «сухой» в характере.

— А что ты на меня так смотришь? Нравится мое тело, — остановил застегивать пуговицу, — Или мои крылья?

— Ничего подобного, — отвернулась, — Давай быстрее, — шагая, — Тебя там убитый час ожидает Виоли.

— Постой-постой, — уловил, остановил за плечо, — Так тебе нужны от меня лишь крылья? Крылья, да? Ты любишь только их?

— Отпусти! — дернула рукой, — И крылья твои не причем.

— Конечно! Тебе нужно ребенка от меня родить и все. И затянула ты тогда меня насильно, не правда ли?

Я вlepила Дайлону по плечу.

— С ума сошел что ли? Между прочим, у нас с тобой ничего не было. А супруга твоя — Виоли. И после утрамбовки сей ситуации, я насильно отправлю вас в Летний дворец. Не алтарь!

Дайлон недовольно оттолкнул меня. В прыжке расправил крылья. Поднялся на крышу дома, откуда посмотрел на меня, а я на него, на его падающие черные перья с крыльев. Он вспорхнул с крыши и куда-то улетел.

Я не стремилась бежать за ним вдогонку. А тем более, за него беспокоиться. Пусть себе летит! Захочет, вернется. Куда ему деваться?

Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, и отправилась в гостиницу. Приняла ванную, переделась в ночную рубашку, и легла в кровать. Совсем не ожидая, что уже спустя пару часов, во время моего дневного сна, чьи-то чужие руки выймут меня с постели. Отнесут в ванную, полную воды. И погрузят в воду, стараясь потопить. Но, в последний момент, приподымут голову, вырвав с пучины воды, не дав окончательно утонуть, увидев мое спокойное спящее лицо, и выходящие со рта и носа мелкие пузырьки, озвучивающие, что мне, прощайте, конец. А проснусь, лежа в чужой кровати. На мне будет что-то звенящее — металлическая цепь и черный ошейник.

Сначала не понимая, что за звон будет меня, перевернулась со спины на бок и открыла глаза. Затем, перевернулась на живот, стала на колени, а на подушку облокотилась руками.

— Что?! Цепь?! Ошейник?! — увидела, вспомнила времена своего прошлого, не оказалась ли во сне или в прошлом?

Подняла голову и покрутила головой, отыскивая в чужой комнате живую душу хозяина. Ею оказался Дайлон.

— Это ты все устроил?! А ну, быстро сними! — приказала я.

Все время сидящий у стола и допивающий кофе Дайлон с маленькой белой кофейной чашечки кофе, нехотя поднялся.

— Ты мне еще пригодишься. Не хочу. Чтобы ты куда-то убегала. Особенно, без моего на-то разрешения.

— Да не собиралась я никуда убегать. Видел же, вернулась в гостиницу. Сними.

— Не верю! Ты обещала довести меня до победного. А сейчас хочешь бросить.

— Кто тебе такое сказал?

— Виоли донесла, что ты, как доверенное лицо Джозефа, отправляешься вместе с ним в Гомоф, отстраивать королевскую голубятню.

— Такого не было! Головой надо думать иногда! Когда я могла принять такое решение, если спала, а ночью рядом около тебя? И, вообще, я вольный житель Гелиуса. А не твоя рабыня. Отпусти!

— А вот и нет! — типа показывая свою мужскую силу.

Я сложила руки на груди.

— Что же, отлично, — отвернувшись от Дайлона, сложила руки в замок на груди, — Будешь считать меня за песика. Одевать в белые наряды. Кормить виноградом и сыром. А я тебе ответно буду рассказывать сказки на ночь, — согласилась.

У Дайлона округлились от удивления глаза. Настолько резкая перемена. Такие условия. Впрямь-таки идеальная пленница.

Дайлон подошел ко мне. Приложил голову к виску. Руку на голову. И говоря с закрытыми глазами, задергал меня за волосы:

— Я не могу, — сказал он, — Я думал, то прошло, что со мной происходит. Но стоило лишь услышать те слова от Виоли, как я чуть ли не сгорел от ярости. Я сегодня приходил тебя убить. За измену мне. А взамен, посадил на цепь.

Его сердцебиение участилось до сумасшествия. Глаза резко открылись, синяя радужная оболочка залилась яркой краснотой, а со спины, лопаток, вырвались крылья.

— Что ты со мной творишь, ведьма? — сказал с обзыванием он.

Я обиделась и сказала:

— Я ни ведьма. Я ничего не делала.

Дайлон повалил меня на постель. Пригвоздил ладони к кровати, цепко соединился с моими пальцами своими, и яростно:

— Ты хотела вот этих крыльев?! Забери! Отрежь! Отруби. Забери эту боль. Каждое движение, когда я возле тебя, приравнивается к смерти. И все же, я постоянно думаю о тебе. Ты действительно, проклятая душа, если прокляла меня.

Я, глубоко дыша через рот, стараясь не срываться от эмоций, попросила:

— Забери свои слова обратно.

— Какие именно? Что ты изуродовала мне жизнь, и или чтобы мы с тобой никогда не встречались?

— Нет. Не эти. Эти я и так хотела сказать сама. За душу. Не преданную и неприкосновенную. За такое расплата всерьез.

Я со всей силы ударила Дайлона лбом в голову. Затем, пока он потерял бдительность и расслабил руки, столкнула его с себя, слезла с кровати, намереваясь бежать. Дайлон схватил меня за цепь. Насильно подтащил к себе. Кинул на кровать. Хотел накинуться на меня, я оттолкнула ногой.

Не успела оглянуться, как он уже с другой стороны, со спины, накинулся на меня. Мы бились, кулаками, локтями, ногтями, хваталась за крылья. Затем, уловила возможность свободно добраться до его шеи, и большим пальцем передавила сонную артерию, и Дайлон мгновенно отключившись, рухнув на меня.

— Думал со мной тягаться, — проскрипела я, вылезая с-под его тела, — Айрон! Выходи! Ты где?

— Всегда знала, где меня отыскать, — прозвучал мужской чей-то эгоистичный радостный голос, и с тела Дайлона вышла некая сущность.

Дайлон проснулся в постели, лежа на животе точно в том же положении, как и был покинут мной. Его крылья лежали послушно на спине.

Он насторожил ухо на мой голос, доносящийся из позади него находящегося открытого балкона, на котором находилась я. С тяжестью тела и болью до головокружения и тошноты, поднялся на ноги и подошел к балкону. С интересом понаблюдать с кем же я веду речь и о чем.

Сидела я к своему собеседнику лицом, на поручне балкона, смотря добродушно и искренне. Собеседником выступала полупрозрачная сущность, в силуэте напоминающая человека с крыльями. По голосу — мужчина.

— Ты меня быстро раскусила, — сказал голос.

— А как же, — улыбнулась, — Тебя сложно не узнать. Поведение, поцелуй, ошейник, цепь, и, конечно же, — подняла подбородок, намекая на крылья.

Отвечая, сущность склонилась ко мне, намериваясь стукнуть меня в лоб лбом (не всерьез, легко), и это получилось, что я чуть ли не слетела с балкона, потеряв равновесие.

— Ты, как всегда, — потирая лоб, — Бить, хоть, по нормальному, можешь?...А теперь, всерьез. Оставь его.

— Ты так уверена, что он справится без меня?

— Да. Он еще молод. Но, уже силен, ловок, умен. Все твое есть и в нем. Разве не видно?

— А как же военные навыки? А обзор управления страной?

— Он всего обучиться. На месте. «Все познается в беде» — ты говорил мне сам. Отпусти его. Двум душам в одном теле не вжиться.

— Кстати, если ты такая умная, почему не скажешь о том сама? — посмотрел вниз моего живота.

— Не знаю, — пожала плечом.

— И будешь долго тянуть время?

— Пока не протяну, — посмотрела себе на колени, живот.

— Как бранометр?

— Как видишь, действует, — намекая, что если я с ним сейчас разговариваю, двигаюсь, то жива, и с бранометром все в порядке, — Знаешь, не смотря на все-все, я очень рада снова тебя видеть.

— Я тоже, Миледи.

— Что случится с тобой, если ты покинешь его тело?

— Уйду обратно к небесам.

— Понятно...К Квенсенту...Жаль...Слушай, всегда хотела спросить, а есть ли возможность уменьшить заряд бранометра, или его постепенно погасить?

— Ты хочешь умереть?

Я постепенно опустила голову.

— Хватит мне уже по земле бродить. Всего насмотрелась. Устала. Хочу к вам. И, наконец-то, попробовать приготовленного Квенсентом кекса.

— И не думай! Мы с Квенсентом отдали свои жизни, чтобы ты жила, а не шлялась следом за нами по просторах смерти.

— И я этого не допущу! — закричал вмещавшийся в разговор Дайлон.

Сущность, а на самом деле дух Айрона, быстро развеялся. Я тупо поморгала, смотря на

Дайлона.

— Ты уже проснулся? — спросила я.

— Кто это? — ткнул пальцем в место нахождения сущности.

— Кто? — посмотрела в воздух, — Там никого нет.

— Не глупи! Ты только что разговаривала с кем-то. О своей смерти. Обо мне.

— Ты подслушивал?...Как некрасиво, — покачала головой. Поднялась с балкона, подошла к нему. Взяла в руку цепь, и, звеня ею, — Сними. Я пойду к себе в комнату.

— Мы не договорили. Кто живет в моем теле? Айрон? — схватил меня за запястье, приподнял руку.

— Никто там не живет, — вырвалась, оттолкнула Дайлона от себя, — Ладно, не хочешь снимать ключом, подыщем что-то подходящее, — принялась лазить по комнате.

Дайлон схватил меня за руку, остановил дело.

— Ну, ладно. Ладно, — сдалась, прекратила дергать рукой, которую он не собирался отпускать еще долгое время, — Когда мы были в Летнем дворце, в тебя вселился дух Айрона.

— И значит, все чувства, которые я испытывал к тебе, это его, — закрыл лицо ладоней с растопыренными пальцами, понимая, как слились их сознания, свое и его, и настолько сильные чувства ко мне испытывал Айрон, при жизни умалкивая.

— Но, я попросила Айрона, чтобы он тебя оставил.

— А если бы я принял его силу, как он говорил?

— Ты б ее не выдержал. Она слишком тягостна будет для твоего тела и одного разума.

— Я бы превратился в субпродукт?

— Ты бы просто переполнился властью. Три души в одном теле — очень тяжело.

— Три? Ты о Квенсенте?

— Нет. Он ни к чему. Ты, Айрон и Микиэль.

— Снова этот Микиэль. Микиэль, Микиэль. Да кто же он? — разозлился.

Я посмотрела ему в глаза, и, заметила, что они стали прежнего синего цвета. С благодарностью в сторону Айрона расслабилась. Он отступил. Улыбнулась мягко и сказала:

— Вторая душа Айрона. Я же говорила. И все. Точка. Понятно? Тема закрыта...Что ты с ними сделал? — среагировала на его крылья, — С ними нельзя так обращаться. Об этом знает каждый Данталион.

И уже не обращая внимания на звенящую и путающуюся под ногами цепь, обошла Дайлона. Принялась щупать крылья. Они лежали, словно обездвиженные, и их стала осторожно приподымать и опускать. Затем, погладила. Выправила каждое загнутое перышко. Сказать, я оказалась удачным ангельским парикмахером. Это расслабило, сняло напряжение со спины Дайлона. Он выгнулся.

— И ты так делала с его крыльями? — поинтересовался он.

Я не отвлекаясь, ответила честно:

— Да.

Это Дайлона расстроило. Он напрял спину. Крылья затрепетали, и чуть ли не сбили меня с ног. Я чудом устояла, обвеянная ветром и перьями.

Это не заставило меня задуматься, в чем причина, и я продолжила ухаживать за крыльями. Дайлон снова махнул крыльями. На сей раз, повалив меня на пол. Я поняла, что больше не стоит, и прекратила. Занялась поиском того, чем можно было открыть цепь, ошейник. И ускокать, как «зайчик».

Дайлон резко схватил меня за плечо, повернул к себе. В тот момент, я присев лазила в

тумбочке. Схватил за цепь. Подтащил к себе, и сказал:

— Все же, тебе от меня нужны лишь крылья. Эти клочки перьев.

Смотря в его печальные глаза, более напоминающие глаза пьяного холостяка-алкоголика, в горести и печали, я не имела силы что-либо сказать. Боялась сорвать с его лица эту маску взгляда. А еще потому, что мне было тяжело дышать из-за нехватки воздуха в горле. Я задыхалась. Больно до слез.

— Неужели, каждый Данталион должен тыкать своими павлиньими крыльями перед твоим носом? Ты их коллекционируешь? Каждое перо от каждого полуангела?

Я отрицательно покрутила головой.

— Тогда что? Перышка не хватит? Тогда забери целые крылья. На! На!

Он жадно ухватился в свои крылья, вырывая с них клочьями перья. Пытался оторвать крылья целиком. В результате чего, со спины, с крыльев, обильными потеками побежала кровь из ран.

Я бросилась к Дайлону. Пыталась остановить. Успокоить. Вынимала с его рук клочья окровавленных прекрасных перьев цвета вороньего крыла и плакала оттого. Обняла Дайлона. Приложила его голову к своей, и закрыла глаза. И глядя Дайлона по голове, как мать гладит своего младенца, нежно шепнула:

— Твои крылья ни в чем не виноваты. Они прекрасны. Потому, что они твои. И если ты их лишишься, то лишишься не их, а самого себя.

Я обошла и обняла его со стороны спины. Принялась вытирать руками кровь, целовать крылья и спину.

У Дайлона задрожали плечи. Упал на колени. Низко опустил голову. И спросил меня:

— Я сделал ужасное и непоправимое для себя?

— Ничего, — поцеловала окровавленное крыло, перо, — Они...простят тебя. Заживут. Не беспокойся, — погладила подушечками пальцев Дайлона по волосам, — Сейчас ты успокоишься. Уснешь. А когда проснешься, ничего болеть уже не будет. Я смою с тебя кровь. Перебинтую и обработаю раны. А раны на твоей плоти и крыльях быстро заживут. Данталионы к этому расположены.

Данталионы, они не зря являлись лишь наполовину ангелами, и до проявления в них своей ангельской сущности, проявления крыльев, обладали обычным человеческим геном, а значит, Данталион-человек мог легко умереть от ранения, был слишком слабым, восприимчивым к смерти. Чем и обосновывалось то, что рана на плече у Дайлона заживала очень длительное время. Но, когда в Данталиона впервые прорезались крылья, с крыльями менялся и его ген. Данталион теперь становится более сильным, выносливым, организм имел более крепкий иммунитет и клетки в организме, которые способствовали быстрой регенерации после тяжелой травмы.

Схватила на тумбочке стоящий кувшин с водой, а со стола глиняную глубокую миску, в которой были яблоки. Выбросила яблоки на стол, и, раскатываясь, они покатались по столу, несколько из них упали на пол, одно мне прямо под ноги. Подбежала к Дайлону. Дрожащей рукой налила с кувшина воду в миску. Нужна была еще и тряпка, но ее не было. Схватила первое попавшее средство: оторвала кусок от юбки ночной рубашки. Стараясь работать более деликатно, смыла кровь водой. Вытерла спину, руки, пальцы Дайлона, которыми наносил себе раны.

Когда я закончила, то Дайлон потянулся ко мне, дрожащими руками, и прижал к себе, а голову положил на грудь. Закрыв глаза. В ответ я тоже закрыла глаза, и еще мокрыми руками

обняла его, и шепотом сказала:

— Все хорошо... Я с тобой.

Проснувшись, лежа на животе, покрытая подобно одеялу, крылом. Под ним было тепло и уютно. Медленно открыла глаза. Приподняла голову. Мне показалось, что Дайлон оторвал свое крыло, и, укрыв им меня, сбежал. Но, он лежал рядом. Я расслабилась.

За время сна, крылья успели подлечиться. На что не только я одна была этому очень рада.

Подобно тихой змее, обратно заползла под свое легонькое одеяло. Подлезла к Дайлону, и незаметно, взяла его за руку, с мыслью «спасибо, что не ушел», легла около него, стараясь далее уснуть.

Когда проснувшись следующей ночи, то, оказалась спокойно себе лежащей в своей кровати, в своем гостиничном номере. Казалось, что двух предыдущих ночей совершенно и не существовало. Это было лишь долгим исключительно моим сном.

И успела об этом только подумать, хорошенько выспавшись, оторвала голову от подушки, и с наблюдением рассмотрела свою комнату, в попытке отыскать что-то подозрительное или компрометирующие гостиничное заведение, как с шумом, без стука в дверь, ворвался Дайлон. Он, словно прекрасно знал заранее, во сколько мне положено было проснуться. Подошел с шумом подошвы сапога к кровати, и обратился, тихим голосом:

— Я снял.

— Я заметила, — намекая на исчезновение с шеи цепи и ошейника, У тебя, верно, привычка. Врываться в чужой дом, будить хозяина, не здороваться, шуметь, — грозно, — Словно, Барабашка, — не сдержалась в смешке, прикрыла на то тыльной стороной кисти рот.

— Снова? — подловил себя, чтобы не выкрикнуть конкретно следующую фразу: «Что?! Я снова это сделал?».

Не стыдясь присутствия Дайлона, одетая лишь в ночной рубашке, так как видел меня в ней и раньше, я смело поднялась с кровати. Босиком прошла к трюмо и посмотрела на себя в зеркало.

— Как твои перья? — спросила я, вместо того, чтобы нарекать на его отвратительное поведение в мою сторону тогда. Все же, обрывание крыльев — дело в сто раз большее и важнее, нежели моя внешность.

— Хорошо, — повернулся ко мне спиной, — На следующее утро смог уже спрятать.

— Молодец.

Я принялась расчесывать себе волосы расческой их натуральной шерсти, оставаясь стоять, игнорируя стоящий рядом удобный стул.

Дайлон несмело подошел ко мне, держа руки за спиной, и сказал, чуть ли не краснея со стыда:

— Извини за тогда.

Я повернула голову, убирая расческу с головы. Мягко улыбнулась.

— За что?

— За то, что я тогда с тобой так обращался. Я совсем не понимал, что мною движет. Никогда бы не подумал, что у меня дойдут до такого руки.

Я улыбнулась мягко еще раз.

— Успокойся. Ни-че-го не бы-ло, — заставляя его успокоиться и забыть, — Тебе просто приснился ужасный сон от постоянного твоего недосыпания. Говорила ведь, ложись спать.

— А-а-а, как же?

— Сон. И ничего больше.

Дайлон понял, на что я намекала. Что пора погасить обидки прошлого. Сделать перемирие.

— А как продвигаются дела с жителями? Планы? — продолжила процесс расчесывания волос.

— Все идет удачно. Вот результаты, — вынул из-за пазухи жилетки лист бумаги, и положил на стол.

Я просмотрела отчет. Покивала головой.

Отправилась в ванную, где наконец-то переоделась и удачно привела себя в порядок.

На меня в комнате еще ожидал Дайлон. Хотя, и думала, что он уйдет. Додумается, в какие моменты не стоит навязываться девушкам.

Наше королевство Гелиус развивалось со значительной быстротой. Здания росли, словно на дрожжах. И вмиг, одинокая полянка Гелиус, превратилась в грибную поляницу, над которой постоянно подкапывает дождь, повышая урожайность. А и с тем, прибавлялось и жителей. И если говорят, что Запад можно увидеть с конского седла, то Гелиас с руин замка Распяття. Мы с Дайлоном почти каждую ночь подымались в определенное место, самую высшую точку, и смотрели на весь Гелиас. Он был нам весь открыт и виден. Лежал, словно на ладони. Со всех сторон он был наш. А мы были его богами, которые судили и решали, что делать далее с королевством. В этом я не чувствовала эгоизма. Потому, что не делала ничего для самой себя. В принципе, мне ничего и не нужно было. Ни богатств, ни еды, ни воды. Лишь, что ночи да ночлега. А в запасе целая вечность. И когда узнала, что есть Данталион, законный правитель, скажем, косвенная часть моей семьи, я не смогла не отступить. Решила поставить справедливость восвояси. Чтобы законный наследник занял место того человека, которым я длительное время восторгалась и дорожила. И пусть меня называют грязными словами, а я их все стерплю. Прекрасно знаю, что сейчас ходя улицами слышу в свой след слова: «Дух Распяття пошла». Меня это не дразнит. Много лет назад меня называли подобно этому, Темная леди. Я и дух, и привидение, и Темная леди, и ведьма, и монстр. Я дитя бранометра и больше никто. Я сдалась всем грезам, чтобы хоть кто-то назвал меня красиво. Мягко. Ласково. А до сих пор я просто женское подобие монстра. Когда же мне придет время умереть? Радовало, что Дайлон объяснился со своей версией перед Виоли, что я ни какая не дух, а просто похожая на нее девушка. И якобы, мы сговорились, что я притворюсь ею. Она поверила. И придерживалась ко мне тех самых дружеских отношений. Только иногда прибавляла толчки локтем в бок с подговоркой: «Хорошая ты актриса, а?». А как же. Играю свою же роль. Себя же до неоценимости любимую.

Со всего королевства не реставрировалось лишь одно место — замок Распяття. Он был и местом траура. И местом памяти. И местом, куда больше всего нужно было вложить денег, а их не было, ни серебряника. Все строилось с подручного материала.

Не думала, что попав в рутину лидерства, Дайлон сможет заглотнуть и вечно поглощающее «Эго».

— Не верится в свои возможности, — зайдя ко мне на следующий день, как всегда без стука в двери и предупреждения о приходе, заявил Дайлон.

Даже не смотря в мою сторону, только успел закрыть со всей силы дверь, как не прекращая, принялся расхаживать без остановок по комнате. Туда-сюда, туда-сюда.

Я сидела у стола на стуле у окна, почитывая принесенную специально для меня

хозяйкой свежую газету «Жизнь крыла», как и поступала ежедневно. Таким образом, я могла следить за свежими местными новостями, не покидая гостиницы, даже приделов своей комнаты. Я радовалась, что пропутешествовав по многих местностях Гелиуса, снова вернулась в Данталион, и снова остановилась в той самой гостинице. Жаль, только что в другой комнате. Я к ней очень привыкла. Ее интерьеру, жесткости кровати с деревянным изголовьем, мягкости перьевой подушки и воздушности ватного одеяла. И хотя, сейчас в номере все походило на прежнее, но, чувствовалось, что к нему «не прилегает тело».

Наблюдая спокойно за этой бегающей суетой, прикрыла газету, положила на колени, и спросила:

— И что же мучает вас, сударь?

Дайлон резко остановился. На лице нарисовались еще более радостные, счастливые эмоции. Рука медленно потянулась к жилетке, а затем, резким рывком, из-за пазухи достал пару листов отчета, приготовленных для меня. Сунул мне в руки.

— Я не ожидал, что сумею сам добиться всех этих результатов! — выхваляя себя, занеся руки в боки, выгнув спину и закатив глаза вверх.

Слушая Дайлона, я не отрываясь читала с восторгом. Наши дела действительно шли великолепно. И я бы радовалась не хлеще Дайлона, если бы, меня не зацепил его эгоизм. Он, не прекращая себя выхвалял, и четко подчеркивал «Я».

— Ты говоришь так, словно сделал все сам, — давая намек на мое участие в его становление, как лидера, среди жителей Гелиуса, не отрывая взгляд от отчета, прекратила чтение.

— Конечно, ты мне помогала, — опустил одну руку и посмотрел на меня, — Но, согласись, большего достиг я сам. Ты мне лишь давала советы, а я их осуществлял, строил планы, вел дела с людьми.

Я разозлилась. На лбу появились глубокие морщины. Я почувствовала предательство от человека, которому уже отдала часть своей души. Он был моим четвертым другом, после Квенсента, Микиэля, и Айрона. Замыкающим в квартете. Я полагала на него большие надежды. Думала, что мы, как начали, так и доведем дело вдвоем до конца. Но, ошибалась. Он оказался глупцом. Одним из тех, кого однажды затягивает слава, и он становится заложником «звездной» болезни. И в результате, получила от него самое страшное, что может получить друг от другого друга, нож в спину, проткнув одновременно и сердце.

Стараясь сдерживать эмоции в равновесие, поднялась со стула. Выпрямилась. Подошла к Дайлону. И неожиданно, запустила ему в лицо листы бумаги.

Уже не сдерживая эмоций, высказалась, смотря прямо в синие глаза противника:

— Хорошо, если ты так говоришь. С этого момента ты ни услышишь, ни единого моего слова, ни увидишь моего облика. Отныне мы с тобой не союзники и не друзья. Отныне — враги и незнакомцы.

Я говорила четко, внятно, спокойно. И хватило ровно столько слов, пока листы бумаги не упадут на пол. Затем, обошла Дайлона и вышла с комнаты.

Не уяснив с первого момента, что произошло, что происходит, стоя в оцепенение с округленными глазами, заморгал. Закрутил головой, обернулся назад. Но я уже исчезла. Я не хотела, чтобы он больше когда-либо в моей жизни меня видел, а я — видела его.

Дайлон вспомнил мои слова. Опустил голову. Усмирив в себе желание побежать вслед за мной. Догнать. Остановить меня. Но, вместо этого, грубо себе под нос пробурчал:

— Если убежала, пусть себе и бежит. Кроме меня у нее из знакомых нет. Нагуляется —

вернется.

Прошло четыре дня, но я так и не вернулась. Все эти дни Дайлон занимался своими «профессиональными делами», и каждый раз вспоминая обо мне, злобно думал: «Нагуляется — вернется».

А с наступлением ночи решил: «Все! С меня хватит! Уже прошло больше трех суток. А от нее ни слуха, ни духа. А вдруг, с ней что-то случилось? Не как ее не пойму? У нее в голове постоянно какие-то альтернативные методы безопасности». И принялся за мои поиски.

Прошло еще двое суток. Но поиски не дали ни каких положительных результатов. Даже Виоли забеспокоилась за меня. Хотя, в ее случае, должна была радоваться. Несмотря что мы с ней стали подругами, она по-прежнему еще видела во мне свою соперницу за сердце Дайлона. И на удивление, моя пропажа стала прекрасным отведенным для него временем, чтобы он хорошенько сумел подумать, что же я значу для него, как ему во многом помогала, как была не лишь прекрасной советницей, но и хорошим другом, какие у меня были положительные черты в характере, какие чаще всего выражала эмоции, сколько у меня было улыбок. Даже попробовал сравнить, какая я более красива, в обличие куклы или живого человека.

Осталось единственное место, куда Дайлон еще не успел заехать на Конни — Замок Распяття.

— Точно! — вскрикнул он, легонько ударив себя по виску подушечками пальцев.

Проехав каменные ворота-круг, подъехал к замку и спрыгнул ловко с лошади, снял с рук белые перчатки и засунул их в карманы штанов, каждую отдельно. Привязал Конни к колонне и отправился во внутрь замка. Прошелся по завалинам, стараясь соблюдать тишину. Смотрел под ноги. На этот раз вел себя более аккуратно, нежели прежний, придя сюда за мной. Он думал, что если я здесь прячусь, то чтобы не спугнул, и я не убежала или не спряталась.

Изучив множество помещений, добрел до библиотеки.

Огромная зала, заполненная сотнями книжных шкафов и книг. Прежде, здесь обитала атмосфера уюта, чистоты, бережности, особой любви к книгам, которую можно почувствовать, лишь посещая библиотеки. Здесь были тысячи антиквариатных и рукописных книг, книг передаваемых по наследству. Здесь был огромный деревянный стол (на котором мне однажды удостоилось уснуть), стулья, напольные мраморные плитки коричневого цвета. Огромные окна, освещающие все пространство библиотеки. Мне в былом очень нравилась эта библиотека. А особенно пропадать в ней вместе с Квенсентом. Выбирать книги для последующего прочтения, посвящая этому нескольких часов, лазить по шкафам, стоя на лестнице на колесиках или посылать на самые верхние этажи Квенсента, аккуратно придерживая лестницу, чтобы он не уехал и не упал. Библиотека была не только широка, а и высока. И если ровнять с многоэтажным домом, то, примерно приравнивалась к четырем этажам, если не больше. Но, сейчас вся эта прелестная красота была разрушена. Окна больше не показывали света. Лишь искаженные сквозь осколки стекла лунные лучи. Книжные шкафы оказались завалены, поломаны. Книги больше не стояли на своих законных местах, а хаосом разорваны, разбросаны вокруг, сброшены в огромную кучу (книги со всех верхних и нижних шкафов упав хором, сотворились в кучеобразную гору).

Дайлон переступил через порог библиотеки и мгновенно почувствовал что-то неладное. Посмотрел себе под ногу — раскрытую книгу, перевернутую переплетом вверх (напоминая кожицу банана), лежащую у самого порога. Он вовремя остановился, чтобы не наступить на нее. Перешагнул. Оглядываясь вокруг, достал с чехла пистолет. Приготовился. Его

внутреннее яство подсказывало, что здесь есть что-то опасное, подобное дикому зверю-мутанту, и оно должно появиться обязательно перед ним, выпрыгнуть неожиданно из-за угла. Но, вместо хищных лап, шагающих ему навстречу, дерзкого «Рррр», с огромным ртом, полного с клыков, услышал еле слышное перелистывание страниц. Это насторожило Дайлона. Этот звук был почти не слышим, но у него был прекрасный слух, и для него его звучание прозвучало хлеще всякого крика над ухом.

Приподнял пистолет до груди. Покрутил головой. Стараясь соблюдать более максимальную тишину, не выдавая шагов (и оттого идя на носочках), переступая разбросанные книги, подошел к куче книг, к самому темному месту во всей библиотеке. И снова услышал звук перелистывания книжного листа под чей-то рукой. Остановился. Поднял глаза вверх. Напряг. На вершине книжной горы кто-то сидел. Какой-то темный неопознанный силуэт, и как по догадке понятно, почитывающий книгу.

Силуэт снова перевернул лист книги, но книга была настолько стара и повреждена, что листы в ней держались слабо. И лист, вместо того, чтобы перевернуться, попросту вырвался с книги. Это было настолько неожиданно для силуэта, что пальцы, держащие лист, отпустили его, и он полетел вниз с горы, напоминая легонькое перышко, приземлившись у самой ноги Дайлона. Силуэт округлил глаза от удивления, потому, что не знал, что тот книжный листик окажет цепную реакцию для последующих, повредив тем самым прошивку книги. Неожиданно, сквозь разбитое окно в библиотеку залетел прохладный ночной осенний ветер, и подул на книгу, подхватив листы. Они полетели вниз листопадом, подобно листьям с деревьев, танцуя легко и в порыве, ложась на пол практически безшумно, с легким своеобразным бумажным шелестом.

Силуэт смотрел на листы, Дайлон — смотрел на силуэт, и здесь засеяли ниточки лучей луны, и Дайлон сумел распознать в силуэте меня.

— Немфея! — сказал радостно он, не прекращая смотреть на меня, а пистолет инстинктивно лежа в чехол.

Я опустила безразлично глаза. Отложила в сторону оставшийся от книги переплет, и взялась за следующую книгу. Принялась за чтение. Я пообещала сама себе, что не буду больше разговаривать с Дайлоном, и не намеривалась его нарушать.

— Я тебя уже обыскался. Почему ты не вернулась в гостиницу? — спросил в крике он.

Я, разумеется, промолчала.

— Ты хоть представляешь, сколько мне стоило тебя найти? Вся Конни уже на исходе.

«Снова ты за «Я», — подумала я про себя, — «Время тебя ни как не вылечило».

— Виоли с ума сходит. Постоянно расспрашивает: «Где, где? Куда Немфея подделась?» И что мне ей отвечать?

«О, хоть о Виоли вспомнил. Похвально».

— У меня, кроме как махать молотком, лучше ничего пару дней уже не получается. Что-то совсем ничего в голову не приходит, чего бы нового людям сказать, — пожаловался.

«Первые трудности, да?» — радостно.

— Хватит мудрить над своими книгами. Спускайся, и поехали обратно.

Я промолчала. За меня ответил шелест перевернутого книжного листа, намекая, что не собираюсь ни куда ехать.

— Вот как?! Хорошо.

«Удивительно! Он понял, о чем я думала».

— Тогда, я помогу, тебе вернуться домой. Быстро спускайся! — топнул ногой и ткнул

пальцем около ноги.

Я не отреагировала.

— Тогда я сниму тебя.

Дайлон закатил рукава рубашки до локтя. И принялся лезть ко мне на вершину горы. Я не хотела его к себе подпускать. Даже видеть вблизи его лица. Пришлось использовать подручные средства. Книги. Бросалась ими в Дайлона. Кричала в страхе:

— Не подходи! Убирайся прочь!

Я дрожала. Было страшно. Сердцебиение зашкаливало. Видя лезущего ко мне Дайлона казалось, что сунет что-то страшное, прототип «Тараканища» К. Чуковского.

Запускающие книги не помогали. То ли они пролетали мимо, то ли не зацепляли Дайлона, то ли, он от них ловко уклонялся, то ли, они были ему совсем безразличны. Гора становилась не устойчива и хрупка. Книги рассовывались, высовывались, выскакивали с рук Дайлона, не давали устойчивости ногам. Но он, не сдавался. Дайлон не привык сдаваться. Он был уже закален на трудности. И новая, необузданная, для него была — хорошим адреналином, тренировкой для последующих подобных.

И вот, он был уже возле меня почти рядом. На вершине. Я отползла назад. А Дайлон решил ответить мне той же монетой — запустил в меня книгу. Этот удар пришелся в грудь и очень сильно (вот что значит, удар настоящего мужчины), на что меня покосило назад. Потеряла равновесие и полетела с горы. И тот, кто меня чуть ли не убил, тот и спас. Прыгнул с горы. Но, от сильной резкости, гора принялась рушиться. Далон, ловко выгнувшись, занял более безопасное положение тела: руки чуть в стороны, а ноги вместе, одна слегка согнута в колене, чтобы быстрее лететь, что дало возможность в легкости догнать падающую меня. Прислонился к рушащейся горе. Развел ноги по шире, притормаживая. Уловил меня и прижал к себе. И на спине съехал с горы, как дети на санях зимой, не обращая внимания на обвал под нами книг, которые готовы были нас поглотить живьем.

Оказавшись в безопасности, на полу, спустившись в сидящее положение, я вырвалась с хватки рук Дайлона. Поднялась на ноги. Постаралась как можно скорее добраться к выходу... Если бы не Дайлон... Схватил за руку. Дернул назад. Преградил собой путь.

— Что же, у тебя есть единственный вариант: пойдем со мной, — протянул ко мне руку, сказал он.

— Нет! — отступила шаг назад, твердо сказала я.

— Почему? Что случилось между нами не так, объясни?

— Ты не понял сам? — удивилась, расслабила плечи, якобы добавляя мысль: «До тебя доходит, как до жирафа».

— Что?

— Знаешь...пока ты сам этого не поймешь, увы, я обратно не вернусь. Это будет глупо.

— Да ты мне уже надоела! — психанул, — Уходишь — не уходишь. Надоела!

— А я и не возвращалась. Ты сам пришел за мной, — спокойно подметила я.

— Ладно, — сказал Дайлон, после того, как тяжело выдохнул через нос, и опустил на одно колено, — Я знаю в чем виноват...Уважаемая Немфея Роузт, разрешите...

— Не разрешаю, — перебила.

— Да слушай, а?! — недовольно, — Км....Уважаемая Немфея Роузт, разрешите вынести на обсуждение мое извинение перед вами: я извиняюсь, что обидел вашу гордость, что задел ваши чувства своими не моральными высказываниями и не эстетичным поведением. Я заметил за собой, что в последнее время стал более эгоистичен, злораден. Забыл, что если

бы не вы, то я бы никогда не узнал об истоках своего происхождения, и кто я есть на самом деле. Я должен был вас благодарить, а вместо этого — обидел. Извините, — посмотрел на меня ангельскими глазами.

Мне понадобилось пару минут, чтобы обдумать свое решение. А до этого времени, держала Дайлона на колене, чтобы смотрел на меня, словно слуга на хозяйку, снизу-вверх. Занесла руки в замке на груди и грозно посматривала на него, побивая указательным пальцем по локтю, нагоняя страха. После сказала:

— Подымись.

Дайлон улыбаясь, поднялся на ноги. И здесь, я его ударила по щеке. Дайлон округлил глаза и подумал: «Что это было?». Мой удар ему напомнил ветер, настолько он был резкий и быстрый.

— Да. А теперь мы, пожалуй, в расплате. Больше никогда не смей меня обижать.

Обошла гордо его. Повернула голову.

— Чего застыл? Ну же, идем.

Мы пошли к выходу. Подойдя к привязанной Конни, сказала:

— Отправляйся вперед. Я доберусь сама. Пешком. Не желаю ехать ни верхом, ни с тобой.

Дайлон проявил характер.

— Еще чего? Чтобы снова сбежала? Не хочешь со мной ехать, ну и не надо. Иди пешком, а я буду следовать за тобой.

Несмотря, что это меня очень расстроило, но другого варианта для решения задачи, чтобы заткнуть рот Дайлону и не видеть его лица спереди, я не видела.

Шла небыстрым шагом. Дайлон следовал на лошади за мной, на что копыта звонко отбивали «тук» и «цок» по каменным дорожкам и ступенькам города Данталион. Я настрого приказала Дайлону закрыть рот и всю дорогу молчать, и жаль, что не могла того же приказать копытам Конни, которая, впрочем, была очень послушная лошадь, и как свой хозяин, ни разу не заиржала, ни оскалила зубы. Шла за мной спокойно, иногда покачивала и крутила головой, старалась взять поудобнее в рот упряжку. Ведь, согласитесь, не каждому понравилось бы днями носить во рту непрокусную плотную трубочку, мешающую даже спокойно сглотнуть слюну. Вот и Конни была точно в таком же положение, не смотря на огромную любовь к Дайлону.

По возвращению в гостиницу, пока Дайлон отводил Конни в конюшню, я отправилась к себе в номер. В холле не поздоровалась с хозяйкой, ни с несколькими жильцами. Не ни было желания, ни настроения.

Подошла спокойно к столику с кувшином с водой. Схватила его и со всей силы, ярости, запустила в дверь. К не счастью, он туда не долетел. Упал на пол. Разбился вдребезги. Разлил воду.

— Проклятье! — сквозь зубы прошипела недовольно я.

Меня переполняли негативные эмоции. Хотелось их куда-нибудь выплеснуть. И казалось, что если бы попала в ту проклятую деревянную дверь, то мгновенно на душе стало во множество раз легче.

Я не хотела, чтобы меня нашел Дайлон. Почему он меня нашел? Я лишь почувствовала своеобразную свободу. Что я не буду ни от кого зависеть, и от меня никто. Пока меня Дайлон не нашел, находясь в библиотеке, я не лишь почитывала книги. У меня было время и на то, чтобы осмыслить, кем для меня является Дайлон. И в одном из раздумий поняла, что

уже выполнила свою миссию. Отдала Дайлону все, что только могла. Достигнутую науку и опыт прежних его предков, за которыми я наблюдала не год. Дала множество собственных советов. Открыла ему глаза на то, кто он. Я проложила ему изумрудный путь, по которому в дальнейшем должен был следовать уже сам. И не было там слова «два», как я думала раньше. А лишь один. И с самого начала. А я лишь его тень. Не зря, Темная леди. Неприметная, темная, прячущаяся в стороне. Маленькая темная муза, которая исчезает, лишь творец достигает вершины своего искусства. И вот я уже была в шаге от крыльев свободы, как мне снова пришлось надеть на шею ошейник. Я готова была прожить свою жизнь уже сама. Окрасить ее в красках выбора. Куда пойти. Где посидеть. Где поспать. С кем поговорить. А не тащить за собой два груза — Дайлона и Виоли. Они душили, тяготили, сдерживали мои «крылья» свободы.

И здесь, одна из тягостей, ворвалась в мою комнату. Виоли. Шумя, не стуча в двери, залетела ураганом. И в прыжке повесилась на шею. Ее лицо переполняли эмоции радости, вплоть до раздирающих слез.

— Немфея! — завопила она, — Ты вернулась! Вернулась!

— Да, — спокойно сказала я, несколько раз легонько похлопав по спине.

— Где же ты была? Я уже думала, тебя съел чупакабра.

— Чуба-что? — недослышала, отклонила голову назад.

— Чупакабра. Похожее на мутантного динго, зверь, выпивающее кровь со своих жертв, словно вампир.

— Ну, ты меня и пожалела, — скривилась, что отдала под суд такому монстру. Вот, значит, такова ее беспощадная милость. Месть за дружбу с Дайлоном.

— Ты вернулась, и это самое главное, — подпернула носом и мгновенно успокоилась, — С тобой все хорошо? Целехонька? — осматривая с разных сторон, поднимая мне руки.

— Естественно. Просто пошла прогуляться. Встретила знакомых. Вот и решила у них задержаться на несколько деньков. Давненько с ними не виделась. О многом захотелось поговорить. Сама понимаешь... Да и они настойчиво упрашивали у них погостить.

— Дааа. Понимаю, — махнула со всего размаха рукой, — Точно. Как мои родители. Если увидят кого-то из знакомых, просят и за стол, и остаться на ночлег. Каждому рады.

Виоли даже не прислушалась внимательно, не разгадав, что моими вымышленными знакомыми, я сделала персонажи действительно прототипы членов ее семьи. На тот момент, быстро придумать у меня ничего другого не получилось.

— А что это? — повернула голову назад, поинтересовалась Виоли, намекая на разбитый кувшин и лужу воды, которые она перепрыгнула, словно лань, влетев в комнату, при этом, даже не заметила.

— Да так, — наклонила голову на бок, и, посмотрела на позор своего гнева, — Случайно разбила. Несла хозяйке, попросить заменить воду на более свежую, но не удержала в руках и уронила.

— Что же ты молчала?! — вскрикнула от шока, — Нужно быстро прибрать. Я схожу к хозяйке. Пусть сейчас сюда придет уборщица. Или ты собралась сама это все собирать, затирать? — недовольно.

Я пожала плечами, не поведя взглядом.

Виоли выбежала с комнаты и я, наконец-то, расслабилась. Шум в ушах затих.

Не успела полноценно сделать несколько глубоких глотков воздуха через рот, как в

комнату ворвался Дайлон.

Я не могла ни понять, ни раскусить, этих двоих. Почему врываются без спроса? Неужели хотят застать меня врасплох, увидеть, что же я могу делать такое постыдное? Или еще больше поиграть на нервных струнах? Или это у них общее, отсутствие элементарного этикета и правила поведения с другими людьми? Ужас? Мне, кажется, так не положено себя вести даже с членами своей семьи, в своем доме, без спроса заходить в чужие комнаты.

Перешагнув порог комнаты, Дайлон вступил в лужу с разлитой воды. Я довольно улыбнулась. «Ну, хоть не зря разбила» — подумала довольно. Опустила голову, чтобы он не увидел улыбку, и быстро повернулась спиной, чтобы точно не раскусил, не увидел, как прикрыв ладоней рот, начинаю смеяться.

Сойдя с лужи и обойдя осколки, Дайлон подошел ко мне, обратился:

— Ты убежала.

— Изволь, — повернулась к нему лицом, прекратив резко смеяться, смотря на него с холодным взглядом, слова озвучивая серьезным голосом, — Не убежала, а отправилась в свою комнату. И почему я должна перед тобой отчитываться?

В комнату вошла уборщица. Сделала легкий уклон, и принялась за уборку. Осторожно руками в деревянное ведро собрала осколки кувшина, мелкие замела веником в совок, и выбросила туда же в ведро, воду затерла с пола тряпкой. Еще раз склонилась, и удалилась. Наблюдая за ней, мы с Дайлоном молчали.

И только когда дверь закрылась за уборщицей, мы продолжили перебитый разговор:

— Оставь меня. Я хочу остаться одна. Отдохнуть, — сказала я, твердо смотря ему в глаза.

— Постой, — попытался остановить Дайлон, думая, что я его вытолкну за двери, — Я еще не успел договорить.

— Еще нет? А мне показалось, что да. Что же ты хотел сказать? — отвернула голову.

Я согласилась не хотя выслушать его, но видеть не желала.

— Я подумал, — мямля.

— И надумывал именно что? — грубо перебила, сложила на груди руки.

— Км...В общем, я хотел сказать, что давай снова мирится? Мы столько всего вместе прошли. И стали больше, нежели просто друзья. А как семья. Ты говорила, что для всех моих предков, прежних Данталионов — королей Гелиуса, была советницей. Стань и моей.

— Я пыталась это сделать. И что получилось?...Видишь сам.

— Знаю. Но, дай мне шанс еще один. Ты сама говорила своему Айрону, что я еще молод и всего буду добиваться методом попыток и ошибок. Разве это не так и это не тот случай? Я хочу все исправить. И хочу, чтобы ты отныне была всегда рядом, как моя официальная советница. Ты согласна?

Как мне показалось, Дайлон слишком разговорился, но все же, дошел до главного, и спросил, хотела бы снова получить должность, какую занимала при замке — официальная советница короля.

Первую минуту я просто молчала, застыв на месте, с легким недопониманием на лице: «Не послышалось ли?».

— Хорошо, — в конце концов, вымолвила я, — Лишь с условием: отвези меня в замок.

— Хочешь снова в библиотеку? Или убежать?

— Нет. Никуда не убегу. Я тебе дала свое согласие. Значит, а буду твоей советницей. Мне просто нужно заглянуть в одно место в замке. Это на пару часов. Не больше.

Дайлон согласился. Незамедлительно отвез на Конни в замок.

Переехав каменный круг замка, я попросила Дайлона остановиться, и ждать здесь. Сама прошла пешком до территории замка, зашла вовнутрь. Добрела до холла. Остановилась. Расслабила спину. Плечи задрожали. Голова обвисла вниз, запрокинулась вверх. И я выплеснула, наконец-то, все из себя. Слезы вырвались потоками с глаз. Открыла рот, закричала.

Я специально оставила Дайлона вне замка, чтобы он не услышал меня. Не подумал, что со мной случилось что-то дурное, и прибежал ко мне.

Ноги подкосились, и я упала на колени, облокотившись на руки. Разрыдалась еще сильнее. Мне требовалось место, где я бы смогла выплакаться, не сдерживаться, открыться, какая есть на самом деле.

На душе было плохо, больно. Словно все внутри разрывалось на части. Эти чувства невозможно было передать словами. А лишь только криками.

Подняла голову, глаза, и захлебываясь в слезах, выкрикнула:

— Господи, я же просто хотела жить!..Почему ты приносишь мне столько терзаний и боли? Цепи, боль, кровь, ненависть, зло. Целая вечность для их повторения. И я должна жить-жить-жить, и это все терпеть. Приклоняться, словно тень, перед каждым Данталионом. Стоять у его тени. Левого плеча. Не иметь собственной свободы, а лишь клетку-руку Данталиона, и куда она меня поведет. И вот снова, я птица в клетке. Неужели, я была рождена лишь для этого? А ведь я просто хотела мирно и счастливо жить. Испытать сотни радостей, как и множество девушек во всем мире, которого почему-то лишена я. Господи, ты издеваешься надо мной? Неужели, я провинилась чем-то перед тобой? Или у меня дурная карма? Или слишком черная аура? Так прости, помилуй! Что же ты со мной делаешь, Господи?!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Выплакавшись до самого не хочу, и немного успокоившись, отправилась обратно к Дайлону. Низко отпустила голову, чтобы он не сумел рассмотреть мое красное и опухшее от слез лицо. Накинула на голову капюшон плаща. Мне прямо-таки хотелось не только замаскироваться до неузнаваемости, а и попросту исчезнуть.

Подошла к Дайлону, не подымая головы. Не смотрела на него.

Он у меня спросил:

— Ну как? Разобралась со своим?

Я помолчала долю минуты и ответила:

— Да.

— Ты как-то странно себя ведешь, — не смотря на старания замаскироваться, подметил.

— Тебе показалось, — опустила еще ниже голову.

Дайлон присмотрелся. Ему так не показалось. Но он не настаивал в допросе.

— Я устала. Давай отправляться в гостиницу, — предложила я, посмотрев на Конни.

— Да и мне бы не помешал отдых, — положил руку на шею и сделал себе легкий расслабляющий массаж.

Я ехала впереди Дайлона, по-прежнему стараясь прятать от него лицо. Когда мчали под порывами ветра, старалась с новой силой сдерживать снова набегающие на глаза слезы, грусть, сумрак сердца. А лишь ноги ступили на землю, повернулась к Дайлону. Сняла с головы капюшон. Заставила себя насильно и наигранно улыбнуться, посмотреть в глаза

Дайлону.

— Благодарствую, — легонько склонила голову.

Дайлон удивился. От меня такого не ожидал.

Теперь, как его советница, я к нему должна была быть ласкова и благочестива.

— Д-д-да не за что, — ответил он запнувшись.

— Ну, тогда я пошла к себе. Или ты хотел у меня о чем-то еще спросить?

— Нет, — покрутил головой.

Я кивнула головой, молчаливо прощаясь, и отправилась в свою комнату. Господи, я пережила еще один свой мучительно-грешный день.

... Я расскажу продолжение полуночной сказки тебе следующей ночи...

Ночь 4

РЕВОЛЮЦИЯ

Я не думала, что так скоро придет беда, которую старались всячески обойти стороной и отогнать как можно подальше. Война. Вызов. Мы его, конечно, не хотели принимать, но, врагом оказалось Барбурское королевство. Сам Фредерик XVI. Он нашел причину, нас, меня и Дайлона, чтобы снова напасть на страну. Или причиной выбрал страну, чтобы добраться до нас. Я толком не разгадала, где из них подлинная. Оставалось реальным лишь одно — врагом оказался тот самый человек, что и семьдесят лет назад уничтожил эту страну. Мою страну Гелиас. Растоптал вражескими сапогами и копытами землю. Погубил мое золотое прошлое, а сейчас стремится разбить хрусталь светлого будущего, в котором еще пока не распустился бутон цветка с дерева райского вечноцветущего вишневого сада.

Военные отряды Фредерика XVI, подобно ходящим посланникам смерти, бродили землями Гелиуса, и снова уничтожали все на своем ходу. Поджигали, рушили, ничего не жалели, грабили, убивали, кому-то из жителей удавалось выжить и они с большим трудом добирались к приходили к нам, тяжело раненные, искалеченные.

Дошло даже до того, что люди принялись во всем винить меня, вместо того, чтобы высказать благодарность за помощь. Они думали, что я неблагочестива. Все врала о помощи. Другие думали, что я повернулась к ним спиной, за что-то на них разозлившись. Третьи... Теперь меня все шарахались и обходили стороной. Шла по улицам, словно прокаженная.

А четвертые, или двадцать четвертые, подумали, что единственный способ успокоить ад войны — избавиться от меня. Но, на такой поступок никто не решался. Во всех дрожали руки. Тогда, кто-то из жителей предложил принести меня в жертву Ангелу, от незнания что делать, покинувшему их страну. Чтобы он спустился к ним и успокоил, разрешил мятежную проблему. Восставшие против войны, меня, его послушались. Согласились принести меня в жертву. Собрались в договоренное время ночью на улице, и когда я проходила мимо, со спины, на меня накинулось двое мужчин. Оглушили камнем по голове. Надели на голову мешок. Подхватили на плечо и унесли в сторону замка.

Очнулась со страшной болью в области головы. В разрушенном грязном помещении.

Присмотрелась по обстановке и узнала одну из комнат замка. Значит, я пребывала в замке Распятые. Руки, ноги, были крепко стянуты шнуром, врезавшимся напрочно в плоть. Лежала на уцелевшей деревянной кровати без. Почему-то, мне не было страшно. Видимо, потому, что находилась в родных стенах. Пусть и не в своей комнате. И это спокойствие продолжалось до тех моментов, пока я оставалась одна.

Шагая по разбросанному под ногами мусору, ко мне подошли, скорее даже подплыли, десять человек одетых в длинные темно-красные балахоны, а на лица — белые маски, чтобы не узнала, кто это из жителей. Один из них, в руках, в корзине, держал целый набор для пыток: ножи, веревки, спицы, иглы, зубцы, цепи. Я сразу догадалась, для чего это. И поэтому, молчала. Сцепила зубы и приготовилась встречать принесенную в этой корзине, этими людьми, всю адскую боль.

— Дух, не обижайся на нас, — сказал один из них, мужской голос.

— Это твоя судьба встретить Ангела, и позвать его к нам. Ты станешь жертвой для его призвания, — сказал второй мужской голос.

— Твоя кровь, — сказал женский голос.

— Твоя кровь прольется в доме, где ты, дух Распятые, — сказал четвертый мужской голос.

— Хорошо, — сказала я спокойно, — Можете делать со мной все, что хотите. Только не троньте живот. Я сегодня слишком слаба, — закатила глаза и голову назад, зажала ладони в кулак.

Мои каты обошли меня со всех сторон, разобрали с корзины оружие пыток. И в медленном пике своих желаний принялись калечить мое тело. Одни резали руки и ноги. Другие, втыкали иглы. Третьи разрывали одежду. Четвертые вонзали в грудь спицы. А я терпела. Зажимала губы до крови. Лила немые слезы. Сжимала еще сильнее кулаки до упрёка. И не смотря, что очень хотелось закричать, позвать на помощь, молчала. Была в сознание. И ни понимала, за что, они так обращаются со мной. Ведь я им ничего плохого не сделала. Они меня калечили, не останавливались, а я больше всего беспокоилась, чтобы они не добрались до живота.

Грудь проткнули третьей спицей, стремясь попасть в сердце. Его проколоть, остановить мою жизнь, а затем, вырвать наружу. На этот раз я не сдержалась. С глаз вырвался ливень слез. Спина выгнулась. И со всей силы я закричала: «АААА!!!!»

Дайлон лежал возле Конни в куче сена в конюшне. Заложив руки за голову, а ноги, скрестив, поднял выше над головой, облокотил их на перекладину стенки между лошадьми. Ему с блаженный успехом удалось убежать от Виоли, бегающей за ним несколько дней подряд с целью измерить его объемы тела для пошива нового наряда, который она хотела преподнести ему в подарок, чтобы он его постоянно носил, и как ей казалось, приносил ему вечно удачу. Ему ужасно не нравилось, чтобы какие-то посторонние руки его лапали. Да и к своему наряду он прилично привык.

Дайлон спал, и казалось, ему ничто не помешает. Как, неожиданно, в ушах прозвучало звонкое: «АААА!!!!». Он резко открыл глаза и подскочил. Покрутил головой, подумал, что случилось что-то вблизи, настолько был громкий голос. Ничего. Снова лег вздремнуть. Но, не смог. Прозвучавший в голове голос не давал ему покоя. Подскочил на ноги. Запрыгнул на Конни, и поехал в гостиницу. Постучал в мою комнату. Я не ответила. Вошел. Пусто. Принялся расспрашивать, никто ли не видел меня, куда, когда, выходила ли. Никто ничего не знал. Это его очень насторожило. Ведь крик голоса он узнал. Это был мой голос.

Принялся за поиски, разъезжая по городу. Нигде нет. Никто не знает.

— Да куда же она подевалась?! И, вообще, что я ее ищу? — разозлился Дайлон, и остановил Конни в центре города, — Может она, вообще, отправилась в свой любимый замок. О, точно! Конни, туда, — направил лошадь.

Прошел не час и не два с минуты моей пропажи, и Дайлон искал меня не мало.

— Она здесь, — обрадовался Дайлон, когда подъехал к замку и увидел в его глубинке тусклый огонек света.

Оставив лошадь, вошел в замок. Следуя к свету, направляясь, словно светлячок к луне, на его лице рисовалась улыбка, а в душе мысль: «Ух, ты у меня сейчас и получишь! Почему не предупредила, что уходишь?!».

Да эти все дружеские разборки мгновенно позабылись, когда он увидел картину моего нахождения: я привязанная веревками к кровати, с тела торчат иглы, спицы, ножи. Плоть вся изрезана. С ран сочится кровь. Цвет кожи смертельно-бледный. Я неподвижная. С открытыми глазами. В разорванной одежде. А вокруг меня толпятся незнакомцы в масках и балахонах. Конечно же, на такое, Дайлон зашелся, словно моторчик. Разозлился. Озверел. Неожиданно, возле него появилась полупрозрачная субстанция, дух Айрона, и вошел в него. А когда мне было плохо, Айрона лучше было не трогать. В глазах Дайлона загорелся ярко-красный искрящийся огонь. Волосы приподнялись. Почернели еще больше. Он вынул с чехла пистолет и, не моргая, в один миг, перестрелял всех, кто из врагов стоял смирно, подобно соленым статуям. Кто-то, наотрез, нехотя походить на них, набрасывался на Дайлона с оружием для пыток в руках, поднимая его с пола. Но, он, как танцор, танцуя в танце, легко и просто их побеждал. Ловко прыгал, подобно летал без крыльев. Ловко уклонялся, обходил. Метко целился с вытянутой рукой. Да, это был Дайлон. Но, уже с новой силой.

Когда дело было покончено, дух Айрона покинул тело Дайлона. И, казалось, Дайлон, даже не заметил его присутствия в себе. Он был убежден, что совсем управился лишь сам один.

Положил пистолет в чехол на бедре, подошел к кровати и посмотрел на меня. Неподвижная. Бледная. Вся в крови. Настоящий труп. Но, он не терял надежды, что я еще живая. Резкими рывками вынул с меня оружие. Осторожно развязал. Склонился. Посмотрел в открытые большие, словно два зеркальных озера, глаза. Зрачки не подвижны. Потусклые. Похлопал меня по щеках. Не помогло. Я не пришла в чувства. Склонился над окровавленной грудью. Приложил ухо к сердцу, стремясь расслышать сердцебиение. Ничего не было слышно. Сердце молчало.

— Неужели я опоздал?...Нет. Такого не может быть. Она не может умереть, — засомневался Дайлон, смотря в мои глаза.

Не теряя надежды, принялся делать искусственное дыхание. Толчки ладонями на грудь, прогибая на несколько сантиметров грудную клетку, не боясь запачкать руки в вырывающуюся с груди ручьями кровь, и вдыхание воздуха через рот, в форме поцелуя. Снова ничто не помогло.

— Да что же это такое? Она умерла, Айрон? — закричал Дайлон, со всей силы на весь замок, держа мою руку, стремясь найти помощь на мое спасение или хотя бы получить разъяснение.

«Она потеряла слишком много крови» — прозвучал эхом голос Айрона.

— Кровь потеряла, говоришь? И что же делать? Есть возможность еще ее спасти?...А? Почему молчишь? — крутя головой, стараясь найти Айрона, а не его голос.

«Дай своей крови» — посоветовал голос.

— Как это? Переливание? Но здесь нет приспособления. Да и долго все это будет. А скорее чего-то нет?

«Нужно завести ее сердце» — сказал голос.

За инструкцией духа Айрона, Дайлон выполнил точно все то, что ему сообщалось, как бы ему очень не хотелось того делать, но, успокаивал себя лишь мыслями о том, что он Данталион, и быстро сумеет себя излечить. А для этого нужно было вынуть с ножен меч и разрезать себе грудь. Затем, Дайлон присел на кровать, и приподнял осторожно меня, крепко прижимая, обнял, чтобы наши левые груди, сердца, соединились. И кровь из груди Дайлона, соединилась с черной моей кровью, по маленьких капиллярах и сосудах попала к моему сердцу, тем самым заставив мое сердце работать, а меня — пробудиться. И принялся ждать. Прошла не одна минута, пока Дайлон не почувствовал изменения. Я медленно зашевелила веками. Потом, не открывая глаз, зашевелила носом, словно ищайка, что-то активно нюхая. И совершенно бессознательно укусила Дайлона за шею, прокусив кожу до крови. Дайлон вскрикнул: «Ай!». На крик, я резко открыла глаза, подняла голову, чтобы посмотреть в глаза Дайлону, но, во мне столько было слабости, что веки закрылись, и я отключилась.

Дайлон прислушался и почувствовал своим сердцем мое сердцебиение. Плавное. Нормированное. Вдохнул с облегчением. Аккуратно положил меня на кровать. Вытер ладонью, затем, тыльной стороной ладони кровь на шею. Посмотрел на зубы. Подумал: «Ничего себе прокусила. Проголодалась что ли?». Рывком поднялся с кровати. Заложив руки на талию, медленным шагом подошел к одному из похитителей. Носком сапога толкнул его в бок: «Вот мерзавец! Жаль, что ты легко так умер. Я бы не отказался над тобой и твоей шайкой провести такие же пытки, какие ты устроил Немфее». После еще одного пинка, на этот раз по сильнее, присел и скинул из похитителя балахон. Им он покрыл меня, как одеялом, после чего бережно и плотно в него завернув. Посмотрел и на себя любимого. Теперь его наряд не казался для него больше парадным. Накинул и на себя плащ, скинув с другого врага, который оказался лежащим на полу поближе к нему.

Осторожно взяв меня на руки, со словами: «Сколько же у меня от тебя проблем», Дайлон вышел с замка. Забросил на Конни, как мешок с картошкой, залез сам, и только потом, более бережно взял в обнимку, чтобы вдруг, не свалилась в дороге. Добравшись до гостиницы, стараясь не попадаться никому на глаза, держа на плече, отнес в мою комнату, где я и проспала до следующей ночи. А тем временем, не теряя ни единой лишней минуты, подошел к Виоли и попросил сшить для меня срочно за день новую одежду, обосновываясь тем, что я ее перепачкала в испорченный рыбий жир, и теперь ни стирке, ни ремонту она больше не подлежит. Виоли хотела отправиться ко мне в комнату и измерить мои размеры, но, Дайлон запретил. Сказал:

— Ты швея или кто? Хорошая швея на глаз должна уметь определять все параметры. Ха, эгоистично, положил руки на талию и поднял подбородок, — Зачем мне такая подруга, если она ничего не умеет делать?

На Виоли мгновенно подействовали слова Дайлона:

— Я сошью! Я докажу тебе, что я достойная тебя, — зажала руку в кулак и в изгибе локтя.

Как Виоли и говорила, она выполнила заказ. Уже на следующую ночь, на меня ожидал прекрасный наряд, висящий аккуратно на спинке стула. Я поднялась с постели (одетая,

почему-то в ночную рубашку, хотя, сомневаюсь, что Дайлон приложил руки, чтобы меня переодеть). Приняла не спеша ванную. И как можно поскорее оделась. Это было прекрасное черное платье с пышной юбкой, множеством подъюбников, и облегающим закрытым верхом — длинными рукавами, ниже запястьев, под шею, где был нашит ряд черных роз. Застегивалось на спине на черных мелких пуговичках. А к нему еще шли плотные черные колготки, высокие черные сапожки на небольшом устойчивом каблучку, и прекрасно подходящий аксессуар с моего бывшего наряда — обруч на голову с черными розами. Не знаю, где Виоли удостоилось отыскать нужные для наряда материалы, аксессуары, но, безусловно они мне все очень шли к лицу

Я покрутилась перед зеркалом трюмо и молча улыбнулась. Наряд мне понравился. Но, больше меня радовало не новое платье, а то, что когда двигаюсь, ничто не болит. Лишь иногда побаливает. Отдаются вчерашние последствия похождения в замок с незнакомцами. Когда я была в ванной, то осмотрела тело. И чуть ли не расплакалась. Все оно было разрисовано точками, полосками, вмятинами — шрамами от ран. Я еще удивилась, как сумела выжила. Я совсем ничего не помнила, после того, как мне проткнули несколько раз грудь. Видимо, мой организм попал в состояние защитного шока. Значит, я не помнила, что сделала с Дайлоном. Что его укусила...Извини Дайлон...Извини...

Глубоко вдохнула несколько раз подряд через нос, один раз глубоко выдохнула через рот, приводя себя в психологически-душевное равновесие и порядок. Посмотрела на себя в зеркало, и ловко развернувшись на каблучку, повернулась к двери. Дверь открыла легко, кончиками нескольких пальчиков, позабыв при выходе ее закрыть на замок.

Отправилась в столовую, где обычно встречалась с Дайлоном и Виоли в окружение других обитателей за чашечкой чая, кофе или посытнее — ужина. Их не было. Это меня удивило. Направилась в холл. Они были там. Дайлон сидел в кресле, подняв ноги на пуфик, и с не охотой спорил с прыгающей и бегающей вокруг него с сантиметровой лентой Виоли, уговаривающей его подняться и дать ей измерить его объемы тела. Он отказывался не крича, а протяжным, скучным голосом. И, вообще, не смотрел в ее сторону. Смотреть на стоящий около кресла большой фикус в глиняном горшке было более приятным занятием, нежели на приставучую Виоли. Хозяйка гостиницы отсутствовала в холле, и никто не мог им закрыть рты, заставить хотя бы убавить громкость в голосе.

— Доброй ночи! — сказала я, появившись в холле.

Они вдвоем замолчали (наконец-то), и посмотрели на меня. Дайлон с восхищением, что я столь прекрасна, словно принцесса на балу. Виоли не устояла на месте. Подбежала ко мне. Повесилась на шею, чуть ли не душа. И буквально подпрыгивая на месте, высказалась:

— Великолепно! И только так.

Я понимала ее радость. Ведь она его сама смоделировала, сшила. Да еще в такие кратчайшие сроки. Подобрала подходящие аксессуары.

Я ее отблагодарила:

— Это самое лучшее платье в мире, которое мне достаивалось носить. Интересно, кто его мастер? — сделала из себя глупышку, зная прекрасно ответ.

Виоли тыкнула на себя пальцем.

— А не догадалась ли сама?

— Неужели сама, Виоли?! Молодчинка! — поцеловала ее в щеку.

— Да что ты, не стоит, — покраснела от смущения, прикрыла рукой щеку.

Посмотрела на Дайлона. И почему-то застрял ком слюны в горле. Подошла к нему и

спросила:

— А ты мне ничего не скажешь из комплиментов? Все же, платье шила Виоли.

— Оно тебе идет. Больше чем прежде.

— Правда? — взялась за юбку и покачала ею, — Ну, тогда, ладно.

Мне не давала покоя внешность Дайлона. До шеи застегнула рубашка. На шее накиннутый шарф.

Обеспокоено спросила:

— С тобой все хорошо? Ничего не произошло, пока я спала?

— Нет. Просто оступился случайно, когда помогал жителям.

— Аааа...Понятно, — задумалась и ослабила беспокойство.

Посмотрела наблюдательно в глаза Дайлона и комок слюны застрял снова. Губы пересохли, и я зажала губы внутрь, чтобы увлажнить. Попросила:

— Дайлон, можно тебя на минуту? Мне нужно тебе кое-что сказать.

Дайлон приподнял брови. Кивнул, соглашаясь головой, и последовал за мной. Мы завернули за угол холла, и я открыла первую попавшую дверь, оказавшуюся чей-то пустующей комнатой. Прошла первой. Дайлон за мной. И только дверь успела закрыться, как я рывком притянула Дайлона к стене. Облизнула языком нижнюю губу с голодным взглядом, смотря неотрывно в его глаза, и сказала ему:

— Я хочу тебя.

Дайлон не знал, что сказать, и поэтому молчал. Но, его растерянный и испуганный взгляд, отчетливо хотел мне что-то сказать. И, видимо, поэтому он не желал мне сопротивляться. Стоял смирно и смотрел в мои голодные глаза.

Я не держала его своим телом. Не обнимала. А только приподняла руки до уровня его плечей, держа их на стене, не давая шанса убежать. Сделала шаг ближе. Убрала руку со стены, перенесла к шарфу, плавно потянула вниз. Посмотрела на манящий изгиб на шее. Потянулась губами к шее. С другой стороны положила нежно на руку, чтобы шея полностью оказалась в моей власти, удерживалась в одном положении. Закрывает плавно веки, и... укусила, прокусив зубами кожу. Дайлон сцепил зубы. Дрогнув веками и плавно закрыл. Ему хотелось меня оттолкнуть от себя, ударить, но, при этом было и жалко, потому что, каким бы я перед ним чудовищем сейчас не казалась, я по-прежнему оставалась девушкой. Он чувствовал, как посасывая, пью его кровь, начиная походить на вампира. И это его очень напугало.

Открыв глаза, Дайлон схватил меня за руки, выше локтей, и со всей силы оттолкнул от себя.

Потеряв свой «сладчайший напиток», я резко вышла с гипноза. Прежде каменные, неподвижные глаза, наполнились жизненным блеском:

— Как я здесь оказалась? — крутя головой, ничего не помня, сказала я.

— Ты не помнишь? — удивился Дайлон, — Ты меня сюда затащила. И это ты искусила. Набросилась на меня, как непонятно что, — ткнул в меня пальцем.

— Я?! — в возмущение, указала на себя рукой.

— А кто же еще? Не веришь, посмотри на себя в зеркало. Позади тебя. Крутись-крутись.

Я повернулась и ужаснулась. В своем облике я совсем не походила на ту прекрасную принцессу, которая смотрела из зеркала на меня в моей комнате. Губы, зубы, испачканные в кровь. И взгляд, похож на прежний, но, при этом, совершенно иной.

— Дайлооон, — протянула, — Со мной происходит что-то не так. Что вчера произошло

со мной?

Дайлону пришлось поведать всю правду о вчерашнем, и почему ее так таинственно пропало платье.

Я присела на уголок трюмо, повернувшись к зеркалу лицом. Посматривая на себя скося, напоминая себе в очередной раз, что я действительно монстр в женском обличии, вытерла рукой кровь с губ.

— Вот, значит, почему, во мне проснулась такая тяга к тебе. Первому, кто дал мне свою кровь. Я прямо-таки вампир.

— Прекрати. Ничего подобного, — намотал на шею шарф, пряча следы от укусов.

— А что, скрывать? Интересно, сколько еще продлится стремление поживиться кровью? Думаю, не долго. Все-таки, мой организм самовосстанавливающий, и проблем с такой глупостью, как кровь, не должно быть. Странно, — прикусила кончик большого пальца от размышления, — Если что, можно я, выпью твоей крови? — посмотрела на Дайлона, словно он был не человеком, а пером, которое нужно было в очередной раз обмокнуть в чернило, чтобы им воспользоваться, сделать запись на листе бумаги.

— Дууумаю, да. Если дашь немного времени передохнуть. Как не как, мой организм не столько быстро регенерирует, как твой.

— Не хочу пользоваться кем-то еще другим.

— Не хочу пользоваться кем-то еще другим? — повторил мои слова, зауважав себя.

— Не хочу набрасываться на других в подворотне. Чтобы узнали кто я на самом деле. Тогда они меня точно убьют. Объявят, что я серийный убийца-монстр. Лучше, утолять жажду на одном человеке. Знакомом.

— Понятно, — обиделся, мечтая в моих словах услышать чего-то больше, нежели подтверждение: «Ты, точно, жертва», — Но, сейчас есть кое-что важнее, чем моя кровь.

— И что же? — перенеся взгляд от зеркала на Дайлона.

— Война. Безумие людей. Днем, пока ты спала, я провел собственное расследование. Сгонял в замок. Снял маски с похитителей. Ими оказались жители Гелиуса. До чего они только дошли. Подняли руку на тебя! Подобное продолжаться не может!

Я была спокойна и молчалива, когда узнала, кем оказались мои похитители. Жители, которым я каждый день улыбалась. Помогала в строительстве их же домов собственными руками. Обращалась к ним добрыми словами. Никогда ничего плохого не говорила и не думала. За что? Все в мою сторону. Вместо того чтобы разбираться в самих себе, искать врага с другой страны, они нашли «беду» поближе. Неужели я всю жизнь должна страдать за чужие грехи, просто из-за того, что такой родилась на свет, что ко мне судьба повернулась слегка не той стороной?

— Я еле сдерживался целый день, чтобы не наброситься на прохожих, стоящих, смотрящих, болтающих со мной, и не убить их, думая, что один из них, кто-то, обидел тебя.

— Никто ни в чем не виноват. Это Фредерик. А людьми правит лишь страх, бессилие. И желание выжить.

— Ты намекаешь?

Я молчаливо медленно плавно моргнула веками.

Дайлон не смог такого больше стерпеть. Люди не могли больше терпеть. Издевательства. Насилия. Жестокости. Убийства. По его приказу созвали всех жителей на мирное общее собрание, и за ним вынесли решение — принять вызов...

Наступил час приготовления к войне. Каждый солдат — вольный житель, готовился, как мог. Одевал старые и делал новые доспехи. Запасался оружием.

Дайлон стоял на высшей ветке всего этого, и готовил планы к наступлению, к победе над противником. В одном из зданий на центральной площади, бывшем оперном театре, сделали штаб-квартиру. И в окружение Дайлона собирались люди, которые имели опыт работы в военном деле или могли чем-то помочь. Множество вариантов, попыток. Я помогала в этом деле тоже. Все же, жизнь была моя долгая и кое-чего из военного дела сумела усвоить. А Виоли бегала туда-сюда, словно юла, совершенно не понимая, путаясь в названиях. Больше толку из нее было в роли повара.

В середине военных разборок, Дайлон засомневался. Почувствовал себя неорганизованным, что ему чего-то не хватает. Схватился за сердце, и подумал о дальнейшем.

При возможности выбежать со штаб-квартиры, и остаться незамеченным на пару минут, вылез через окно в коридоре. Ловко запрыгнул на Конни, и помчался верхом на самую высшую гору. Слез с лошади и прокричал во весь голос:

— АЙРОН!..АЙРОН! Я вызываю тебя! Ты мне нужен. Я знаю, что ты всегда возле меня.

Полупрозрачная сущность человеческого силуэта с крыльями проявила себя, спускаясь с неба.

— Ты меня звал? — спросил дух Айрона.

— ДА!..Сейчас начнется война. наших солдат мизерное количество. Тех, рассчитываю, в озеро больше. Нам обязательно нужно выиграть.

— И ты пришел ко мне, моля о помощи? — спокойно, паря над землей.

— ДА! Я желаю, я хочу, с тобой слиться. И мне без разницы, какие потом будут ожидать на меня последствия.

— Ты уверен?

— ДА! Я сейчас не шучу. Я сделаю все, лишь бы спасти свою страну, поднести ей победу.

— Эти слова достойны короля и заслуживают моего уважения. Хорошо...Только, извиняться перед Миледи будешь ты.

Дух Айрона подплыл к Дайлону и вошел в его тело. С тем, Дайлон впитал в себя все воспоминания Айрона, которые принадлежали и Микиэлю. Эпизодичные моменты отбивались в его сознание, и он, видел отрывки, в которых Айрон жил своей жизнью. Правил королевством, как впервые встретился со мной и Квенсентом, как издевался надо мной, как меня убивал, выпевая сладостными глотками с моей шеи кровь до последней капельки, как став уже друзьями, проводили общее время, как я играла и ухаживала за его крыльями, и даже те чувства, на алтаре.

Обессиленный Дайлон рухнул на колени, на траву. Он не мог выбить с головы воспоминания, в которых я обычная девушка, настолько и весело улыбаюсь, как ни разу еще при нем.

Спустя секунду, тело наполнилось приливом сил. Он подскочил на ноги. Запрыгнул на Конни. Его несла не лошадь, а какая-то невидимая сила, заставляющая становиться мужественным, идти сражаться. Строить в голове сотни новых планов. А когда прибыл в штаб-квартиру, вернувшись обратно через окно, чтобы никто не увидел его, мгновенно схватил в руку перо, лист бумаги, и увлек себя чертежом.

Я сразу увидела в нем перемену. Это подтверждал и красный цвет его глаз. Схватила

Дайлона за лацкан жилетки-фрака и вытащила с комнаты в коридор, для объяснения:

— Ты заключил договор? Ты слился с Айроном? — угрожающим голосом, придавила собой Дайлона к стене.

— Нет. Это глупость, — врал.

— Врешь! А что тогда в глазах? Покрасневшая глупость? Слабость в себе нашел? — оттолкнула и отошла.

— Нет. Это был мой выбор, Немфея. Четкий и решительный. Я хотел это сделать.

Я отошла от него еще на пару шагов.

— Хорошо. Я верю тебе и Айрону, который теперь живет в тебе. И пусть хранит и защищает, крепче щита. В бою посмотрим, кто из нас победит.

Мне казалось, что я играю роль служанки. Несмотря что ни ем, приходилось тесно сталкиваться с едой. Вот как сейчас. Несла в руках пакеты полные еды. И это вместо того, чтобы остаться со всеми в штаб-квартире и обсуждать коварные планы победы против Фредерика XVI. Батоны, зелень, овощи. Я была рождена и прожила сотни лет не ради них. Какое коварство. Какое унижение. Стыд и позор тебе, Дайлон. Ну почему, вместо меня, ты оставил рядом с собой, ту ни в чем не смыслящую и вряд ли принявшую участие в военном сражении Виоли? Неужели ты ее настолько любишь и ею дорожишь? Господи, и о чем только думаю? Признаюсь, я злилась. Очень злилась. Да и масло в огонь подливала тяжесть ноши пакетов, свалившаяся на бедные мои женские плечики.

Отойдя подальше от рынка, шла возле домов, с довольным выражением лица представляя, как завалюсь с каким-то ярко-выраженным словом в штаб-квартиру и заставлю всех прийти в шок, почувствовать себя виноватыми. Как вдруг, из промежутка между домов ко мне потянулись длинные чьи-то руки. Схватили, а чтобы не закричала, закрыли рот, и заволокли в подворотню. Я очень испугалась. Сердце ушло в пятки. Негодьяй-похититель резко развернул к себе лицом, схватил за плечи, и сказал:

— Леди Немфея Роузт, это вы?

Я перепуганная качнула головой.

Мне с трудом, под серым балахоном с капюшоном на голове, удалось узнать в этом человеке священника с церкви, в которую заходила вместе с Дайлоном однажды. Сейчас он больше походил на грязного бродягу, нежели на опрятного настоятеля церкви. Его церковность выделяла лишь деталь черного наряда под балахоном.

— Отец? — протянула я, напряг лоб, — Что с вами случилось? Почему вы так выглядите?

— Ко мне дошла святая весть о вашей стране, и о вас, что вы принимаете в ее восстановление активное участие.

— И что с этого? Мне это запрещено?

— Что вы, что вы, я не Бог, что бы вас осуждать. Я прошел сей долгий путь, от своего королевства к вашему, с другой целью.

— Какой? Вы хотите благословить, чтобы данталионцы победили в сражение против барбурцев? Сама я не приверженца боев и воин, но посмотрите сами, к чему все шло. Только к войне, и виноват в этом барбурский король. Почему он хочет добиться власти над нами? Но мы ему не сдадимся? Мы сильный народ, — сильнее прижала пакеты, показывая уверенность.

— Я пришел к вам.

— Ко мне? — расслабилась, — И чем я, извольте, привлекла ваше внимание, — напрягла зрение.

— Вы же та самая Немфея Роузт с тройки?

— И? Допустим.

— И оставшаяся в живых мать сына своего — Данталиона, короля Гелиуса.

— Откуда вы знаете о Данталионах? Вы шпион?

— Ни в коем случае! Мне обо всем рассказали мои настоятели, духовное верховенство патриархата.

— Значит, они все знают?

— Они знали с самого начала зарождения вашей страны. Ведь ангел был дитем Бога, и даже после его схождения на землю с небес, он все равно остался под Божьим покровительством. Наша церковь заботилась о нем.

— Ваши слова сладки, как мед, но почему тогда ангел скитался, почему не находил места себе среди людей? Почему именно тогда вы не позаботились о нем?

— Мы наблюдали и охраняли его на расстоянии.

— Теперь понятно. Тогда все точно было лишь словами, а не деянием. Все творилось на словах.

Я заметила, как перегибаю палку, начинаю оскорблять священника. Но ничего поделать с собой не могла. Я была на стороне падшего ангела.

— Говорите побыстрее, что вы от меня хотите. Вас послала ко мне церковь?

Священник молчаливо кивнул головой. Я была права.

— Говорите уже. Хватит томить.

— Леди Немфея Роузт, — могу подметить, мне понравилось, как он меня теперь называл «леди». Теперь его манера речи совершенно отличалась от своей «королевско-церковной». Он кабы предо мной преклонялся.

— После смерти последнего короля Гелиуса, мы хранили у себя...

— А где это у себя? На небесах что ли? — некрасиво перебила я, тем самым оборвала самый важный момент.

— Столица Карава, королевства Мадании, с самым многочисленным потоком верующих во всем мире. Там собранно множество святынь и находиться много святых мест. Вам всегда будут там рады, потому что вы, преподнесли дитя с небес, — увлекся бодрым рассказом священник, жестикулируя рукой.

— Да-да. Я поняла. У вас хорошая страна, — перебила снова я, — И обязательно ее навещу, когда закончу с делами нашего королевства.

— Тогда разрешите, я продолжу. После смерти короля Гелиуса, в нашем королевстве хранилась некая реликвия вашего королевства, которая досталась от него.

— И что это? — напрягла глаза.

С-под грязного балахона, священник достал деревянный ларец.

— Это книга.

— Книга? — удивилась и подумала, если она там, как сумела туда поместиться. Как опытный читатель я знала, что есть множество форматов книг — как большие, так и совершенно крошечные, которые можно прочесть лишь что под лупой. И все же, привыкла к их стандартному формату, толстому кожаному переплету с пожелтевшим листами, пропитанными от времени пылью. Такими были книги в королевской библиотеке в замке Распятъя.

— Ее передавали с рук в руки королю Гелиусу.

— Странно. Я об этом ничего не знала, — что меня сильно обидело. Я, как самый близкий друг и советница короля, ничего не знала. Об этом не упоминал даже Айрон. — И что в ней? — заинтересовалась. Мое любопытство не смогло обойти эту таинственную книгу стороной.

— Я не имею понятия. Мне было запрещено ее читать, как и всем другим. Говорилось, что она должна быть передана следующему королю Гелиусу или его кровному родственнику. А это вы, леди.

— Значит, вы не знаете что в ней, — напрягая глаза, сделала вывод я.

— Совсем ничего, — помахал головой.

Я задумалась. Про себя, про Дайлона. Что мне делать с этой книгой. Самой прочесть, или передать, как и сулит традиция, новому королю, Дайлону. Да и книгу отдали мне лично, а само духовенство о Дайлоне, как о Данталионе, ничего не знает. И вообще, можно ли этому священнику доверять. Вдруг он может оказаться засланным шпионом Фредерика XVI.

Все же, под напором противоречий, я сухо сказала священнику:

— Хорошо, я ее возьму. И просмотрю. Будьте добры, помогите. Как видите, руки у меня заняты. Засуньте ее в мой пакет.

Священник потянулся ко мне, и положил в один из бумажных пакетов с продуктами деревянный ларец.

И в благодарность моя жестокость отступилась, сменилась на прежнюю ласку и доброту к окружающим.

— Может вы проголодались? У меня пакеты полные еды. А может устали? Я недалеко живу в гостинице.

— Нет. Не надо, — закивал бодро головой священник, скрывая правду. Его голодные усталые глаза смотрели сосредоточенно в пакеты. Темные огромные круги под глазами выдавали недосыпание. А плюс ко всему внешний вид, худоба, подчеркивали в нем измученного путешественника, — Мне нужно спешить.

— Вы уже уходите? — обеспокоилась я.

— Я должен быстрее добраться к Караву и доложить о выполненной миссии.

Я покачала опечаленно головой.

— В таком виде?

— Прощайте, леди Немфея Роузт. Берегите себя.

И он, словно привидение, скрылся в темноте подворотни, размахивая балахоном.

Еще долго смотря в его исчезнувший след, я совершенно не надеялась, что он вернется ко мне, и жалобно приметя на коленях вымаливать еды. Я раздумывала, что же делать дальше. Но поняв, что в голову ничего корыстного так и не идет, ею крутнула пару раз, и пошла себе дальше.

Чтобы добраться до штаб-квартиры, пришлось удлинить себе путь. Как-то неудобно было появиться перед всеми сверкая ларцом. Тогда, пришлось бы рассказывать, выдумывать на ходу, откуда его взяла. И чтобы упростить себе жизнь, заглянула в гостиницу, где и оставила в себя в номере ларец чудо-диво с книгой под подушкой.

В штаб-квартире на меня все косо смотрели, обиделись. Вишь, я им с запозданием еды принесла, и время ужина давно прошло. Но я не стала оправдываться, в чем-то возмущаться. Просто молчала, делая свое дело — доставала с тех же самых пакетов продукты.

Дайлон подошел ко мне. Схватил под руку и спросил над ухом:

— Где ты была?

— Покупала то, зачем вы меня посылали. А если хотели поесть быстрее, то нужно и посылать было кого-то другого. С ногами-моторчиками.

Закончив с делами политического характера, все успешно разошлись по домам. Спешила и я. Дайлон догнал меня. Остановил, дернув за платье.

Я повернулась к нему, посмотрела в его красные глаза. Они были мне неприятны.

— Постой...Ты ведешь себя сегодня не как обычно. Что-то случилось? — спросил у меня Дайлон.

— С чего ты решил? Все, как всегда. Ничего большего или меньшего. Не беспокойся.

Возвращались домой пешком уже вместе. Разговаривали о глупостях. Вспоминали непонятные предложения новоиспеченного капитана Ганспинса. Дайлон предложил мне показать третий и пятый кварталы, как проходит в них строительство. Я нехотя согласилась. И в результате чего, под рассвет настолько устала, что добравшись в свой гостиничный номер, сразу же завалилась в постель и крепко уснула.

Следующая ночь стала роковая и решительная для моего подсознания.

Как всегда пробудившись и приведя себя в порядок, отправилась пешим шагом в штаб-квартиру. Около дверей увидела огромный заколоченный деревянный ящик. Мне стало интересно, что в нем. С виду, какая-то посылка. Может, пока я спала, Дайлон заказал какое-то вооружение. Приложила ухо, легонько постучала по крышке ящика. Ничего не слышно. Глухо. Заинтересовало еще больше.

Вошла вовнутрь здания. Прошла ко всем, и, указывая большим пальцем через плечо, в сторону дверей, обратилась ко всем:

— Доброй ночи! А никто из вас ничего не заказывал? На пороге стоит посылка.

Все обратили на меня внимание. Заинтересовались. Переглянулись между собой, но никто из них ничего не заказывал.

Под руководством Дайлона вышли со штаб-квартиры. Опустили глаза и посмотрели вниз. Действительно ящик. Дайлон дал сигнал:

— Ну что с ним делать? Если он стоит у наших дверей, то он прибыл точно к нам. Спасибо неизвестному отправителю. Берите его.

Ящик оказался слишком тяжелым, и его пришлось тащить по полу. Дотащив в подходящую комнату, с трудом открыли и...увидели...Внутри ящика лежал согнутый священник с закрытыми глазами и завязанными назад руками. Со рта вытекал ручей крови. В спине торчал кинжал с золотой рукояткой, к которой была привязанная свернутая записка. Позади спины Дайлона раздался женский звонкий крик, пролетевший эхом. Это кричала не я. А проникшая в штаб-квартиру подобием серой мышки Виоли, принеся в корзинке для всех еду.

Дайлон кинул взглядом одному из подчиненных сигнал, и он быстро закрыл глаза Виоли, схватил ее, и вывел с комнаты. Я сама удивилась, что осталась при всей картине ужаса спокойной. Хотя мои нити эмоций сумели напрячься до максимума. Глаза округлились. Представить только, с этим человеком я общалась вчера. А если это взаимосвязано, и его убили из-за книги? А если из-за меня? Кто убийца? «Ну же Дайлон, прочти записку», — затрепетали глаза, когда он потянулся к рукоятке кинжала и отвязал записку. Медленным аккуратным жестом он развернул и прочел: «Это будет с каждым, кто пойдет против нас».

Дайлон косо посмотрел на меня, и спросил:

— Как ты думаешь, кто с ним смог такое сделать?

Я пожала плечами.

— Не имею понятия. Может, Фредерик?

А руки так и задрожали, задрожали. Чтобы хоть как-то попытаться остановить их дрожь, зажала ладони в кулаки, сложила руки на груди в замке. Если посчитать лично моих врагов, то их было у меня немерено, каждый второй-третий пытался поточить об меня свой нож. Поэтому, я совершенно не могла вычислить. Но, когда вспомнила разговор со священником, задумалась. Он что-то упоминал об духовенстве королевства Мадании. Возможно, чтобы передать мне книгу, священнику пришлось их предать. Все возможно. Я не знаю. Но после увиденного поняла, оттягивать больше времени нельзя, нужно срочно прочесть книгу.

— Ты его знал? — спросил один из подчиненных у Дайлона.

— Да. Однажды пришлось с ним переткнуться. Он священник с Алоеса.

Дайлон еще пристальней посмотрел на меня, начиная догадываться, что смерть связанная с Данталионами. Уловив неописуемо раздирающий его взгляд, я отвернула голову в другую сторону.

Похороны священника прошли той же ночью на местном кладбище. Каждый из нас положил ему на могилу по красному цветку розы со стойким сладким ароматом и острыми, словно иглы, шипами.

По завершению погребальной церемонии, я вернулась в гостиницу, и принялась за осмотр последнего подарка усопшего. Уселась на кровать. Открыла ларец, и на всякий случай затаила дыхание. Внутри ларца, на мягкой подушечке из шелковой ткани лежала книга в твердом кожаном переплете. Бережно взяла в руки и развернула. Оказалось, это была не просто книга, а дневник. С трудом заглотнула слюну, ставшую комом в глотке, и принялась читать:

«18 октября.

Дни угасают быстро. Моя Миледи скучает, но я сделаю все, чтобы она распахнула плечи, и взлетела вольным полетом, чтобы улыбнулась мне лишь одному...».

— Миледи — раздумчиво протянула, — Это писал Айрон? Это его мемуары?

Потерев глаза пальцами, продолжила чтение. Обычное писание. Страница за страницей. И все обо мне. А после еще пары очередных страниц, удивлению не было предела. Писал мой сын, незнающий, что я его мать, и все его последователи-короли. И тоже только обо мне. Они все за мной наблюдали.

Взорвавшись от злости, подскочила с кровати. Забежала в комнату к Дайлону (в тот момент он стоял у стола и, держа в руке книгу, пролистывал) и размахом мощного кулака ударила в лицо, повалив на пол.

Схватившись за щеку, в изумлении смотря на меня, ничего не понимая, спросил:

— Ты что творишь?

— Это что я творю?! Ты лучше спроси, что творит твоя вторая половина, — помахала книгой, и перекинула в руки Дайлону.

Он с трудом поднялся на ноги, принялся осматривать переплет.

— А что это? Книга?

— Мне срочно нужно поговорить с Айроном. Не-ме-д-ле-но!

— А я тебе что, волшебник? Я с ним в дружбу не играю.

Его речь резко оборвалась. Голова плавно опустилась вниз. Глаза медленно закрылись.

А когда открылись, то сияли ярко-синим цветом. Слегка эгоистичная улыбка нарисовалась на губах. Это был Айрон без сомнений. И никто другой.

— Ты хотела поговорить об этом? — спросил Айрон, помахивая книгой, а другую руку положил на талию.

— Именно.

— И что тебе в ней не понравилось? — спокойно, с улыбкой.

— Да все! Почему там писание только обо мне, моей жизни?

— Потому что я поставил такое завещание своим потомкам, следить за тобой.

— И зачем тебе оно нужно?

— А разве ты не догадываешься сама, Миледи? Ты не лишь моя ценность, Миледи. А ценность всего Гелиуса.

— А разве я хотела ею стать? Вы сами сделали с Квенсентом меня такой. Я не просила.

— Но в другом случае, ты бы умерла. Как мне кажется, лучше жить долго, нежели вообще не жить.

— Не обижайся, но вся эта писанина, мне напоминает ничего больше, кроме как, дневника с мемуарами. Только вот загвоздка, не могу понять, почему столь надежно его охраняли в Карава? Ты о них слышал?

— Не обращай на них внимания. Это всего лишь кучка церковнослужителей, думающих, что есть посланцами Господа. Мы знаем о них, как и они о нас. Карава, по сравнению с королевством, есть закрытым городом, огороженный каменной стеной. Пускают туда лишь избранных. Это центр всего духовенства. Там правят свои законы и правила. Кажется, даже религия немного отличается от привыкшей нам. Каждый там носит рясу, а на груди крест. А ночью, как они говорят, чтобы защититься от бесноватых, одевают на лица фарфоровые маски. Я там тоже был. Приглашали, — эгоистично выдавил улыбку, — Несмотря что приезжий, пришлось покориться всем правилам: сдать оружие, одеть рясу, а на лицо маску.

— И, советуешь мне у них побывать? Все разглядеть, разузнать.

— Думаю, спешить не стоит. Хотя решай сама.

— Послушай, почему ты о них мне никогда не рассказывал?

— Не было смысла.

— Как это «не было»? Я думала, что являюсь частью Гелиуса и должна была знать об этих церковниках, хотя бы, как мать одного из Данталионов. Ты так не считаешь?

— Я не намеривался от тебя ничего скрывать. Вопреки, хотел защитить. От них в том числе. Ни кто не знает, к чему может дойти, когда Карава возьмут в руки крест.

— Они страшные?

— Они люди, но страшные. В своей вере к Господу. И если не перестала уважать мои советы, как прежде, то посоветую еще один: если хочешь ехать в Караву — езжай, но одна, без Дайлона. Если с кем-то столкнешься с них, тоже не говори о нем. Рассуждая из твоего мышления, я понял, что о его существовании они не догадываются. Это к лучшему. Нам меньше возни, да и парню поспокойнее.

— Ты так считаешь?

— Разумеется. Сама посуди. За ним начнется слежка. Караве обязательно захочется лично разузнать, увидеть кто это за последний Данталион из Гелиуса.

— И ты думаешь, священника убила Карава, или же Фредерик?

— Я думаю, Фредерик. Если бы ты была повнимательней, не играла днем в соню, да и Дайлон зоркостью не подводил, то заметили, как по городу давно бродят его щавки в

гражданском. Вот, видно, один из них и заприметил твой контакт со священником. Подумал, что вы с ним в каком-то сговоре.

— Постой-постой. Ты на что намекаешь? — замахала руками, остановив поток слов Айрона, — Хочешь сказать, что священника убили просто так, не зная, кто он есть на самом деле, из другой страны, только лишь потому, что я с ним заговорила? — протяжно, связывая слова в предложение.

Айрон похлопал ладонью по книге.

— Умница. Логика пока у тебя еще работает.

— Да не может такого быть, — отклонила голову в сторону.

Айрон пошатнулся. Сильно сдвинул пальцами глаза.

— Что с тобой? — забеспокоилась, готовая подбежать, подставить плечо помощи.

Айрон вытянул руку, останавливая меня.

— Все нормально. Это этот парень...Вырывается наружу.

— Дайлон?

— Я теряю контроль над его телом. Извини, я очень устал, — пошатнулся еще раз, сильнее, закрыл лицо ладонью, — Жаль, что не смогли поговорить подольше.

Айрон упал на пол. Я подбежала к нему. Схватила за плечи, помогая подняться.

Он быстро пришел в сознание. Открыл плавно глаза с красной радужной оболочкой. Я облегченно вздохнула.

— Что произошло? — протянул он.

— Как ты себя чувствуешь?

— Голова сильно болит...Ты меня ударила в лицо...Ты меня ударила в лицо? Ты меня ударила?! — с сознанием к Дайлону вернулось и воспоминание, тот ужасный эпизод с кулаком. С возмущением заявил мне он.

— Ой, так получилось...Неудобно, — гибко изогнувшись, поднялась на ноги и отошла, чувствуя вину, — Но, так нужно было, и все же хорошо обошлось.

— Ничем хорошим не обошлось! У меня щека болит!

Я подняла с пола книгу.

— Извини. Мне нужно было поговорить с Айроном.

— Ты будешь бить меня каждый раз, когда захочешь с ним поговорить? — недовольно.

— Нет, конечно. Это было особое исключение.

— Ты с ним поговорила?

— Да, — кивнула головой.

— И про что же?

— Это сугубо личное.

— А когда била, так, пожалуйста, было сугубо общественное, — обиженное.

— Хорошо. Я скажу. Я разговаривала с ним о Карава.

— Карааа...чего?

— Карава. Это город такой.

И я рассказала ему, что узнала от Айрона.

— Так-так, так. А я думал, стану королем и буду простенько себе править. А здесь еще осы над головой летать будут, — подвел вывод Дайлон после услышанного, — Хочешь там побывать?

— Почему бы и нет? Место притягивает к себе внимание. Больше того, я внятно получила вместе с книгой приглашение.

— Книга?

— Это лично.

— Тогда я поеду с тобой.

— Айрон посоветовал держаться тебе от этого места подальше. И я того же мнения.

— А он мне не указ. Не обязательно ехать с таблом на лбу, что я король. Я притворюсь твоим сопровождающим. О моих актерских способностях можно не рассказывать.

— Тогда я не буду против, чтобы ты составил мне компанию. Но отъезд я предлагаю перенести к более мирному времени. Когда мы победим Фредерика.

— Полноценно с тобой согласен. Будет отвратительным и непростительным поступком для короля, если я покину свой народ по личным делам в такое несладкое время.

Я махнула головой и похлопала в ладоши.

— Хвалю. Ты сказал, как истинный король. И когда ты только успел вырасти?

— А время такое, чтобы быстро расти. А что в книге? Очередной роман, приключение или детектив?

— Моя жизнь, — спокойно.

— «Моя жизнь» — это книга так называется?

— Это написанная чужой рукой моя биография. Не обращай внимания. Глупость, — улыбнулась.

— Загадочная ты. Снова что-то скрываешь?

— Да-да. Всегда в своем стиле, — таинственно улыбнулась.

Махнув приподнятой книгой, я вышла с комнаты.

Точно, что биография. И что мне с ней теперь делать? Я и так ее всю знаю наизусть. Потому что она моя. И оттого, не хотелось снова вспоминать в ней отдельные эпизоды.

Недолго думая, вышла на задний дворик за гостиницей. Там часто разжигали на улице костер. Вблизи находилась куча дров. Лежащий ствол дерева служил прекрасной лавкой. Рядом стоял деревянный столик с металлическими кружками и чайником.

Найдя коробку спичек между чашек на столе, разожгла огонь. Мгновенно горячие пламени красных языков обогрели теплотой тело. Присела на самодельную лавку. Открыла книгу и принялась читать. Каждый прочитанный листик не жалея выдирала с книги и бросала в огонь, разжигая костер тем самым еще сильнее. Листы скручивались, как засохшие листья с опавшего дерева осенью, затем чернели и сгорали, превращаясь в пепел. Исчезали они, а с ними и мое прошлое. Я хотела жить новой жизнью.

Под конец, выбросила толстый кожаный пустой переплет с книги, и, досмотрев, как он исчезнет до бесследности, поднялась, грустно сказала, смотря в огонь:

— Извини, моя жизнь.

Подготовка к военным действиям протекала успешно. Дайлон никого не заталкивал насильно в бой. Мужчины, даже некоторые дамы, с духом и сердцем настоящего воина, добровольно записались в войско. С единственной решительной и упрямой целью: защитить границы Гелиуса. Отстоять честь. Дать своим потомкам чистое и светлое, а главное, свободное будущее в родной стране.

А к мирному населению Дайлон обратился с просьбой, чтобы все они крепились. Верили в победу их войска, что они смогут отстоять знак голубя — безграничную свободу, как небо, в котором летает эта маленькая беленькая птичка. А во время сражения пусть постараются укрыться в укромных и хорошо защищенных местах, чтобы в случае опасности,

их не задели «копья крови».

И в этой суматохе, Дайлон не мог выбросить с головы мои слова, сказанные совершенно случайно, но искренние, слегка необдуманные, и в то же время серьезные и с-под текстом:

— Хорошо. Я верю тебе и Айрону, который теперь живет в тебе. И пусть хранит и защищает, крепче щита. В бою посмотрим, кто из нас победит.

Я снова упомянула имя Айрона. А недавно случившееся приключение с его вызовом, зацепило эго Дайлона, его самоуважение.

— Он-он, он. Почему между нами я всегда слышу имя Айрон, имя Квенсент, имя Микиэль? Да кто они, проклятье, такие? Что вас всех связывает с Немфеей? Почему она постоянно судачит в развалины, — намекая на замок.

Дайлон был не сдержан в эмоциях. Сейчас они его переполняли.

Он знал, что внутри него обитает некое существо — Айрон, которому, к тому же, сам и выдал на то предложения обитания. И что именно Айрон сможет дать ему силу противостоять Фредерику XVI. Что, несмотря на отвращения к нему, Дайлону придется с ним свыкнуться и сдружиться. Но, жаловаться, в принципе, на Айрона было не на что. Он молчал. Не судачил. Не мешал. И Дайлон мог продолжать жить прежней жизнью. Но, и это ему не нравилось. Что-то в глубине души отвергало Айрона.

Собираясь разобраться в себе, не боясь, что я его застану случайно или помещаю, рано поутру, когда все еще спали, в том числе и я в своем гостиничном номере, и солнце только лишь собиралось подниматься из-за горизонта, стелясь спелым персиком по ночи, Дайлон выехал на Конни с гостиницы в сторону замка Распятие.

— Ну вот, снова мы с тобой столкнулись. Лбами и столбами, — остановил лошадь у самого подножья. Ловко слез. Посмотрел изучающе все вокруг. Ничего не изменилось. Все по-прежнему. Те стены, тот запах, тот мусор под ногами.

Привязал Конни к столбу, вошел внутрь замка. Засунул руки в карманы штанов и принялся медленно прогуливаться по сооружению, в голос размышляя:

— Не знаю, что она в тебе нашла. Хотя, что я говорю? Она же здесь годами тынялась. Наверное, сумела и каждый кирпичик твой подсчитать. Сколько в тебе? Тридцать миллиардов? А? Больше?...Кто знает. Я считать не собираюсь...С последней встречи с тобой, она изменилась. Стала покладистой. Добрее в мою сторону. Дает советы. Разговаривает. Не грубит. Хотя, не помню, чтобы и грубила...Ты такой старый, что даже омерзительно на тебя смотреть...Сколько вещей. Подумать только, здесь жили богачи, королевская знать. А теперь хоп — и от них осталось лишь это. Мусор. Хотя и хороший. Можно еще продать на черном рынке или голубом аукционе парочке сытым богачам...Не думал что и я окажусь когда-либо королем. М...ха!..Типа оно очень нужно для моей особой репутации. Я свyksя с самого детства зарабатывать на хлеб опасностями. Не просиживанием на месте. Я как вольный ветер в пустыне...Интересно, чтобы случилось со мной, если бы я отказался тогда от того задания и никогда не познакомился с человеком-куклой? Хм, — улыбнулся, — Кукла, — покрылся румянцем на щеках, — Да. Она чем-то напоминает куклу. Такая же...такая же...как и эта, — протянул в шокирующем состоянии и застыл на месте.

Заглянув в очередную комнату замка, увидел в углу, спрятанную от света, немного покосившуюся, большую картину, в былом в прекрасной золотой раме. На удивление сама картина оказалась цела и в темном углу выделялась, словно белое бельмо на глазу. Точнее, три персоны, изображенные на ней. А ними выступали я вместе с Квенсентом и Айроном. Я была запечатлена умелым королевским художником в черном платье в гостиной сидя на

кресле. По левое плечо от меня стоял Квенсент, положив руку на спинку кресла. По правое плечо — Айрон, стоя ровно, руку одну занеся за спину. А я свои руки держала соединенные в легком замке, положив на колени. И все втроем мы улыбались. Искренне. Красиво. И оттого, наш портрет становился еще красивее, и завлекал всякого на его любование.

Пребывая в некоем гипнозе, Дайлон подошел к картине и внимательно рассмотрел.

— Как я полагаю, здесь Айрон с Квенсентом, — сообразил быстро, — Интересненько. И какой из двух ты, Айрон? Какой не дает покоя Немфее? Знай, нам двоим ее не поделить.

Изучая мужские портреты, приложил руку по правую сторону картины.

— Так, значит, это ты Айрон, — посмотрел на высокого мужчину по правую сторону от меня. В его облике он увидел что-то знакомое и очень загадочное, — И ты же и Микиэль. Две личности в одном. Вот о чем говорила Немфея, оказывается. Вы, троица, настолько все были разные, и как вам только удавалось держать дружбу? Немфея и поныне крепиться за нее. За тебя, проклятый Айрон, — ударил кулаком по изображению Айрона.

Дайлон услышал в ухе отчетливое звучание щелчка пальцами. Только оно раздалось в голове. От звучания, Дайлон почувствовал онемение. Руки налились свинцом. Упал камнем на колени, перевернулся на бок. Глаза не закрывались, а сознание работало само собой.

Он оказался в безграничном белом пространстве. Напротив него стояла личность. Дайлон ее сразу признал. Молод. Не старше лет, чем на картине. В совершенно всем черном: двубортный сюртуке с длинными полами, рубашка с овальной крупной драгоценной брошью, перчатки, штаны, сапоги. Волосы цвета вороньего крыла, завораживали красотой. Синие глаза тревожили холодом и уверенностью. Да, это был точно Айрон, и никто иной. А сидел он на троне, в своей любимой позе: руки на подлокотниках, а ногу закинув на другую.

— Что же, предполагаю, это наша самая первая официальная встреча с лица в лицо, — скромно выдавив улыбку, сказал Айрон, качнув запрокинутой ногой.

— Где я? — закрутив головой, потребовал выяснения обстоятельства Дайлон.

— Я на некоторое время отключил твое тело, чтобы мы с тобой смогли поговорить, как настоящие мужчины, смотря друг другу в глаза.

— Ну, если дошло до такого, пускай. Ей, постой! У нас что, здесь образовалось собрание в моей голове? Что случилось с моим телом?

— Успокойся, — улыбнулся, — С тобой, как и с твоим телом все хорошо. И ни в какой я не голове, а в сознание. Я в нем пребываю еще с тех самых пор, как слился с тобой. Меня очень удручают заявления в мой адрес. Это очень грубо, молодой человек. И вижу, ты оказался бесполезным. Я ожидал от тебя большего. Думал, ты будешь добиваться мира для людей, а не бегать за мной со своими оскорблениями. Типа: «Какой я был».

Айрон был уравновешенный, спокойный, тем самым еще больше заводя Дайлона. Сейчас, перед собой он видел того, кого желал увидеть не раз. Кому хотел в лицо метнуть мощным кулаком. Красивый. Элегантный. И по сравнению с собой, почувствовал себя обычной блохой. Гадким утенком. И считывая по облику, постепенно начинал понимать, за что, кабы, отдала сердце Айрону. Но ведь он совершенно ничего не знал о нас, наших чувствах, и как я думаю, лучше бы не лез в наши дела. Но он лез, лез, и продолжал лезть. Копал дырку в моем сердце. Ему хотелось раскопать всю правду о моей жизни.

— Да кто ты вообще, чтобы мною командовать, — ткнул пальцем в Айрона, сердито Дайлон.

— Я — король.

— Поправка — бывший король. Ты давно мертв. И от твоего правления осталась лишь

дырявая плотина, которую я, как уже действующий ко-ро-ль, должен после тебя восстанавливать.

— Это ты ошибаешься, мальчишка.

Дайлон насторожился.

— А?

— Я вечный король. И смерть мне не к лицу. И управляю я страной, и как, и кем, как поживаю. Ты ошибаешься еще в одном. Поднимать на меня голос не стоит, — спокойно.

Айрон клацнул пальцами. И Дайлон почувствовал, как его голосовые связки напряглись. Он схватился за горло, хотел что-то сказать, но четко, со рта вылетали лишь глухие хрипы и шумы.

Айрон клацнул пальцами еще раз, и Дайлон почувствовал, что голосовые связки, подобно струнам на гитаре, расслабились. Горло перестало болеть и перчить. Постарался пропеть первый попавший звук: «А-а-а», и это у него получилось. Голос вернулся.

— Вот видишь, как легко управлять человеком, особенно когда он тебе не нравится, — сказал иронично Айрон, поправляя тонкую кожаную перчатку на руке.

И Дайлон понял, что с этим человеком шутки плохи, да и словами лихими лучше не бросаться. И все же, он спросил у Дайлона, громко:

— Вот таким способом ты заставил Немфею стать твоей собственностью? Тоже так обращался с ней? Грел холодом?

— О чем ты? — удивился Айрон, — Она моя собственность по контракту и доньне. Каждый ее волосок и капелька возобновившейся крови. Наш контракт вечен. Но это не значит, что я тиран. За кого ты меня имеешь?

— За омерзительного подлеца!

— Приятно. Ты сказал в лицо всю правду, — соединил руки в замке на груди, немного опустил голову, прикрыл глаза, и, улыбнулся, — Если рядом был еще и Квенсент, он охотно тебя бы поддержал. В нас вечно были не стыковки в адрес Миледи. Был малым дитем, как и ты.

— Что?! — в возмущение, — Какой я тебе еще дитя? Я давно уже не ребенок.

— Ладно-ладно. Не кричи. Уши болят, — спокойно, — Сначала, с тобой разговаривать, я совершенно не хотел, но от твоих бесконечных мыслей пухнет голова. Сейчас помолчи и не перебивай, — видя попытки вставить слово, — Ты постоянно мучаешься в попытках узнать, что было между мной и Миледи. Я тебе отвечу. Нас связала дружба. Но я не могу сказать, что не любил ее. Я любил Миледи. Полюбил, как никого в мире. До знакомства с ней, у меня было множества фавориток, но стоило увидеть лишь ее взгляд и изменилось все. А когда слился с блуждающей своей половиной, которую Миледи ласково назвала Микиэлем, слился и с чувствами, и увидел Миледи в совершенно других красках. Как она живет, какая ее семья, чем увлекается, чему радуется, что огорчает, что делает с нее обычного человека среди особенных, и особенным среди обычных. И душа трепетала теплом. Я влюбился в нее с первого взгляда, как не любят прочих женщин. А с заключением контракта слепил ее новую, какую хотелось для себя. С новыми воспоминаниями, новыми чувствами, новым домом, где существовали только я и она. Но вокруг путался Квенсент. И помещал моему плану со своей «дружбой». И снова в моей Миледи проснулось то, что больше всего она уважала — дружба. И я согласился на дружбу с ней. Я променял свои любовные чувства на дружбу. Если бы ты веровал в любовь, то тоже понял мои чувства.

— Вот, в чем заключается исповедь «бедного» Айрона, — ехидно сказал слова, а

разумом восхитился своим врагом. Его выдержке ежедневно видеть возлюбленную и не в силе прикоснуться к ней, не с шептать ей над ухо нежные слова, не поцеловать ее в ее соблазнительные сладкие уста.

— Даже когда я умер, моя душа всегда оставалась с ней. Как ангел-хранитель. Она меня не видела, не чувствовала, но я всегда был с ней рядом, как барометр на ее шее.

— Тогда почему ты не защитил ее от рук Фредерика, прежде чем она превратилась в куклу?

— Потому, что это было ее собственным решением. Она прошептала: «Я устала. Солдат, сделай быстрее свое дело. Я очень хочу отдохнуть».

— Она хотела стать куклой? Но зачем? — в недоумение.

— Я же сказал, что она очень устала. Разве ты не понял сам от чего? Мое желание спасти Миледи было настолько велико, что я даже никогда не раздумывал о его последствиях. Что ее жизнь продлится в вечность. Она мой маленький ночной цветок Немфея, который я взрастил под ночным покровом лунного сияния, принесся тем самым ему мучения, без будущего права, чтобы его убить. Она моя Немфея. И это все и всех сказано. Я вижу, ты тоже пал под ее сияние, — улыбнулся мягко с грустным взглядом.

— Я? Нет?! — резко заотреца Дайлон, отступил шаг назад.

— Мальчишка, — протянул.

Больше свои чувства скрывать было бесполезно. Дайлон поставил ноги на ширине плеч и твердо сказал:

— Ну и что?

— Цветок мой меня умеет удивлять. Теперь моя Миледи оказалась не только моей, — подставил кисть руки под щеку, ответил с улыбкой.

— Но, я вижу в ней не женщину, а друга, — продолжал заверять Дайлон.

— У нее особое обаяние к этому. Она располагает к себе людей. Входит в доверие. А еще у нее мышление и логика работают, как ни у кого другого. Не буду тянуть времени — доверяй ей во всем.

— Ты даешь мне совет?

— Считай, что да. В ее голове хранится полное собрание военных тактик, применяемых при военных действиях за времена правлений королей Гелиуса. Она перечитала множество книг о войне в королевской библиотеке, была не столетие советчицей королей. Она воплощение моего разума.

— Ты говоришь о Немфее, словно о боевой машине.

— Правда? Ха-ха! Никогда не думал, что моя Миледи когда-нибудь станет такой. Мальчишка, я дам тебе силу победить твоего врага, а разум — подправит Миледи. Подскажет, что и как делать.

— Ты говоришь убедительно. Я действительно могу на тебя рассчитывать?

— У тебя не остается выбора. Ответно, я хочу, чтобы ты исполнил мою одну просьбу.

— Просьбу? Какую?

— Позаботься о Миледи. Сейчас пребывая в таком состоянии, в тебе, у меня связаны руки.

— Можешь не беспокоиться. Уж эту просьбу я исполню.

Айрон улыбнулся мягко в очередной раз.

Когда меня судьба соединила с Айроном, он заметно изменился. С лица постепенно исчезали злобные и эгоистичные улыбки, взгляды. Вместо них появлялась мягкость, блеск в

глазах, доброта, что было основой его особого шарма, прелести лица, делая его невероятно-красивым мужчиной.

Затем, Айрон поднял медленно руку до уровня груди и клацнул пальцами.

Дайлон вернулся в сознание. В глазах появился жизненный блеск. Стальное тело обмякло. Теперь оно снова принадлежало ему.

Заморгал часто глазами, заставляя себя убедить, что то, что он видит, зал замка, действительно не видение, он на самом деле вернулся. Задвигал рукой. Поднялся с трудом на ноги. Все тело болело от онемения. Положил руки в боки и сделал несколько физкультурных упражнений для разминки.

Посмотрел на картину. Портрет Арона.

— Не беспокойся. Я тебя не подведу. Защищу твою Миледи. Но, надеюсь, и ты меня не подведешь. Мне нужна сейчас победа, как еще никогда. Но это еще не значит, что мы с тобой сдружились.

Потирая голову и пошатываясь от неопишимо сильной головной боли, добрал до выхода с замка, с трудом забрался на Конни и отправился в город, в гостиницу.

Все еще спали. Вокруг было пусто и темно. Облокачиваясь на стены и подручные предметы, идя с трудом по коридору, отправился вместо своей комнаты в мою. Захлопнул за собой двери. Посмотрел на меня. Я ничего, не подозревая спала сладко в постели, повернувшись на бок. Мой сон был особо крепок, и его мог прервать только приход ночи. А так как был лишь рассвет дня, могла еще длительное время блаженствовать, и совершенно не маяться, по вопросам: чем там занимаются люди, а тем более, из чего сделать похлебку на завтра.

Дайлон прогулочным шагом, шаркая по полу подошвой, подошел к кровати. Положил руку на спинку. Посмотрел на мое лицо, сладость выражения (мне снился сон, как я сижу в поле из полевых цветов. Над головой светило яркое солнце в чистом голубом небе. Лето. Одета в серебряное платье с распущенными волосами, как маленький магнитик, кусочек зеркала, притягивала к себе солнце, отчего вся пропиталась теплотой, жмурилась. Но, это мне нравилось. Рядом со мной сидели мои милые друзья — Квенсент и Айрон и очень внимательно наблюдали, как я плету для Айрона венок на голову. У меня и Квенсента на голове было уже по венку, оставалось только чуть-чуть, и венок будет тоже готовый. «Вот и все» — сказала я, после чего осторожно надела на голову Айрону венок, и теперь мы в одинаковых венках стали походить на тройняшек). Это ему не понравилось. Он подумал: «Почему, когда мне плохо, у нее всегда должно быть сладко и хорошо?» Положил вторую руку на спинку кровати. И сильно затряс. Но я, не проснувшись.

«Ладно с тобой» — прочиталось во взгляде Дайлона.

Обойдя спинку, глубоко выдохнул через рот и улегся возле меня в постель. Заложил руки за голову и закрыл глаза. И в таком состоянии пролежал несколько минут.

На семнадцатой минуте открыл глаза. Повернул голову ко мне. Посмотрел на мои спящие веки, длинные ресницы, и шепотом сказал:

— Он, — намекая на Айрона, — Сказал тебя защищать. Ты была для него Миледи. Интересненько, тогда, кто для меня ты? Мы с тобой много чего перетерпели вместе. У нас общих секретов с завал. Каждое твое слово теперь для меня река знаний. Ты согласилась быть моей советницей. Но, а на самом деле, кто же ты для меня. Подруга? Больше чем подруга? Я в замешательстве.

Дайлон перевернулся на бок. Прижался лбом к моей спине, затем, голову перенес на

плечо, повесив. Закрыв глаза.

— Я немного полежу. Хорошо, Немфея? Мне нужно собрать мысли воедино.

В таком положении Дайлон пролежал несколько часов, успев подремать, пока солнце не поднялось выше. Затем, тихонько, на носочках, стараясь оставаться не замеченным, ни кем из обитателей гостиницы, особенно вездесущей и все знающей Виоли, выбрался с моей комнаты, и пробрался в свою.

Отоспавшись еще пару часов в своей кровати, принял горячую ванну. Хорошенько позавтракал. Отправился в штаб-квартиру. У него были дела, которые нельзя было откладывать — подготовка к войне. И скорейшее ожидание посланника от Барбурского королевства с письмом от Фредерика XVI:

«Я вызываю вас, низчайшие отродья Гелиуса на бой, завтрашнего дня двадцатого часа по полудню. Ваше отсутствие будет считаться моей победой. Даю вам шанс сдаться преждевременно.

Величество Барбурского королевства,
Король Фредерик XVI»

Собралось два вражеских войска, Барбурского королевства и Гелиуса. Дайлон прекрасно понимал всю серьезность, максимальную и непревзойденную готовность Фредерика XVI: в три раза от них увеличенное войско, оружие, словно, захваченное со всех стран мира и свезенное в кучу. Конечно, оно совершенно не равнялось с только что поднятой на ноги, скажем так, «юной» страной.

Я стояла на горе, рядом с Дайлоном, как его вечная советница. Ночь была в разгаре. Внизу нас стелились просторы, поля, где по их два конца находились два враждующих войска. На другой горе, обосновался Фредерик XVI, наблюдая за нами. Войска шумели голосами, звуками оружия, ожидали сигналов своих королей-командующих, к началу атаки. Дайлон был одет (Виоли все же пошила наряд и заставила его одеть) в светлое одеяние — красную рубашку с золотым крестом-заколкой, белый однобортный сюртук с английским воротником с длинными полами, белую накидку с красной каймой, черные штаны и черные сапоги. Через плечо и на талии, лежал ремень, к которому пристегивались ножны меча. Этот прекрасный наряд с накидкой и сюртуком светился ярче всякого фонаря, затмевая одетого в золотое убранство, украшенное элементами доспехов с золота, Фредерика XVI, который тускнел, словно коррозия от древности.

Посмотрев на наш берег в свой раскладной телескоп, Фредерик XVI, подошел к громкоговорителю — огромному круглому зеркалу с трубой и в него крикнул:

— Приятно видеть, что ты выжила, — обращаясь ко мне.

Дайлон подал сигнал поднести к нам точно такой же громкоговоритель. И ответил с улыбкой, вместо меня:

— Здравствуй! Не приятно и тебя видеть. Как видишь, мы оба живые.

Громкоговоритель был чудесен еще и тем, что он передавал не только речь, но с помощью зеркала и изображение говорящего.

— Верни мне мою куклу. И может, я смилостивлюсь над вашей страной, — не убедительно, заявил с предложением Фредерик XVI.

— Она не кукла! — огрызнулся Дайлон, — Она вольный житель Гелиуса. И если она остановила свой выбор, остаться со мной, — его слова прозвучали с перегибом палки, такой интонацией, словно я его девушка, — Поддерживать меня и каждого жителя. То это ее

право.

Я взялась за грудь, сердце. И с благодарностью улыбнулась, закрывая глаза. Пусть и чужому человеку, а не мне в лицо прямо, он высказал, что испытывает ко мне доверие. Наконец-то, кто-то сказал что-то хорошее в мой адрес.

— Ваше королевство — это лишь наигранность спектакля. Не забывайте, я победил вас раз. И вторая победа тоже останется за мной. Вы, как и ваш Ангел, лишь легенда.

Прозвучали крики протеста голосов наших солдат.

— Да и ты, кто им? — продолжал Фредерик XVI, несмотря на крики, — Пресна натура, добравшаяся на гору и выкрикивающая команды. Ты — не король. В королевстве у вас нет короля. Какое же вы тогда королевство без короля? Собрание глупцов, бомжей, и ни одного единого знатного имени.

Крики толпы нашего народа стали ярче. Сейчас и без команды пойти в бой, они были уже заряжены яростью броситься в драку. Прямо на Фредерика XVI. Разорвать его в клочья за подобные слова.

— А если в нашем королевстве есть Данталион, — сказала спокойно я в громкоговоритель.

Фредерик XVI насторожился. Толпа утихомирилась. Повернула ко мне головы.

— И где он, твой «Данталион»? — скривив слово, спросил Фредерик XVI, — Не выдумала ли его? Нарядишь парня в голубя, приклеишь к спине крылья, и лети. Не так ли? Ха-ха!

— А вот он, — сказала я, отступила в сторону и показала всем стоящего за мной Дайлона.

Все ожидали кого-то другого. Неизвестного. Плечистого. Мужественного. В обличье Аполлона. И Фредерик XVI рассмеялся.

Я толкнула незаметно Дайлона локтем в бок, а взглядом и словом «Давай», подтолкнула сделать следующее. Никто не ожидал, что в следующее мгновение из его спины появиться крылья, и привлекут к себе своей божественностью всех внимания. Огромные. Грациозные. Цвета вороньего крыла. Без единого следа, что несколько дней назад над ними жестоко издевались.

— Правнук короля Алексия, последнего короля королевства Гелиас, и его супруги, Магиалы, которую было тайно вывезено с замка во время войны в положение беременности с даты двадцать четвертое на двадцать пятое октября, в день смерти короля. Вам нужно удостоверить какие-то еще доказательства?

Толпа нашего королевства зашептала. Было ясным делом, рядом с ними был их истинный король, а они об этом даже и не подозревали. А затем, они все воскликнули:

«Слава, королю! Слава, королю Дайлону!».

Все кричали. Хлопали в ладоши.

Дайлону было до небесности приятно, что он даже позабыл, что находится на войне. Он столько ожидал этого события, чтобы его назвали королем. И это, наконец-то, свершилось.

Хлопая тише всех, но ближе к нему, я прошептала:

— Поздравляю! А теперь, не отдыхай. Не забыл ли, мы на войне.

Он вынул свой меч с ножен, поднял высоко с вытянутой рукой, и обратился к уже подданным:

— Дорогие мои! Сейчас мы стоим на ступеньке-преграде, мешающей нашей свободе. Давайте переступим ее. Во имя родных и любимых, себя, своего будущего и нашего

королевства, мы подышим мечи. Возьмем оружие. И защитим их всех. Выгоним из нашей страны этих не приглашенных червей, потому, что мы ее хозяева, и мы приказываем, куда этому черву ползти!

Все закричали: «ДА!».

— Мои друзья...В ПУТЬ! Давить мерзавцев! — дал сигнал в бой.

Все закричала: «УРАА!», размахивая оружием.

Фредерик XVI, в спешке дал и свой сигнал:

— Аааа-а в БОЙ! — махнув поднятым вверх мечом.

Сражение началось.

Дайлон стоял на горе и командовал. Я стояла возле него, сложив руки в замок на груди, ладони держа на локтях. Наблюдала за сражением, и совсем ничего не чувствовала при виде, как кто-то кого-то убивал. У меня было чувство, словно я сама выросла на поле боя. И вдруг вспомнила о Виоли, как бы она вела себя на моем месте. Думаю, схватила щит, поварешку, и бегала по полю, давая всем врагам щелбана. Но, Дайлон не пустил Виоли на военную территорию, боясь, что она не будет давать щелбана, а испугается, и начнет бегать, кричать, а потом, придется ее еще искать и спасать. Поэтому, для ее же безопасности, запер в гостиничном номере.

— Ты ведь понимаешь, — сказала я, спокойно Дайлону, — Что они перебьют себя без толку. И наши, верно, проиграют. Война не закончится до тех пор, пока один из ее командиров не будет повержен.

— Знаю. Я должен лично пойти к Фредерику XVI и напасть на него? Убить? И отомстить за деда?

Я кивнула легонько подбородком, закрывая веки, соглашаясь.

— Пробраться будет сложновато, — изучил бегло взглядом масштаб поля боя, что нужно будет пробираться пешим ходом через него.

— А ты полетом. На крыльях. Так значительно быстрее.

Дайлон согласился. Я настояла, чтобы он взял меня с собой.

— Зачем? Здесь я управлюсь сам и без твоих советов. Я быстро. Туда и обратно.

— Затем. Возьми, — выпячивая глаза, а голосом угрожая.

Дайлон согласился нехотя. Взял меня на руки, и мы полетели. Конечно, это было совсем иное чувство полета, нежели с Айроном. Тогда я летала с ним, над спокойно-спящим ночным городом, а не покрытым криками, кровью, оружием, огнями и человеческими телами полем боем. Даже в небе полет превратился в настоящий метеорный дождь, благодаря вылетающим со стороны горы Фредерика XVI огням. Это были смоленные горящие камни, обернутые в солому, выброшенные с метательного аппарата. Но, Дайлону ловко удавалось их обходить и от них уклоняться. И, мы добрались до Фредерика XVI успешно и целыми.

На нас он уже поджидал. Мирно сидел на мягком стуле с подлокотниками, больше походившему на трон, в окружение кучи солдат. По сигналу, элегантному движению руки, солдаты сдвинулись с места, с целью окружить и убить нас. Дайлон быстро достал свой меч с ножен. Оттолкнул меня назад за свою спину, защищая. Сражение, бойня начались, совершенно не походя на вежливое французское приветствие. А я стояла, застыв на месте, ничуть не испугавшись, потому что стопроцентно верила в победу своего Данталиона.

Когда победа оказалась за нами, Дайлон представил к горлу Фредерика XVI, еще

сидящему на стуле, лезвие меча. Ярко-сверкающие красные глаза желали его убийства, и были готовы снести немедленно ему голову. Подбежали иные солдаты и остановились на расстоянии в несколько метров, испугавшись за своего короля. Покорно послушались Дайлона, который с угрожающим взглядом закричал им: «Подойдете еще — прикончу его и вас!». Отошли еще на несколько метров дальше.

— Такого негодяя и труса, как ты, нужно рубить на куски и варить в бульоне для псов, — сказал Дайлон, голосом полным ненависти.

— Постой, — сказала я, остановив попытку отсечь голову.

Я медленно подошла к Фредерику XVI и сняла с его указательного пальца левой руки серебряное кольцо с лунным камнем. Подобных колец в мире было лишь только два. Потому, что их сделал Квенсент собственноручно. И одно было у меня, мое, женское, на левом указательном пальце. Второе, мужское, которое всегда носил Квенсент не снимая, было похищенным. Это были кольца — обещания. Всегда быть вместе. Теперь я знала вора в лица. Одела поверх своего, на что оно пришлось мне жутко большим.

— Не стоит носить чужое, — сказала я, и медленно спиной отошла назад.

Фредерик XVI протянул ко мне руку:

— Пожалуйста!..Я никогда не хотел нанести тебе вреда, — прося пощады, оправдываясь.

— Не, пожалуй, — ответил за меня грозно Дайлон.

— Спаси!

— Не спаси.

Фредерик XVI заметил только что подошедшего незаметно солдата. Он стоял подальше от всех. Около огромного арбалета. И тогда, Фредерик XVI, изменив свою плаксивость на самоуверенность и до отвращения эгоистичную, прогневшую злобой улыбку, сказал:

— Ха-ха! Все равно, вам не сбежать. Вы на моей территории. И в моей власти.

И неожиданно я почувствовала резкую и сильную боль в спине, а, затем, животе. Опустила медленно глаза вниз. Мой живот был насквозь проколот копьем, выстрелянным с арбалета. Платье пачкалось в кровь с вытекающей большими объемами раны. Я икнула. И со рта вышла кровь. От разрыва внутренних органов. Подкосило ноги. Мгновенно закружилась голова. Расплылось все в глазах. И...упала на землю обездвиженная.

Позабыв обо всем, Дайлон кинулся ко мне, с криком: «НЕТ!». А цепляясь руками и подлокотники стула, Фредерик XVI расхохотался еще сильнее, со словами:

— Я предупреждал. Все всегда идет, по-моему, плану.

Я открыла глаза, лежа в белом пространстве, не имеющем ни потолка, ни пола. Одетая в свой старый наряд, когда была еще жива, точнее, когда считала себя действительно живой, когда не начиналась моя еще история с Гелиусом. В черный фрак, с брошью — зеленым клевером на счастье, в черных облегающих штанах, черных высоких сапогах, белой длинной рубашке, которая выглядывала с фрака, напоминая короткую юбку, с красной завязочкой-лентой, вплетенной в рубашку, под шеей, завязанную в бантик. Так раньше одевалась я.

Я отправилась бродить по пространству, стараясь найти выход, и, в конце концов, разобраться, где я, или я жива, или я умерла и это такой рай. Пока не услышала голос:

— И снова ты накуролесила бед.

Я опустила голову вниз, на звук хриплого старческого женского голоса, и увидела

сидящую перед собой старушку на низенькой табуретке в темно-сером плаще с капюшоном на голове, продающую наливные, красные, большие, одно-в-одно, яблоки, в двух корзинах с лозы.

— Хочешь яблочко? — прибавила она, указывая руками на корзины, предлагая взять. Я напрягла глаза, память.

— А вы, случайно, не та самая женщина, которую мы с Квенсентом видели на рынке, когда отправлялись на поиски Микиэля?

Хорошенько призадумалась, что такого попросту не может быть. Прошло уже немало времени, и та старушка давно должна быть мертва, как и мой отец.

— Кто знает, — сказала загадочно она, — Купи, — намекая на яблочко.

— Спасибо. Но, у меня нет у денег... А как я сюда попала? — покрутила головой, — Я хорошенько помню, как была на войне с Дайлоном, — заложила руки на талию, не напряжено, героически, а расслабленно, — А потом... А потом... Не помню, — задумалась.

— А кто это Дайлон?

— Это полуангел. Данталион. Последний король из королевства Гелиас. Сейчас мы боремся вместе с ним за свободу страны.

— Понятно. А кто такой Микиэль?

— Это тоже Данталион. Я нашла его в горах вместе с Квенсентом. Он второе «Я» Айрона. Я сама придумала ему такое имя. Он ничто не помнит о себе прошлом.

— Зачем ты тогда искала его?

— Я его не искала. Скорее, мы столкнулись случайно. Но, затем я за ним пошла добровольно. Помню, когда я его искала, чтобы пойти вместе с ним в Гелиас, составить компанию, вот тогда мы с вами и столкнулись на рынке, вспоминаете? В те тяжелые для Микиэля минуты, как я могла его бросить? Мы же с ним друзья.

— И ради этого ты убежала с дома?

— Да.

— А если бы у тебя был шанс свернуть с этого пути? Согласилась бы?

— Что? — не поняла, — Это как?

— А вот. Смотри.

Старушка взяла с каждой корзины по яблоку.

— Это яблоко прошлого, это — будущего, — держа в разных руках, подкинула по обе стороны от себя. И вместо того, чтобы упасть, они закружились в воздухе, вытягиваясь и вырастая, пока не превратились в зеркала. Я с интересом взглянула в низ. И в них отбилось мое отображение, которое стало меняться. В одном я отбилась в одежде, которой нахожусь сейчас, в другом — в черном платье и обручем с розами на голове.

— Это твоя жизнь, — сказала старушка, указав на первое зеркало, — В которой ты не встретила Микиэля. Старушка забросила внутрь зеркало с корзины еще одно яблоко, и зеркало показало эпизоды якобы из моей жизни. В ней мой отец счастливо сидит за столом в нашем доме. Я стала супругой Квенсента и у нас родилась парочка чудных маленьких ребятишек: девочка Аннет и мальчик Грегори. Как они вырастают с годами, а затем Аннет выйдет замуж за местного школьного учителя, а Грегори унаследует передаваемое с поколения в поколение ювелирное дело. После, я стану бабушкой. У меня появятся куча внуков и внучек, и мне не страшно будет встречать смерть, где она придет ко мне тихо в постели.

В другой жизни, я увидела только свое окровавленное лежащее тело на боку, проткнутое

насквозь копьем. Как Дайлона окружают враги, а он держит меня за руку, и волнуется-волнуется обо мне.

— И это все? — сказала удивленная я.

— Да. Ты отжила свою вечность. Кто бы мог подумать — копье убьет двух сразу. Тебя и твоего ребенка. Не жалко?

Старушка говорила грубо, издевательски.

Я печально положила руку на живот. Сжала. Опустила голову. Я не говорила Дайлону об зарождение новой жизни во мне.

— Вы осуждаете за прожитую мной жизнь? — сказала печально я.

— Что ты. Я хочу помочь тебе сделать сейчас правильный выбор. Ты можешь сейчас повернуть всю свою жизнь вспять. И жить прекрасной, обычной, человеческой жизнью.

— А до этого я что жила, собачьей?! — возмутилась, — Она была наполненная счастья...А можно изменить что-то в моем прошлом? Чтобы та деревяка не вошла в меня? — намекая на кол с арбалета

— Нет. Даже если и изменить время, она должна кого-то пронзить. Закон неодушевленных предметов.

— Тогда, пусть войдет в него, — ткнула пальцем во Фредерика XVI, который стоял напротив меня.

— Но, ты должна понимаешь и сама, за все берется плата. Чем расплачешься ты?

— А чем нужно?...Нет. Не так. Давайте заключим с вами контракт. На двух условиях. Первое: вы делаете так, чтобы не меня, а Фредерика пронзила деревяка, а второе — вы сохраняете жизнь моего ребенка, и в будущем будете его оберегать. За это можете забрать мою вечность полностью.

— Годится, — согласилась старушка, резко схватив меня за шею. Место, где весел бранометр. С него начал вырываться яркий свет.

Когда все успокоилось, я достала с-под одежды бранометр и посмотрела. Он был непривычно-подозрительного цвета — молочно-бардовый.

— Контракт заключен, — объявила старушка, — Твои условия будут выполнены. Мы оставили тебе еще времени для жизни. Заряд бранометра исчерпается через двенадцать лет. Этого должно быть достаточно для рождения и воспитания ребенка.

— Благодарствую, — кивнула головой я, не жалея о содеянном.

Старушка взяла со второй корзины, корзины будущего, яблоко и передала мне в руки со словами:

— Ешь.

Я откусила кусочек побольше. Яблоко было настолько сочным, что мне пришлось закрыть глаза, чтобы не обрызгаться его соком.

Когда открыла крепко зажатые веки, яблока в руках его уже не было. Сама находилась в своем мире. Одетая в черное платье. Все было еще по-прежнему. Мое «старое» окровавленное тело лежало на земле. Дайлон возле меня. Фредерик XVI довольно хохочет. Но, сейчас все это не двигалось. Застыло. Пришло время внести поправки в историю.

Время раскрутилось вспять, и все движения задвигались назад. Наступающие солдаты, отбегали назад. Дайлон, поднимался с земли и отбегал от меня. В его руки сам впрыгивал меч. Мое тело задвигалось и поднялось. С него вылетело копье, возвратившись обратно в арбалет. Кровь, рана, на животе, снова исчезли, и я выровнялась.

Наблюдая за картиной «вспять» и дожевывая кусок яблока во рту, подошла к своему

телу и осторожно с ним слилась. Это получилось на удивление легко, словно пройти привидению сквозь стенку. Только в ней застрять без выхода. А и с тем, время побежало в верном направлении. До того застывшая немая картина, превратилась в шум, крик, гул, что от отвыкания, пока находилась в бесшумном пространстве, у меня разболелось в ушах. Но, не когда было расслабляться. Знала, что сейчас со мной произойдет. Резко присела и кол, выпущенный из арбалета, летевший запланировано в меня, пролетел мимо, попав в находившегося прямо ей на пути, сидящего и смеющегося Фредерика XVI. Он так и умер в смехе. Принял свое же оружие на себя. С его смертью, все солдаты сдались, сложив оружие. Они были точно такими жителями своей страны, с семьями и своими заботами, как и нашего Гелиуса. Без короля они потеряли смысл сражаться.

Война была выиграна в пользу Гелиуса. Чтобы об этом всем оповестить, Дайлон в громкоговоритель Барбурского королевства, заявил, чтобы все воины сложили свои оружия. Битва закончена. Правитель, Фредерик XVI, повержен и убит, и нет больше смысла воевать. Также заявил, что не имеет претензий к Барбурскому королевству. Пусть военные с миром возвращаются на родину.

А затем, я прошептала над ухо Дайлону:

— Хорошо теперь было бы поприветствовать твоих подчиненных лично.

Дайлон соглашено качнул головой. Взял меня на руки, напряг спину, область лопаток, и с них появились огромные крылья. Резкий рывок, и мы оторвались от земли. И целая толпа людей с восхищением посмотрели на нас, на действительно существующего Данталиона. Мы опустились на поле боя, и все солдаты, жители нашего Гелиуса, бросились к Дайлону, чтобы потрогать его, пожать ему руку.

Все радостно кричали: «Данталион жив!», «Он действительно с нами!», «Господь не покинул нас!». Хлопали радостно в ладоши, подбрасывали вверх свои головные уборы со словами: «УРА!»

Праздновали победу в центре города, как и полагалось, со всем пиршеством: выпивкой, яством. Столы накрывались прямо на улице, и за них мог садиться каждый, и где угодно. Хоть возле меня. Хоть возле короля. Хоть возле заводной Виоли, правящей застольем, словно тамада.

Я ни ела, ни пила. Лишь только подымала стакан, поддерживая очередной тост. Сидела за компанию. Улыбалась наиграно. А во всем теле чувствовала слабость и ломоту. Я еще никогда подобного не испытывала. Ни единого раза за множество столетия своей жизни. Видимо, на мне сказывалась резкая потеря моей жизненной силы — заряда бранометра. Я посмотрела на него. Его измененный цвет. Улыбнулась наигранно, чтобы скрыть подлинные чувства печали. Наконец-то, я заключила контракт со своей смертью. Даже стало как-то грустно. Я на-ко-нец-то нашла свою смерть, умру. А мне стало от этого грустно. Захотелось пожить еще дольше. Я подумала, сравнив со своими прожитыми годами, что двенадцать лет, это мизерное количество секунд, за которое я ничего не сумею сделать. Не сумею увить полноценное взросление моего ребенка. Не увижу ребенка ребенка. Моего внука или внучку. Даже если я и была отлучена, как мать Артура, мне было приятно наблюдать за его успехами, его поколением детей. Видимо, в том и заключалась жизнь, чтобы рождаться и умирать. И если раннее я переживала всех, видя похороны, то, сейчас, он, мое дитя, переживет меня. И я умру в самом его рассвете детских лет. Двенадцать лет.

Мой нос защемило. Покраснел. На глаза налились слезы. Я закрыла ладоней рот и нос, чтобы сдержаться и не расплакаться, не показать всем, как кусаю губы, чуть ли не до крови.

Но и такое меня не спасало. Я поднялась из-за стола, и, не обращая внимания на веселье, шум, мешающую пройти пьяную толпу, подалась в гостиницу. Зашла в свой номер и разрыдалась на полную силу, стоя в центре комнаты, закинув голову назад. Я не боялась, что кто-нибудь услышит мой рев. В гостинице было пусто. Все здания, дома, были пусты и закрыты. Все жители нынче находились на празднование.

Неожиданно, я услышала тихий стук в двери. Я быстро затихла. Вытерла под глазами пальцами слезы. Отвернулась к окну. Соединила руки в замке, держа их опущенными, выпрямленными вниз. Сказала:

— Войдите:

В комнату вошел Дайлон.

— Ты так резко подскочила из-за стола. Ты что, плакала?

— Тебе показалось.

Меня выдал мой «плаксивый» голос.

Не веря, он подошел ко мне. Схватил за плечи и развернул к себе.

— Как и думал. И что случилось? — намереваясь услышать от меня какую-то обидную для него фразу.

— Ничего. Честно. Отпусти.

Дайлон опустил руки.

— Я просто рада, что мы победили.

— Такие слезы, — удивился, — Вот вы женщины, чувствительные. Стоит подуть в вашу сторону — и слез океан, потом не подотрешь. Хорошо радуешься, — похлопал меня по голове.

Я убрала его руку с взглядом «Прекрати».

— А сейчас, не мог бы ты меня оставить в покое? — настаивая.

— Так сейчас же ночь?

— Ну и что? Иногда дамам хочется побыть без сопровождения.

— Ладно-ладно. Покидаю ваши палаты, мадам, — помахал рукой, — Если что, ты знаешь, где я.

И вышел.

А я снова бросилась в рев.

Упала на кровать, закрыв ладонями лицо, и еще сильнее слезы полились. Они текли сами собой, и я не могла их остановить. Мокли ладони, шея, одежда, постель, волосы.

Неожиданно, у меня схватил живот. Я схватилась за него, сильно сжала. Закричала со всей силы.

Не успел далеко отойти от гостиницы Дайлон, как услышал мой крик и вернулся в суматохе. Нашел меня уже не на кровати, а на полу, возле нее. От боли, ворочаясь, я с нее упала. Помог подняться, облачивая на себя. Уложил в кровать.

— Подожди. Я сейчас позову доктора, — сказал он, крепко держа меня за руку.

— Не надо, — сказала я, не прекращая стонать.

Мое тело ужасно побледнело. Затем, стало прозрачным. Я чувствовала всем своим яством, что живущий во мне Данталион, высасывает с меня все остатки жизненной энергии, все, что были даны на будущие двенадцать лет.

«О, нет! Неужели, я умру так рано» — думала тогда моя голова.

А живот все болел и болел. Сильнее и сильнее. Самочувствие тоже с каждой секундой становилось не лучше. Я уже и не чувствовала теплоты, хватки руки, с которой держал меня

за руку Дайлон, не желая отпускать в мир иной. Бранометр бледнел, превращаясь в белый. Неожиданно он засеял и его цвет преобразоваться снова до молочно-бардового. Прозрачность тела исчезла. Самочувствие улучшилось. Боль отступила. А и с тем, когда боль в животе прекратилась, я заметила, что он вырос, до объемов, которых положено быть в срок беременности четырех месяцев. До того, моя беременность совсем не была заметна. Живот оставался плоским. А теперь представьте выражение глаз Дайлона, когда он в неожиданности узнал о негаданной беременности. У него были точно те же глаза, что и во всех папочек мира. Округленные, удивленные озера. Руки, разведенные в стороны и слова: «Как?».

Так и хотелось тогда мне ему ответить: «Да вот так! Кто, по-твоему, в этом виноват?!»

— Ты беременна?! — выдавил с трудом он.

Вместо того чтобы вылить на него свои мысли, я попросту от него отвернулась, перевернувшись на бок.

— Все это время, да?... Это же мой? Да? — продолжая трудный набор слов, мямлил Дайлон.

Я пробурчала:

— Ну и что?

— Как и что?! Это же мой ребенок.

— Нет.

— Врешь! Повернись ко мне лицом и скажи прямо в глаза, — в приказном тоне.

Я проигнорировала.

— Повернись! — закричал не сдержавшись, топнул ногой и зажал руки в кулак.

Я нехотя перевернулась к нему. Облокачиваясь на локти, приподнялась и сказала:

— Он — не твой.

Я знала, что глупила. Бесстыже врала. И прекрасно понимала, моя жизнь скоро оборвется, и ребенка не с кем будет оставить. Он будет сиротой при живом-то отце.

Дайлон был сердит. Он не верил моим словам. Он, словно мой второй Квенсент, вечный телохранитель, был всегда рядом в эти месяца. Сторожил мой сон. Не оставлял одинокой ночью. А и с тем, знал, что у меня ни какого другого мужчины, кроме него, не было.

Его сердце забилося чаще. А чувства были таковыми, словно сейчас сидит в седле на Конни, мчит по безграничному полю. Он закрыл глаза, и в его подсознание отбилось воспоминание с жизни Айрона. Где он узнает, о будущем наследнике престола. Его радостная улыбка. Обнимание меня за плечи. Опускание на колено. Обнимание меня за талию. Поцелуй в живот. На моем лице так же радостная улыбка. Материнская. Уже готовая принять на руки своего в будущем рожденного ребенка. Тогда я была одета по самый пол в длинную белую ночную рубашку с длинными рукавами. И Дайлон, наблюдая со стороны, за этим эпизодом из жизни, заметил, что когда Айрон обнимал меня, то с моего одного плеча спала ночная рубашка, обнажив часть спины, показывая на ней изображение перекрещенных крыльев. «Что? Метка Данталиона?» — быстро сообразил он.

Дайлон заморгал глазами. Быстро подскочил ко мне. Схватил за предплечье. Принялся раздевать. Я стала сопротивляться, защищаться. Тогда, он, завалил меня собой, повалил на живот, и принялся расстегивать на спине пуговицы, обнажая спину. Я кричала, брыкалась руками, ногами. Но, это не помогало.

Обнаружив желанное место, Дайлон прекратил приставать. Слез с меня и отпустил.

— Я так и знал, — сказал он, — Ты тоже, Данталион.

На моей лопатке, на спине, был изображен символ Данталиона — перекрещенные два пера в букве «Х».

— Конечно же, нет! — сказала я, обняв себя за и под грудью, сжалась, чтобы платье не сползло ниже, — Я же девушка.

— Тогда, как ты объяснишь это? — ткнул пальцем в сторону спины.

— Этот символ носит не только один Данталион, но и его мать, до его рождения.

— Получается...этот ребенок...Данталион, — ткнул пальцем в мой живот.

Я ударила его по пальцу.

— Не тычь!

И отвернула голову.

— И он мой СЫН!

Дайлон засиял, словно весь покрылся волшебной пылью или пропитался божественным сиянием, а не просто от радости. Набросился на меня, повесившись на шею. Расцеловал все лицо. Затем, опустился на колени. Приложил ухо и руку к животу и прислушался.

— Ей, малыш! Ты меня слышишь? Это твой отец-король. Расти быстрее в мамином животике. Я хочу тебя быстрее увидеть.

Я улыбнулась в непонимание. Сейчас Дайлон походил на большого ребенка, которому показали запечатанную новую игрушку.

— Я хочу, чтобы ты стала для него «настоящей» мамой, — сказал он, посмотрев на меня, не убирая головы с живота, — Хочу, чтобы ты его родила, воспитала, дала имя.

Мои пальцы, зрачки глаз задрожали. Я ожидала услышать этих слов сотни лет.

— Я..., - хотела сказать я.

— Не перебивай, — остановил Дайлон, — Если ты говоришь, что он твой ребенок, то, позволь мне стать для него отцом. Я буду для него самым хорошим. Обещаю. Позволь мне находиться все время с тобой и ним, — Дайлон глотнул непроходимый комок слюны, — Не хотела ли бы ты жить со мной, как моя супруга?

Я округлила глаза от шока.

Я почувствовала себя в роле негодяйки, которая пользуясь беременностью, пытается женить на себе нелюбимого человека. Кабы, ну, что уже поделаешь? Полнейший женский шантаж, мгновенно загоняющий мужчин в угол.

— Нееет...Я...Не могу. Т-ты-ты, — запинаясь, — Даже не испытываешь ко мне симпатий.

— Кто знает? Может я не говорил.

Дайлон поднялся с коленей. Склонился надомной, приподнял пальчиками мешающие волосинки с челки и нежно поцеловал меня своими мягкими губами в лоб, Я округлила глаза. И мое сердце успокаиваясь забилося...Наконец-то...За много-много столетий...

Я расскажу тебе полуночную сказку до конца обязательно в следующий раз....

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net